This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

k,
hy

This is an authorized facsimile of the original book,
and was produced in 1978 by microfilm-xerography
by University Microfilms International
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Сія часть могла бы и безъ предисловія быть напечатана; но какъ у насъ вошло въ обыкновеніе, что ни одна книга безъ него не бываетъ, то я слѣдуя тому, конечно не хочу пропустить случая сказать себя въ велерѣчіи, и напишу можетъ быть болше, нежели надобно. Въ сей части не писалъ я ни гдѣ окончанія вечеровъ; ибо разсудилось мнѣ, что сто лишнее и ненужное занимаетъ надобное мѣсто; а ежели читатель повелитъ, что бы оныя были, то онъ и безъ меня прибавлять ихъ можетъ по окончаніи каждаго вечера, и что онъ ни примолвитъ все будетъ къ спанію, и все хорошо: ибо такимъ сочинителемъ, какъ есмь я, всякому быть можно.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ,

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ СКАЗКИ.

ГЛАВА I.

ВЕЧЕРЪ 31.

Похожденіе Алима и Аскліады.

Аскалонъ, какъ скоро услышалъ сіе спѣваніе, то тотчасъ отскочилъ отъ дерева, члены его оцѣпенѣли и сдѣлался онъ неподвиженъ, чудное сіе приключеніе привело его еще въ большій безпорядокъ. Наконецъ перемогая себя и собравъ почти

уже потерянныя силы, спрашивалъ кто произнесъ сіе стенаніе? Я, отвѣчалъ дубъ истомленнымъ и означающимъ послѣднее издыханіе голосомъ, пренесчастливое созданіе изъ всего смертнаго рода. Успокойся незнакомой чужестранецъ, и не удивляйся столь много такому чудному превращенію, что видишь передъ собою словесное дерево; свирѣпое несчастіе, продолжалъ онъ, ежели растворишь на кого алчныя свои челюсти и начнешь пожирать его благополучіе и спокойствіе, то не только въ дерево, но и въ презрѣнную всѣми какую нибудь вещь превратить его можешь. Сія неносная кора заключаетъ въ себѣ обладателя многими народами, именемъ счастливаго Государя; но бытіемъ стенящаго плѣнника, человѣка произведеннаго на свѣтъ вкусить всѣ великія благополучія; но немилосердымъ рокомъ сверженнаго на дно бѣдъ и отчаянія. Вся жизнь моя есть собраніе мученій, или тотъ страшный часъ, которой отверзаетъ намъ двери гроба. Я всякую минуту умираю, но немилосердая и забывшая меня судьба не лишаетъ послѣдняго издыханія.

Аскалонъ естьлибы не чувствовалъ самъ въ сіе время великаго несчастія, то конечно бы не могъ имѣть никакого о немъ сожалѣнія; ибо сердцамъ наполненнымъ злостію и ненавистію не свойственно нималѣйшее соболѣзнованіе: но настоящая и собственная бѣда довольно имѣетъ силы, чтобъ умягчить варварскую и звѣрскую свирѣпость. Тронувшись нѣсколько тѣми отчаянными и достойными сожалѣнія словами, просилъ онъ превращеннаго Государя, чтобъ разсказалъ ему свои приключенія не для того, чтобъ прійти объ немъ въ сожалѣніе, но единственно для свѣденія всей великой силы несчастія. Я сіе охотно исполню, отвѣчалъ несчастливой владѣтель; ибо находясь здѣсь цѣлой годъ во образѣ дерева, въ первой разъ вижу передъ собою человѣка, и для того съ превеликимъ удовольствіемъ изъясню вамъ всѣ мои несчастія:

Я называюся Алимъ, владѣтель двухъ великихъ острововъ Малкона и Нія, лежащихъ въ семъ Варяжскомъ морѣ. Произхожденія моего ни я самъ, ни подданные мои не знаютъ; ибо, какъ сказываютъ, послѣ великой бури нашли

меня въ объятіяхъ мертвой женщины выкинутаго съ нею на берегъ: я былъ тогда еще младенецъ, и какого роду, того узнать никоимъ образомъ имъ было не возможно; женщина же по платью казалась Азіатка. Знатные господа тѣхъ острововъ приняли о воспитаніи моемъ великое попеченіе, и содержали меня весьма великолѣпно; ибо по прорицанію боговъ долженствовалъ тотъ быть у нихъ Царемъ, котораго они найдутъ выкинутаго къ нимъ на берегъ; по тому что княжеское мужеское поколѣніе прервалось смертію владѣвшаго передъ симъ Государя, которой скончался не имѣвъ мужескаго пола дѣтей. Когда же сталъ я понимать, то опредѣлили ко мнѣ учителей весьма разумныхъ и совершенныхъ людей, которые вкореняли въ меня почтеніе къ Богу, любовь къ добродѣтели и снизхожденіе къ народу; учили правамъ гражданскимъ, возстановленію благополучія общества, воинымъ упражненіямъ, и словомъ, всему тому, что принадлежитъ до Государя, изъ чего не трудно мнѣ было понимать, что я назначенъ ими къ сей высокой степени. Пришедши въ совершен

ной возрастъ, увидѣлъ я отъ нихъ великое къ себѣ почтеніе, и для того старался содержать себя всегда въ границахъ благороднаго поведенія; оказывалъ всякому, что я его почитаю больше, нежели онъ меня, къ чему и природное человѣколюбіе меня привлекало, приносилъ за все мою имъ искреннюю благодарность, и старался предупреждать всякаго учтивости. Къ неописанному моему счастію судьба просвѣтила столько мой разумъ, что я осмѣливался давать наставленія въ гражданскихъ поведеніяхъ, и въ томъ, что касалось до всего общества, и къ большему для меня благополучію совѣты мои и наставленія всегда имѣли благополучіемъ увѣнчанное окончаніе. Народъ всѣхъ степеней почувствовалъ ко мнѣ великое усердіе и любовь; всѣ единодушно желали мнѣ перваго въ свѣтѣ счастія, и не было у нихъ ничего такого, чего бы они мнѣ вѣрить не хотѣли. Всѣ дѣла, суды и предпріятія безъ моего вѣдома не производился въ дѣйство, и что я опредѣлялъ, то почитали за свято: ибо по природной моей добродѣтели пристрастія во мнѣ никогда не бывало. Наконецъ

всѣ охотно возпамѣрились возвесши меня на престолъ, исполнить волю Божію, вручить свое благополучіе въ собственное мое произволеніе, и покорились власти моей безъ всякаго о томъ сомнѣнія.

И такъ въ учрежденной на то день собрались всѣ жители столичнаго города на назначенное имъ мѣсто, куда ожидали моего прибытія въ превеликой тишинѣ и благочиніи. Какъ скоро появился я въ собраніе, то опредѣленной провозглашатель именемъ всего народа вручилъ мнѣ царскую власть, и послѣ въ Свѣтовидовомъ храмѣ великій первосвященникъ и все духовенство возложили на меня вѣнецъ и сдѣлали самодержавнымъ. Сія высокая степень, отверстая дверь къ роскоши и тщеславію, не сдѣлала никакой перемѣны въ умѣренныхъ моихъ желаніяхъ. Вкоренилось въ сердце мое столь сильная благодарность къ возведшему на престолъ меня народу, что я каждаго гражданина отъ искренняго моего сердца почиталъ моимъ отцомъ, которому я былъ обязанъ рожденіемъ, воспитаніемъ и благополучіемъ; и мнѣ кажется, что сія добродѣтель предосуждена быть отъ всѣхъ не мо-

ной возрастъ, увидѣлъ я отъ нихъ великое къ себѣ почтеніе, и для того старался содержать себя всегда въ границахъ благороднаго поведенія; оказывалъ всякому, что я его почитаю больше, нежели онъ меня, къ чему и природное человѣколюбіе меня привлекало, приносилъ за все мою имъ искреннюю благодарность, и старался предупреждать всякаго учтивости. Къ неописанному моему счастію судьба простѣрла столько мой разумъ, что я осмѣливался давать наставленія въ гражданскихъ поведеніяхъ, и въ томъ, что касалось до всего общества, и къ большему для меня благополучію совѣты мои и наставленія всегда имѣли благополучіемъ увѣнчанное окончаніе. Народъ всѣхъ степеней почувствовалъ ко мнѣ великое усердіе и любовь; всѣ единодушно желали мнѣ перваго въ свѣтѣ счастія, и не было у нихъ ничего такого, чего бы они мнѣ вѣрить не хотѣли. Всѣ дѣла, суды и предпріятія безъ моего вѣдома не производилися въ дѣйство, и что я опредѣлялъ, то почитали за свято: ибо по природной моей добродѣтели пристрастія во мнѣ никогда не бывало. Наконецъ

всѣ охотно возпамѣрились возвесити меня на престолъ, исполнити волю боговъ, вручити свое благополучіе въ собственное мое произволеніе, и покорящься власти моей безъ всякаго о томъ сомнѣнія.

И такъ въ учрежденной на то день собрались всѣ жители столичнаго города на назначенное имъ мѣсто, куда ожидали моего прибытія въ превеликой тишинѣ и благочиніи. Какъ скоро появился я въ собраніе, то опредѣленной провозглашатель именемъ всего народа вручилъ мнѣ царскую власть, и послѣ въ Свѣтовидовомъ храмѣ великій первосвященникъ и все духовенство возложили на меня вѣнецъ и сдѣлали самодержавнымъ. Сія высокая степень, отверстая дверь къ роскоши и тщеславію, не сдѣлала никакой перемѣны въ умѣренныхъ моихъ желаніяхъ. Вкоренилось въ сердце мое столь сильная благодарность къ возведшему на престолъ меня народу, что я каждаго гражданина отъ искренняго моего сердца почиталъ моимъ отцомъ, которому я былъ обязанъ рожденіемъ, воспитаніемъ и благополучіемъ; и мнѣ кажется, что сія добродѣтель предосуждена быть отъ всѣхъ не мо-

жешь. Всякую минуту неусыпно старался предупреждать всѣ тѣ надобности, которыя требовались отъ государя; прилѣжалъ больше всего искоренить изъ подданныхъ моихъ бѣдность, какъ такое чудовище, которое погибель и злоключенїе во многихъ произвести можешь. Того ради, чтобъ не прервалось ихъ благоденствїе, опредѣлилъ я дни, въ кои долженствовали безпомощные и бѣдные люди приходить ко мнѣ самому и объяснять ихъ надобности; и такъ между сими людьми находилъ я часто людей достойныхъ и надобныхъ гражданству, которыхъ завистливые и сильные богачи утѣсняли; мнѣжъ собственное мое благополучїе не столько было нужно, сколько благополучїе моихъ подданныхъ. Я награждалъ ихъ по достоинствамъ и возводилъ на приличныя имъ степени, и тѣмъ старался пресѣчь насилїе богатыхъ. И такъ сей миролюбивый народъ столько мнѣ сдѣлался усерденъ, что никакое другихъ обнадеживанїе, ниже прозьбы и ласкательства, ежели бы оныя отъ кого случились, не удобны были отвратить ихъ отъ моего покровительства и при-

всѣ охотно возжамѣрились возвесити меня на престолъ, исполнить волю божію, вручить свое благополучіе въ собственное мое произволеніе, и покорились власти моей безъ всякаго о томъ сомнѣнія.

И такъ въ учрежденной на то день собрались всѣ жители столичнаго города на назначенное имъ мѣсто, куда ожидали моего прибытія въ превеликой тишинѣ и благочиніи. Какъ скоро появился я въ собраніе, то опредѣленной провозглашатель именемъ всего народа вручилъ мнѣ царскую власть, и послѣ въ Свѣтовидовомъ храмѣ великій первосвященникъ и все духовенство возложили на меня вѣнецъ и сдѣлали самодержавнымъ. Сія высокая степень, отверстая дверь къ роскоши и тщеславію, не сдѣлала никакой перемѣны въ умѣренныхъ моихъ желаніяхъ. Вкоренилось въ сердце мое столь сильная благодарность къ возведшему на престолъ меня народу, что я каждаго гражданина отъ искренняго моего сердца почиталъ моимъ отцомъ, которому я былъ обязанъ рожденіемъ, воспитаніемъ и благополучіемъ; и мнѣ кажется, что сія добродѣтель предосуждена быть отъ всѣхъ не ме-

жешъ. Всякую минуту неусыпно старался предупреждать всѣ тѣ надобности, которыя требовались отъ государя; прилѣжалъ больше всего искоренить изъ подданныхъ моихъ бѣдность, какъ такое чудовище, которое погибель и злоключеніе во многихъ произвести можешъ. Того ради, чтобъ не прервалось ихъ благоденствіе, опредѣлилъ я дни, въ кои долженствовали безпомощные и бѣдные люди приходить ко мнѣ самому и объявлять ихъ надобности; и такъ между сими людьми находилъ я часто людей достойныхъ и надобныхъ гражданству, которыхъ зависпливые и сильные богачи утѣсняли; мнѣжъ собственное мое благополучіе не столько было нужно, сколько благополучіе моихъ подданныхъ. Я награждалъ ихъ по достоинствамъ и возводилъ на приличныя имъ степени, и тѣмъ старался пресѣчь насиліе богатыхъ. И такъ сей миролюбивый народъ столько мнѣ сдѣлался усерденъ, что никакое другихъ обнадеживаніе, ниже прозьбы и ласкательства, ежели бы оныя отъ кого случились, не удобны были отвратить ихъ отъ моего покровительства и при-

нудишь возстать противъ меня и противъ совѣсти.

Всякое человѣческое благополучіе не что иное, какъ мечта и привидѣніе; имѣть его удовольствія много, но потерять прискорбно. Я бы до конца препроводилъ жизнь мою весьма счастливо, и никакое бы злополучіе похитить не могло моего удовольствія; но судьба не по желаніямъ нашимъ располагаетъ наши участи. Въ самое то время, какъ природа просвѣщила мой разумъ, вселилась въ сердце мое любовь, и начала господствовать надъ моими разсужденіями: все мое понятіе и всѣ чувствія пищалися сладкими воображеніями, и чѣмъ больше помышлялъ я о сей страсти, тѣмъ больше дѣлался ей подвластенъ.

Послѣ покойнаго Государя осталась дочь, именемъ Аскліада; она столь прекрасна, что ежелибы я имѣлъ сто языковъ, то и тогда бы не могъ изъяснить тебѣ всей ея пріятности. Судьба сдѣлала ее обладательницею надо мною, и отдала сердце мое прелестямъ ея на жертву; но думаю, что страсть моя началась въ самой злополучный день, и

жетъ. Всякую минуту неусыпно старался предупреждать всѣ тѣ надобности, которыя требовались отъ государя; прилѣжалъ больше всего искоренить изъ подданныхъ моихъ бѣдность, какъ такое чудовище, которое погибель и злоключеніе во многихъ произвести можетъ. Того ради, чтобъ не прервалось ихъ благоденствіе, опредѣлилъ я дни, въ кои долженствовали безпомощные и бѣдные люди приходить ко мнѣ самому и объяснять ихъ надобности; и такъ между сими людьми находилъ я часто людей достойныхъ и надобныхъ гражданству, которыхъ завистливые и сильные богачи утѣсняли; мнѣжъ собственное мое благополучіе не столько было нужно, сколько благополучіе моихъ подданныхъ. Я награждалъ ихъ по достоинствамъ и возводилъ на приличныя имъ степени, и тѣмъ старался пресѣчь насиліе богатыхъ. И такъ сей миролюбивый народъ столько мнѣ сдѣлался усерденъ, что никакое другихъ обнадеживаніе, ниже прозьбы и ласкательства, ежели бы оныя онъ когда случились, не удобны были отвратить ихъ отъ моего покровительства и при-

нудишь возстать противъ меня и противъ совѣсти.

Всякое человѣческое благополучіе не что иное, какъ мечта и привидѣніе; имѣть его удовольствія много, но потерять прискорбно. Я бы до конца препроводилъ жизнь мою весьма счастливо, и никакое бы злополучіе похитить не могло моего удовольствія; но судьба не по желаніямъ нашимъ располагаетъ наши участи. Въ самое то время, какъ природа просвѣщала мой разумъ, вселилась въ сердце мое любовь, и начала господствовать надъ моими разсужденіями: все мое понятіе и всѣ чувствія пищалися сладкими воображеніями, и чѣмъ больше помышлялъ я о сей страсти, тѣмъ больше дѣлался ей подвластенъ.

Послѣ покойнаго Государя осталась дочь, именемъ Аскліада; она столь прекрасна, что ежелибы я имѣлъ сто языковъ, то и тогда бы не могъ изъяснить тебѣ всей ея пріятности. Судьба сдѣлала ее обладательницею надо мною, и отдала сердце мое прелестямъ ея на жертву; но думаю, что страсть моя началась въ самой злополучный день, и

можетъ быть пропивъ воли боговъ опредѣлено мнѣ было сіе счастіе, что я послѣ дѣйствительно и увидѣлъ. Въ самой первой день благополучнаго моего возшествія на престолъ, когда должны были подданные мои обоего пола принесши мнѣ свое поздравленіе, изъ первая вошла въ провожаніи многихъ придворныхъ жещинъ Аскліада; чтобъ сдѣлать мнѣ въ публичномъ залѣ должное поздравленіе, и когда она стала на колѣни выговаривала мнѣ оное, що я будучи пораженъ ея прелестями, благодарилъ ее смѣшенными словами. Окружающіе меня бояря подняли ее подъ руки, а я стоялъ въ удивленіи неподвиженъ, и ежели бы не извѣстны были имъ мои свойства, що конечно бы почли меня гордымъ и властолюбивымъ Государемъ; но въ меня тогда совѣмъ противная тому страсть вкоренилась: какъ скоро взглянулъ я на прекрасную Аскліаду, сердце мое прощулось, и всѣми сладостями, что ни есть въ свѣтѣ, обѣяно было; чрезмѣрное нѣкоторое веселіе и совсѣмъ непонятная мнѣ радость привели меня въ превеликое движеніе; смущенные глаза мои

на ея прелести, и всѣ желанія мои летѣли къ любезному для меня предмету въ одну сію минуту вкусилъ я всѣ слады неизъясненной любовной страсти. Наконецъ примѣтивъ самъ въ себѣ нѣкоторой отъ того происшедшій безпорядокъ, старался какъ возможно скрыть мое движеніе; но смѣшенная моя рѣчь и принужденныя изъясненія показали ясно, что чувствительное сердце мое пламенилось, духъ мой возволновался, и весь я покорился любовной страсти. Кто можетъ похвалишься въ такомъ случаѣ твердостію и великодушіемъ, я не думаю, чтобъ возмогъ кто превозмогать природныя и непорочныя въ себѣ волненія.

Я часто слыхалъ отъ окружающихъ меня бояръ объ Аскалидѣ, только не имѣлъ ни позволенія, ни времени оную видѣть; ибо строго у нихъ наблюдалось, чтобъ дѣвицы, а особливо знатнаго роду, не имѣли никакого сообщенія съ мущинами; они думали, что изъ того послѣдовать можетъ соблазнъ и развращеніе женскому полу, а о мужескомъ разсуждали инако, и думали что человѣкъ въ молодыхъ лѣтахъ обращая-

ся всегда съ женщинами, позабывать мужество, не радишь совсѣмъ о храбрости, и чувствуешь наконецъ всѣ ихъ слабости, которымъ подверженъ нѣжной полъ женской. Сіе узаконеніе подтверждалъ я сколько мнѣ возможно было; ибо зналъ, что разумъ нашъ склоненъ больше къ поползновенію, а мысли къ настоящему предмету; сверьхъ же сего человѣкъ избранный давать законы не долженъ никогда развращать оныхъ. И такъ первое сіе свиданіе столько вселило въ разумъ и въ сердце мое волненія, что я съ сихъ поръ ни одной минуты не имѣлъ спокойной въ моей жизни, ощдался размышленіямъ и различныя воображенія столь много колебали мою душу, что я не могъ опредѣлить прямаго моего желанія. Находясь въ семъ развращеніи разума, искалъ всегда уединенія; никогда въ прекрасный день, когда уже заходило солнце, пошелъ я изъ города не весьма въ ощдаленную ощъ онаго рощу, въ которой похоронялн обыкновенно людей знатныхъ фамилій, и куда ходили прогуливаться наши граждане. Роща сія священная, ибо посрединѣ оной сто-

нтъ священный дубъ, на которомъ виденъ образъ Прове, а около его или по всей рощѣ другіе боги, помощники его владычества; пришедъ туда по счастію моему, не нашелъ я никого, выключая нѣкоторыхъ жрецовъ, которые однако скоро возвратились въ городъ отправя тутъ нѣкоторыя не публичныя жертвоприношенія. И такъ находясь тутъ одинъ, и сыскавъ удобное къ тому мѣсто, отдался полному размышленію, въ которомъ препроводилъ время не менѣе, думаю, какъ два часа, пономъ пришло на меня ужасное забвеніе, и чувствовалъ, что нѣкоторый священный восторгъ поколебалъ мою душу и совѣмъ разсыпалъ естественныя мои мысли, въ одну минуту все въ глазахъ моихъ перемѣнилось, ужасная мгла покрыла то мѣсто, въ которомъ я находился, возстали умѣренные вѣтры, и вмѣсто сильнаго бушеванія наносили нѣкоторую пріятность колебаніемъ деревъ слуху, и мнѣ смущенному казалось, что вся обильная природа произносила тогда аромать и всякія благоуханія; я думалъ, что восхищенъ во обиталище боговъ, а будучи недостоинъ зрѣть ихъ

образа, пребываю покрытъ по соизволенію ихъ симъ мракомъ. Члены мои охладѣли, природа взволновалась и послѣднее разсужденіе совсѣмъ меня оставляло; потомъ увидѣлъ воздушные огни, которые безпрестанно блистали, и сія молнія восколебала воздухъ и произвела не столько страшной, сколько пріятной шумъ; часъ отъ часу она умножалась, и наконецъ слившись въ одно мѣсто, сдѣлала изъ себя превеликое окруженіе; вскорѣ начало потухать мѣстами яркое сіе сіяніе, показались въ ономъ различныхъ цвѣтовъ искры и удивительное сплетеніе. Чѣмъ больше я всматривался въ оныя, тѣмъ больше онѣ потухали и скрывались въ облака. Вдругъ восколебался больше воздухъ, мгла уступила мѣсто сіянію, огни и облака пришедъ въ превеликое движеніе разошлись и стали по сторонамъ; потомъ появилась между оными блестящая и великолѣпная колесница, везли ее по облакамъ два крылатые дракона, покрытые сѣтьми изъ прозрачныхъ и блистательныхъ каменьевъ, на головахъ ихъ были короны неописаннаго сіянія, глаза наполнены были огнемъ и изъ че-

люшей вылеталъ ужасный пламень; два крылатые купидона летѣвъ по сторонамъ колесницы правили сими свирѣпыми чудовищами. Множество купидоновъ открывали почную завѣсу и держащими въ рукахъ пламенниками помрачали оной звѣзды. Въ колесницѣ сколько великолѣпной, столько и блистательной сидѣла прекрасная богиня облокотясь на край оной, руку ея подерживали три граціи, и смотрѣли на нее со удивленіемъ; одѣяніе ея опущено было на игру зефировъ, и она сидѣла въ одномъ только шелковенномъ поясѣ, которой граціи и любовь плѣли своими руками ко увеселенію боговъ и ко удовольствію смертныхъ; все сіе видѣніе оставляло Ефиръ и опускалось къ тому мѣсту, гдѣ я въ смущеніи и удивленіи находился.

ГЛАВА II.

ВЕЧЕРЪ 32.

Продолженіе похожденій Алима и Аскліады.

Колесница находилась уже близко меня, я вспалъ съ великимъ подобо-

страстїемъ и ожидалъ или окончанїя привидѣнїю, или утвержденія истинны, ноги подо мною дрожали и сердце находилось въ великомъ движеніи. До сего времени не зналъ я, сколь ужасно взирать на боговъ, когда они въ самомъ величествѣ своего могущества; но тогда уразумѣлъ, что люди, возшедшїе на высокую степень, кажутся неприступными бѣднымъ, а передъ богами и обладатели народомъ бываютъ ничто. Богинина колесница остановилась, и она сошедъ на землю сдѣлала мнѣ снизходительное привѣтствїе, подобно какъ мать любви своему любовнику, и взявъ меня за руку повела передъ образъ Проновъ. Какъ только пришли мы передъ него, то вдругъ истуканъ объятъ былъ небеснымъ огнемъ, и послѣ онаго началъ имѣть живость и движенїе. Богиня приклонивъ голову въ знакъ повиновенія, начала говорить: Великїй Прове! другъ Перуновъ и мой любезнѣйшїй родитель! я открываю тебѣ мою страсть, и знаю, что сїя слабость не прилична безсмертной; но мать любви Лада не только, что смертными владѣетъ, и мы не рѣдко покаряемся ея власти.

Я чувствую склонность въ сердцѣ моемъ къ Алиму, и прошу тебя, мой родитель, чтобъ ты позволилъ мнѣ сіе, и сего смертнаго принялъ въ собственное твое покровительство. Потомъ затряслась земля, священный дубъ поколебалъ своими вѣтьвями, и я услышалъ голосъ Проновъ, которой произносилъ сіи слова ко мнѣ: благополучный Государь и пресчастливый изъ всего смертнаго рода человѣкъ, я повелѣваю тебѣ быть послушнымъ волѣ моей дочери, и чтобы ты не равнялъ смертную съ безсмертной, оставь склонность твою къ Асклїадѣ и въ самомъ началѣ старайся истребить ко оной пламень; ежели же будешь ты преслушенъ, то испытаешь всѣ въ свѣтѣ несчастїя, и наконецъ превращенъ будешь въ посвященное мнѣ дерево. По окончанїи сихъ словъ богиня расталася со мною, показавъ мнѣ толикое же снизхожденіе, и сѣвши въ колесницу скрылась въ облакахъ. Препроводивъ ее изъ глазъ моихъ съ великимъ почтенїемъ и подобострастїемъ, остался я еще въ большемъ смущенїи, и думалъ, что все сіе видѣніе представилося мнѣ, какъ сонъ

въ забвенїи моего разума и въ превеликой нестройности волнующейся во мнѣ природы; не зналъ, чему приписать сїе приключенїе, и для того старался прежде всего успокоить мое сердце, и послѣ искать въ семъ приключенїи тайны.

Долго бы я находился въ семъ забвенїи, ежели бы Пронова повелѣнїе не касалось до Асклїады; желая успокоить мое сердце, еще больше всколебалъ его сею моею мыслїю. Возможно ли, говорилъ я самъ въ себѣ, истребить мнѣ то изъ моей памяти, что совсѣмъ уже находится не въ моей власти? Боги, властители надъ нами, откройте мнѣ ясніе сїю тайну и ваше произволенїе, а безъ того разумъ мой неудобенъ постигать сїю неизвѣстность! Я помню, что я человѣкъ, и такъ долженъ желанїю вашему повиноваться. Произнося сїи слова, признаюсь тебѣ, неизвѣстный мнѣ чужестранецъ, что сердце мое не было согласно съ моимъ языкомъ; я мысленно вознамѣрился противиться волѣ боговъ и не отставать отъ любовнаго моего намѣренїя. Въ семъ случаѣ въ первой разъ добродѣтель моя страдала, и любовь господствовала надъ моею честїю, разсужденїемъ и поступками.

Мрачная ночь снимала уже темный покровъ съ неба, свѣтозарный и благосклонный богъ Свѣтовидъ надѣвалъ уже блестящій свой вѣнецъ и готовъ былъ освѣщать землю, когда я спѣшилъ оставить сіе мѣсто и прійти въ городъ, какъ возможно, скорѣе; но нечаянная встрѣча удержала меня въ моемъ пути. Я уже почти выходилъ изъ рощи, какъ увидѣлъ человѣка, котораго видъ принуждалъ меня быть ему покорнымъ. Онъ былъ украшенъ сѣдиною, но благородная бодрость, какъ мнѣ казалось, никогда его не покидала, черты чела его означали въ себѣ нѣчто божественное, рость и осанка соотвѣтствовали онымъ, платье на немъ было изъ чистой волны и опирался на жезлъ изъ бѣлой слоновой кости. Сошедшися со мною, говорилъ онъ мнѣ, Алимъ, ты просилъ у боговъ истолкователя твой тайны, которая по волѣ ихъ въ сію ночь была тебѣ показана, для того взялъ я изъ славы Перуновой, съ посвященнаго ему острова, которой въ то время поколебался, когда Перунъ въ первой разъ принялъ на себя образъ человѣческій, и съ тѣхъ поръ островъ сей плаваетъ по

одамъ. Я воли его провозвѣстникъ и истолкователь повелѣній всѣхъ боговъ; что тебѣ сомнѣнно показалось въ пророченіи Пріамовомъ, то значитъ сіе: великая богиня, Пронова дочь, почувствовала къ тебѣ склонность, и не хочетъ имѣть совмѣстницею Аскліаду, и сія начинаяся въ тебѣ ко оной страсть противна богамъ и весьма вредна подданному твоему народу. Ты не можешь предузнавать будущаго, и такъ оставляй оное богамъ и покаряйся ихъ волѣ. Аскліада чувствуетъ къ тебѣ неизъяснимую любовь; но ты удаляйся оныя, какъ такого яда, которой во весь твой вѣкъ сдѣлаетъ тебя несчастнымъ. Выговоривъ сіе пошелъ онъ меня въ сторону, и вскорѣ скрылся изъ моего виду. Въ превеликомъ замѣшательствѣ возвратился я въ городъ, и весь тотъ день сидѣлъ уединеннымъ, превозмогалъ, сколько могъ, мою страсть къ Аскліадѣ; но напрасно старался вытнать ее изъ моего сердца, ибо она уже господствовала мною безпредѣльно. Я вознамѣрился не видать ее никогда; но не чувствительно съ того дня бывалъ съ нею завсегда вмѣстѣ въ угодность всѣмъ

моимъ придворнымъ; а чтобъ нуще вселить въ меня неограниченную любовь, въ нѣкоторой день предложили они мнѣ о женидьбѣ. Всѣ согласны были и почитали себѣ за счастіе, чтобы я взялъ за себя Аскліаду, какъ такую дѣвицу, которая происходитъ отъ княжеской крови, и имѣетъ больше всѣхъ права быть участницею въ моемъ владѣніи. Что надобно было мнѣ отвѣчать на сіе предложеніе? Воли боговъ открыть мнѣ имъ было не возможно, а показать на то мое несогласіе, сердце мое и мысли запрещали; сверьхъ того народная отъ того погибель смутила мое понятіе, и я не никакимъ тогда показался, какъ будто не понимаю ихъ предложенія. Всѣ сдѣлались тѣмъ не довольны; хотя мнѣ онаго и не показывали, однако думали, что я получивъ царскую власть начинаю поступать по моимъ пристрастіямъ.

Бейгамъ, первой Министръ, чрезъ нѣсколько времени примѣтивъ во мнѣ ужасное смущеніе, и желая, какъ возможно, освободить меня отъ онаго, предпріялъ узнать мои мысли, и послалъ подать мнѣ потребные къ тому совѣты. Онъ былъ весьма разуменъ и прозорливъ,

водамъ. Я воли его провозвѣстникъ и истолкователь повелѣній всѣхъ боговъ; что тебѣ сомнѣнно показалось въ прореченіи Проновомъ, то значитъ сіе: великая богиня, Пронова дочь, почувствовала къ тебѣ склонность, и не хочетъ имѣть совмѣстницею Асклїаду, и сія начентаяся въ тебѣ ко оной страсть противна богамъ и весьма вредна подданному твоему народу. Ты не можешь предузнавать будущаго, и такъ оставляй оное богамъ и покаряйся ихъ волѣ. Асклїада чувствуетъ къ тебѣ неизъясненную любовь; но ты удаляйся оныя, какъ такого яда, которой во весь твой вѣкъ сдѣлаетъ тебя несчастнымъ. Выговоривъ сіе пошелъ отъ меня въ сторону, и вскорѣ скрылся изъ моего виду. Въ превеликомъ замѣшательствѣ возвратился я въ городъ, и весь этотъ день сидѣлъ уединеннымъ, превозмогалъ, сколько могъ, мою страсть къ Асклїадѣ; но напрасно старался выгнать ее изъ моего серрца, ибо она уже господствовала мною безпредѣльно. Я вознамѣрился не видать ее никогда; но не чувствительно съ того дня бывалъ съ нею завсегда вмѣстѣ въ угодность всѣмъ

моимъ придворнымъ; а чтобъ пуще вселить въ меня неограниченную любовь, въ нѣкоторой день предложили они мнѣ о женидьбѣ. Всѣ согласны были и почитали себѣ за счастіе, чтобы я взялъ за себя Аскліаду, какъ такую дѣвицу, которая происходитъ отъ княжеской крови, и имѣетъ больше всѣхъ права быть участницею въ моемъ владѣніи. Что надобно было мнѣ отвѣчать на сіе предложеніе? Воли боговъ открыть мнѣ имъ было не возможно, а показать на что мое несогласіе, сердце мое и мысли запрещали; сверьхъ того народная отъ того погибель смущила мое понятіе, и я не инаковымъ тогда показался, какъ будто не понимаю ихъ предложенія. Всѣ сдѣлались имъ не довольны; хотя мнѣ онаго и не показывали, однако думали, что я получивъ царскую власть начинаю поступать по моимъ пристрастіямъ.

Бейгамъ, первой Министръ, чрезъ нѣсколько времени примѣтивъ во мнѣ ужасное смущеніе, и желая, какъ возможно, освободить меня отъ онаго, предпріялъ узнать мои мысли, и послѣ подать мнѣ потребные къ тому совѣты. Онъ былъ весьма разуменъ и прозорливъ,

набоженъ и постояненъ, и для сихъ похвальныхъ преимущественъ отличалъ я его отъ прочихъ. Онъ нашедъ меня нѣкогда въ уединеніи, старался какъ возможно выведать мои мысли, и столь сильно убѣдилъ меня своею прозьбою, что я открылъ ему мое видѣніе и все принадлежащее къ оному; выслушавъ все у меня, нѣсколько онъ усумнѣлся, и послѣ говорилъ мнѣ такъ: Великій Государь! хотя весьма не пристойно противиться волѣ боговъ; но сіе ихъ опредѣленіе, мнѣ кажется, подвержено нѣкоторому неприличному имъ пристрастію: ежели вы сочетаетесь бракомъ съ Аскліадою, изъ этого можно предвидѣть пользу, а не вредъ народу; а совокупленіе ваше съ богинею не можетъ подать намъ никакого прибытка. Я не знаю, можетъ я и погрѣшаю моимъ мнѣніемъ, что начинаю совѣтовать вамъ противное волѣ богинной; а чтобъ не получить намъ за сіе жестокаго наказанія, що надлежитъ отворить всѣ храмы и приносить во оныхъ большія жертвы къ умягченію боже кого гнѣва; ежели оные возьмѣютъ, во время сей жертвы будемъ просить о сочетаніи

вашемъ съ Асклїадою, ибо сїе намъ необходимо должно исполнить. Я на сїе согласился, и приказалъ готовить жертву; сто бѣлыхъ и чистыхъ воловъ изготовлено было для сего, и мы положили, чтобъ каждой день по пяти оныхъ возлагать на жертвенникъ Проновъ.

Въ самой первой день по разсмотрѣнїю внутренности жертвеннаго скота, объявилъ мнѣ первосвященникъ, что онъ усмотрѣлъ великїя замѣшательства къ моему и народному благополучїю, и что есть тутъ нѣчто такое, котораго онъ и весь духовной чинъ проникнуть не можетъ; чего ради совѣтовали мнѣ, какъ возможно усерднѣе умилостивлять боговъ, и просить открытїя неизвѣстной моей судьбины. Все меня смущало и все старалось безпокоить. Наконецъ я началъ задумываться и терять здравое мое разсужденїе; Бейгамъ видя мое отчаянїе, предпрїялъ увеселять меня различною полевою охотою, которая мнѣ необходимо потребна была въ такомъ моемъ развратномъ состоянїи. Въ нѣкоторой день должны были мы по необходимости ночевать на полѣ; при восхожденїи солнца по-

ѣхали снова подымать звѣрей; находясь въ семъ упражненіи, не знаю какимъ образомъ потерялъ я всѣхъ моихъ людей, и не находилъ къ городу дороги, часа съ два ѣздилъ я по лѣсу, наконецъ увидѣлъ превеликаго и чуднаго кабана; щетина на немъ была золотая, и падала съ него шогда, когда онъ бѣжалъ весьма скоро. При мнѣ было копье и лукъ со стрѣлами, и для того не опасался я сразишься съ нимъ, пустилъ коня моего во весь опоръ, чтобъ догнать звѣря, которой какъ будто бы нарочно не хотѣлъ скрыться изъ моихъ глазъ. Онъ взбѣжалъ на превысокую гору, на которую на конѣ мнѣ въѣхать было не возможно; того ради слѣзъ я съ него и пошелъ пѣшкомъ; взошедши на гору весьма поспѣшно, не видалъ уже я болѣ того вепря; и какъ осматривался на всѣ стороны, то вдругъ поднялась ужасная буря, потомъ превеликой и густой облакъ подхватилъ меня и понесъ по воздуху. Сіе чрезъестественное приключеніе вселило въ меня превеликую робость, и вскорѣ помѣшался я въ разумѣ, и такъ воздушной сей путь совсѣмъ мнѣ былъ не из-

вѣтеръ. Наконецъ ужасной шумъ и стукъ тяжелыхъ цѣпей, которое все мнѣ слышалось издалека, прекратили мое забвеніе; страхъ мой увеличивался отчасу болѣе, и пришелъ поспомъ въ совершенство, когда увидѣлъ я, что облакъ несетъ меня на нѣкоторой малой островъ, на которомъ видны мнѣ были двѣ горы преужасной высоты; облакъ опустившись при подошвѣ оныхъ на землю, разошелся подъ моими ногами, и я увидѣлъ себя въ престрашномъ и въ забытомъ природою мѣстѣ, все казалось мнѣ необычайно, всѣ бездушныя вещи и сама земля преисполнена ужасной шумъ.

На всемъ семъ страшномъ островѣ не было ни одного дерева и никакой травы, земля казалась камнемъ и была весьма бѣла, по серединѣ острова стояли двѣ горы, которыхъ вершины доходили до облакъ и клонилися другъ къ другу. Между ими видна была неизслѣдованная бездна, отверстіе которой прикрывали великіе висящіе изъ горъ камни; въ ней слышенъ былъ такой шумъ, что я не находилъ подобнаго въ природѣ; ежели бы страшной громъ гре-

мѣлъ безпрестанно, то и тотъ, мнѣ кажется, не могъ бы сравниться съ ревомъ исходящимъ изъ сея пропасти.

ГЛАВА III.

ВЕЧЕРЪ 33

Продолженіе похожденій Алима и Асклїады.

Въ скоромъ времени изъ той престрашной пещеры съ великимъ стремленіемъ вылетѣлъ весьма чудной человѣкъ; положеніе его тѣла во всемъ было подобное нашему, за плечами имѣлъ большія крылья и весь покрытъ былъ бѣлыми перьями, на головѣ его волосы были весьма кудрявые, и стояли на подобіе безпорядочно всклокаченныхъ, въ рукахъ вынесъ онъ епанчу, у которой одна сторона была голубая съ вышитыми золотыми звѣздами, а другая бѣлая, на коей изображено было солнце съ полными лучами; подошедъ ко мнѣ изъявлялъ свое учтивство тѣлодвиженіемъ, по чему я узналъ, что онъ не разумѣлъ моего языка; надѣлъ на меня ту епанчу, и взявъ за руку поднялся

на воздухъ и со мною вмѣстѣ. Въ семъ воздушномъ пути находился мы весьма мало времени, и я увидѣлъ себя на островѣ, которой былъ совсѣмъ первому не подобенъ; здѣсь природа сохраняла всѣ свои сокровища, солнце освѣщало сіе мѣсто плодотворными лучами, и подъ симъ счастливымъ небомъ казалось мнѣ, раждалось все человѣческое благополучіе; ибо нашелъ я тутъ всѣ таинства природы, порядочное шеченіе солнца, луны и звѣздъ, согласіе стихій, и словомъ, все прекрасное строеніе, превосходящее всю вселенную.

Островъ сей былъ не весьма пространенъ и весь обнесенъ высокимъ берегомъ изъ Парїоскаго бѣлаго мрамора, котораго никогда не дерзали очернить мутныя морскія волны; на оградѣ сего берега поставлены были различныя и удивительныя статуи; за оными виденъ былъ рядъ лавровыхъ деревьевъ, которыя представляли собою посвященную богамъ рощу, и казались, какъ будто бы въ сію минуту превращенная Даф-на получила побѣду надъ Аполлономъ, защищая свое дѣвство. Проводникъ мой оставилъ меня на пристани, по сторо-

мѣлъ безпрестанно, что и нотъ мнѣ кажется, не могъ бы сравниться съ ревомъ исходящимъ изъ сея пропасти.

ГЛАВА III.

ВЕЧЕРЪ 33

Продолженіе похожденій Алима и Аскліады.

Въ скоромъ времени изъ той пресмрадной пещеры съ великимъ стремленіемъ вылешѣлъ весьма чудной человѣкъ; положеніе его шѣла во всемъ было подобное нашему, за плечами имѣлъ большія крылья и весь покрытъ былъ бѣлыми перьями, на головѣ его волосы были весьма кудрявые, и стояли на подобіе безпорядочно всклокоченныхъ, въ рукахъ вынесъ онъ епанчу, у которой одна сторона была голубая съ вышитыми золотыми звѣздами, а другая бѣлая, на коей изображено было солнце съ полными лучами; подошедъ ко мнѣ изъявлялъ свое учтивство шѣлодвиженіемъ, по чему я узналъ, что онъ не разумѣлъ моего языка; надѣлъ на меня ту епанчу, и взявъ за руку поднялся

на воздухъ и со мною вмѣстѣ. Въ семъ воздушномъ пути находился мы весьма мало времени, и я увидѣлъ себя на островѣ, которой былъ совсѣмъ первому не подобенъ; здѣсь природа сохраняла всѣ свои сокровища, солнце освѣщало сіе мѣсто плодотворными лучами, и подъ симъ счастливымъ небомъ казалось мнѣ, раждалось все человѣческое благополучіе; ибо нашелъ я тутъ всѣ таинства природы, порядочное теченіе солнца, луны и звѣздъ, согласіе стихій, и словомъ, все прекрасное строеніе, превосходящее всю вселенную.

Островъ сей былъ не весьма пространенъ и весь обнесенъ высокимъ берегомъ изъ Парїоскаго бѣлаго мрамора, котораго никогда не дерзали очернить мутныя морскія волны; на оградѣ сего берега поставлены были различныя и удивительныя статуи; за оными виденъ былъ рядъ лавровыхъ деревьевъ, которыя представляли собою посвященную богамъ рощу, и казались, какъ будто бы въ сіе минуту превращенная Дафна получила побѣду надъ Аполлономъ, защищая свое дѣвство. Проводникъ мой оставилъ меня на пристани, по сторо-

намъ коея лежали двѣ превеликїя статуи, изображающїя рѣки; онѣ опиралися на большїя искривленныя раковины, изъ коихъ истекала прозрачная вода, и казалось какъ будто бы оная дополняла великое море; морскїе львы и другїя разнообразныя и удивительныя водяныя чудовища стояли на всходѣ по порядку. Вошедъ на островъ увидѣлъ я прямую дорогу, которая вела къ великолѣпному зданїю; оное было гротъ, какъ я уже увѣдалъ послѣ. Какъ скоро представился глазамъ моимъ сей невоображаемый предметъ, то столь великое вселилось въ меня удивленїе, что принужденъ я былъ остановиться. Зданїе сїе поставлено было въ половину круга, и отъ обѣихъ концовъ поднималося къ верьху, такъ что казалось превысокою горою. Стѣны его распещрены были разнаго цвѣта блестящими раковинами и каменьями; съ самой вершины въ каналъ по пространнымъ золотымъ скатамъ на подобїе лестницы низпадала прозрачная вода, которая казалася чище, нежели Аврорины (*) слезы; оною

(*) Славяне почитали своихъ боговъ весьма великою честїю; а на укрѣпленїе каковъ нибудь мѣста употребляли тѣхъ, которыхъ

омывалися поставленные внизу Дельфины. По сторонамъ тѣхъ скатовъ казалися плывущими внизъ Нерейды съ корольковыми въ рукахъ вѣтками и съ переплѣтенными жемчугомъ волосами; по серединѣ стремленія воды находились три Ахилсевы дочери въ томъ образѣ, въ коемъ онѣ остались побѣждены пѣніемъ Музъ, по совѣту царицы боговъ Юноны. Водъ водою сдѣланные органы представляли точно, какъ будто бы онѣ воспѣвали сладостнымъ голосомъ божескія дѣла и ихъ могущество. За Сиренами слѣдовалъ чудной морской полубогъ Тритонъ; грудь его покрыта была морскою травою, а по прямому чреву падала вода съ сѣдой его и мокрой бороды, въ корольковомъ вѣнкѣ, имѣя въ рукахъ извитую раковину на подобіе большаго рога, въ которой онъ предвозвѣщаетъ пришествіе морскаго бога. За нимъ съ самой вершины качалась плывущая по водамъ позлащенная колесница; она сдѣлана была изъ превеликой раковины, запряжены въ ней были

почитали инсплем нѣпки. И такъ Алимъ говоря объ украшеніи, долженъ непремѣнно представлять чужихъ боговъ, хотя въ случаѣ они ихъ почитали

два морскіе свирѣпые коня, которые
мѣсто духа испускали изъ челюстей
ѣдую клубомъ пѣну, и имѣли мѣдныя
оги; а въ ней сидѣлъ повелитель мо-
ями, и зиждитель стѣнъ Троянскихъ.
олгую его и бѣлую бороду, смѣшен-
ую съ серебромъ, развѣвали летящіе
ъ его владѣніе вѣтры; держалъ онъ въ
укахъ серебреную троекопѣйную остро-
у, и казалось, какъ будто бы оною
тверзаетъ онъ морскую бездну. По
равую его сторону представленъ былъ
лявковъ хоръ, и все чудное Форково
инство; по лѣвую лежащая спокойно
а валахъ Ѳетида, Мелита и другія
огини. Позади повелителя морями вид-
ы были прекрасныя Наяды. Серебре-
ые ихъ волосы покрыты были тро-
шниковыми вѣнками, и лежали онѣ
блокотясь на урны, изъ которыхъ вы-
текающая вода струями стремилась подъ
Іосидонову колесницу. Передъ гротомъ
а возвышенномъ мѣстѣ видѣнъ былъ
устой кустарникъ, подъ которымъ ле-
жала складная тѣломъ Аранка; по че-
му я узналъ, что эта сторона грота
лежала къ Югу.

Обошедъ на другую сторону, увидѣлъ я положеніе его во всемъ подобное первому, только были тутъ другіе знаки: на верху стоялъ крылатой Сатурнъ; сѣдые его волосы покрывалъ вѣнокъ, сдѣланной изъ молодыхъ фиговыхъ и виноградныхъ вѣтвей, которыхъ черныя и бѣлыя ягоды представляли день и ночь; въ рукѣ у него была коса, а въ другой песочные часы и свернувшаяся кольцомъ змѣя; по сторонамъ внизъ стояли четыре времена года: Весна, въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ, держала корзину, наполненную неподлекламыми цвѣтами, въ бѣломъ одѣяніи и въ зеленой епанчѣ, на коей видна была разная зелень; а вкругъ ее лежали забавы и веселія, и тѣмъ показывали, что вся природа обновлялась. По другую сторону лѣто, вѣнчанное колосьями, въ бѣломъ платьѣ и въ золотой манціи, въ рукѣ держало серпъ. Подлѣ весны находилася престарѣлая зима, окутанная овечьею кожею въ вѣнкѣ, сдѣланномъ изъ древесныхъ вѣтвей, съ которыхъ опали листы; подлѣ ее стояла жаровня, наполненная горячими углями. Лѣто преслѣдовало осень въ видѣ Бахайки

обрызганной виноградиымъ сокомъ; къ головѣ ея былъ вѣнокъ изъ винограда, и изъ егожъ грозда выжимала она сокъ въ превеликую чашу; платье на ней было пурпуровое. Потомъ стоялъ двуличной Январь, имѣющій старое и молодое лице. Старое означало прошедшій годъ, а молодое наступающій. Февраль имѣлъ на себѣ одѣяние синее, подвязанное поясомъ. Мартъ стоялъ одѣтый въ волчью кожу, и держалъ въ рукахъ сосудъ съ молокомъ. Апрѣль, любимецъ Венеринъ, увѣнчанъ былъ миртою и весь украшенъ различными цвѣтами. Май, наперсникъ Уранiи, въ длинномъ одѣяни съ широкими рукавами, въ рукѣ держалъ корзину со цвѣтами, а въ другой имѣлъ цвѣтокъ, которой онъ безпрестанно нюхалъ; подлѣ ногъ у него видѣнъ былъ павлинъ. Нагой Iюнь показывалъ рукою на солнечные часы, а въ другой держалъ зажженной факелъ. Безобразной и изсохшiй отъ солнца Iюль держалъ корзину съ шелковичными ягодами; а рыжiе его волосы связаны были соломиною. Августъ нагой, мучимой всегдашнимъ зноемъ, держалъ передъ устами большую стеклянную

чашу съ чистою ключевою водою въ одной рукѣ, а въ другой опахало, сдѣланное изъ многихъ павлиновыхъ перьевъ. Подлѣ винной кадки стоялъ Сентябрь, и держалъ въ лѣвой рукѣ ящерицу. Октябрь, обвѣшенный разными битыми птицами, опирался на сосудъ, наполненной пѣнющимся виномъ; подъ ногами у него лежалъ затравленой заецъ. Ноябрь, имѣющій лысую голову, въ бѣломъ полотняномъ платьѣ, опирался о жертвенникъ, на которомъ лежала голова дикой козы; по чему казался Жрецомъ Египетской богини Исиды, а въ рукахъ держалъ онъ Систръ. Посвященной Вестѣ Декабрь въ невольническомъ платьѣ, имѣлъ въ рукѣ зажженной факелъ. Всѣ сіи мѣсяцы были съ крыльями, изъявляя тѣмъ, что они никогда отъ крылатаго времени не отставали. Еще сихъ преслѣдовали дочери Юпитера и Ѳемисы: онѣ имѣли бабочкины крылья, и держали въ рукахъ солнечные и другіе часы. Передъ сей же стороною груша видѣнъ былъ Африканецъ съ калчаномъ и съ лукомъ гонящійся за звѣремъ. Сіе означало, что оная лежала на Западъ.

Любопытство мое отъ часу умножалось, и я предпріялъ обойти кругомъ весь етотъ удивительной гротъ. Третья и потомъ четвертая сторона, которую я послѣ сей объясню, были подобны первымъ, то есть, вода текла по такимъ же скатамъ; а знаки были на всѣхъ особливые. На вершинѣ сей стороны казалась нѣсколько возвышенная и страшная гора. На ней сидѣлъ угрюмой богъ вѣтровъ, въ одной рукѣ держалъ скипетръ, которой означалъ безпредѣльную его власть въ природѣ; а другою ударялъ копьемъ въ гору, которая казалась разсѣдающеюся, и будто бы стремились оттуда буйные вѣтры, и готовы были, распространясь по землѣ и морямъ, произвести ужасную бурю, покрыть небеса мглою, изъ яснаго дня сдѣлать мрачную ночь, и приключить страхъ и ужасъ смертнымъ. У ногъ его сидѣлъ весьма безпокоющійся отъ шуму Алкіонъ; а по другую сторону Хамелеонъ, надъ головою видѣнъ былъ парящій вверьхъ орелъ. Потомъ внизъ по скатамъ находились безпокойные вѣтры. Изъ образовъ ихъ видѣть было можно, что они находили въ томъ

удовольствіе, чтобъ опровергнуть всю вселенную. Сердитой и крылатой Борей, сынъ Атрѣевъ и Герибринъ, слѣдуя зе Аквилономъ, закрывалъ лице свое епанчею, чѣмъ изъяснялъ безмѣрную свою скорость. Предъ нимъ стояли по сторонамъ прекрасныя его дѣти, которыхъ Орифія родила съ позволеніемъ благосклонныя природы. Лазоревые длинные ихъ волосы перебирались по золотой четуѣ, которая покрывала ихъ спины; крылья за плечами и на ногахъ дѣлали ихъ украшеніемъ природы. Авроринъ сынъ Зефиръ, оживотворятель цвѣтовъ и плодовъ, украшенъ былъ вѣнкомъ изъ разныхъ и прелестныхъ цвѣтовъ. Крылья его находились распростерты, и казался онъ летящимъ въ пріятныя Елиссейскія долины. Сихъ преслѣдовали стихіи, крылатая посланница Юнонина подъ развѣваемымъ покрываломъ, имѣющая у ногъ своихъ орла. Противъ ее не весьма на высокомъ пригоркѣ лежала прекрасная Наяда: на головѣ у нее былъ вѣнецъ изъ тростника, серебреные ея волосы лежали по плечамъ, опиралася она локтемъ на урну, изъ которой истекала прозрачная

вода; у ногъ ея находился Дельфинъ. Передъ Ирисою видѣнъ былъ Вулканъ, стоящій между циклопами. Лице его казалось красно, такъ какъ бы освѣщено было огнемъ, поддерживали его двѣ золотыя служанки, а у ногъ его лежала Саламандра. По другую сторону сидѣла великолѣпная женщина, увѣнчанная цвѣтами; въ рукахъ имѣла рогъ изобилія, наполненной цвѣтами и плодами; подлѣ ее стоялъ левъ, которой въ ней повсяминутно ласкался. Передъ всѣмъ этимъ стоялъ на піедесталѣ Лапландецъ; оной казался окруженъ весь инеемъ и снѣгомъ. На сей сторонѣ сверьху вода имѣла сильное стремленіе, отъ чего казалось, что предстоявленные тутъ вѣтры, и самъ свирѣпой ихъ повелитель, производили ужасной шумъ, и возмущали воздухъ.

На самомъ верьху четвертой стороны, которая имѣла видъ горы прорицанія, видѣнъ былъ Апполонъ, посреди девяти музъ, въ лавровомъ вѣнкѣ: въ рукахъ онъ держалъ лиру, коея согласіе какъ людей, такъ и боговъ въ восхищеніе приводитъ. Подлѣ его лежалъ калчанъ и стрѣлы, то славное

оружіе, которымъ онъ убилъ престраш-маго Нивона, и поразилъ Циклоповъ, кои ковали великому Юпитеру стрѣлы на пораженіе Фебова сына Ескулапія. Подлѣ ногъ его лежалъ посвященной ему левъ; круглое его рыло, свѣтлые глаза и грива, лежащая по обѣимъ сторонамъ, изображали солнце съ полными лучами. Надъ головою Аполлоновою леталъ разновидный и плѣняющій взоръ Амуръ, красотою котораго не только люди, но и боги безпрестанно любовались. Онъ готовился подать богу свѣта Амвросій, дабы онъ помазалъ свои уста и освѣщалъ бы землю. Быстрой и крылатой Пегасъ казался летящимъ съ горы по всѣ страны свѣта. Ниже, важная и благородная Европа сидѣла на пушкахъ; на головѣ ея блестящій шлемъ украшенъ былъ бѣлыми перьями, въ золотомъ кирасѣ, котораго задъ покрывала желтая мантія. Въ одной рукѣ держала она скипетръ, а въ другой рогъ изобилія; по сторону стоялъ не обузданной конь, а по другую лежали книги, знамена, шлемы и щиты. На другой сторонѣ противъ ея бока поставлена была гордая и суровая Азія; на головѣ ея

бѣлая чалма съ желтыми полосами, обнизанная по мѣстамъ цаплиными перьями, платье голубое, сверхъ котораго желтая епанча; въ одной рукѣ держала она сосудъ съ благовонными зелїями, а въ другой щитъ съ прибывающею Луною. Передъ нею лежали литавры, барабаны, сабли, луки и стрѣлы, а по сторону ея стоялъ верблюдъ. Передъ Европою стояла черная Африка: надъ нею виденъ былъ подсолнечникъ, отъ чего казалася она вся въ тѣни. Она была по поясъ нагая; на рукахъ у нее жемчужныя зарукавья и въ ушахъ по одной крупной жемчужинѣ. Въ правой рукѣ держала она Скорпїона, а въ лѣвой рогъ изобилїя; подлѣ ея виденъ былъ маленькой слонъ. Азію преслѣдовала смуглая и свирѣпая Америка; голова ея убрана была разноцвѣтными перьями на подобїе вѣнка, и только одинъ поясъ изъ шакиль же перьевъ прикрывалъ ее до колѣнъ, вооружена она была лукомъ и стрѣлами; подлѣ ея видна была ящерица. Передъ сими стояла позлащенная солнцева колесница; въ нее запряжены уже были пламенодышущїе кони, которыхъ держали первые часы дня, и ожи-

дали Фебова пришествія. Подалѣ отъ сихъ стоялъ Левамецъ, освященный утренними лучами, въ рукахъ держалъ пучекъ цвѣтовъ, которые въ тужъ минуту распустились; а подлѣ его стояла жаровня съ благовоннымъ куреніемъ; сіе означало Востокъ.

Сверьхъ всего преудивительнаго сего грома, какъ чуднобы на воздухѣ носился сгущенный облакъ; на немъ виденъ былъ Царь и Отецъ боговъ. Величественное его чело покрыто было золотымъ вѣнцемъ; въ рукѣ держалъ онъ Перунъ, а въ другой викторію. У ногъ его находился орелъ: По правую сторону сидѣла дочь его и Ѳемисы, украшенная жемчужнымъ вѣнцемъ, одѣяніе на ней было фіолетовое и зеленая епанча, въ рукѣ держала вѣсы, а въ другой шпагу; по лѣвую видны были дочери и подруги Венеры, богини Увѣренія, а за ними крылатые часы.

ГЛАВА IV.

ВЕЧЕРЪ 34.

Продолженїе похожденїй Алима и Алкліады.

Все сїе видимое мною великолѣпїе не уменьшало моего любопытства, но приводило его на вышшую степень. Разсмотрѣвъ прилѣжно огромное сїе зданїе, пошелъ я туда, куда стремилося мое любопытство и понуждали восхищенныя мысли; и еще я полонъ былъ удивленїя, какъ увидѣлъ на восточной сторонѣ онъ грота нѣкоторое зданїе. Оно совсѣмъ было не подобно тѣмъ, которыя дѣлаются человѣческими руками, и должно сказать, что превосходило всѣ дѣлаемые на земли божескїе храмы. Видъ сего прелестнаго и плѣняющаго взоръ и мысли зданїя былъ круглой; золотые столбы, и за оными лазоревые стѣны освѣщаемы были нѣкоторымъ блѣднымъ свѣтомъ, или онъ погружающейся въ морѣ блѣдной луны, у которой не видно уже ни одной осьминка, или онъ солнца, кое еще нахо-

дясь въ прелестныхъ недрахъ прекрасныя Фетиды, вздѣваетъ блестящій вѣнецъ, и прощаясь съ нею хочетъ садиться въ колесницу. На верьху не весьма съ малаго шару стремился въ небеса золотой Петухъ: крылья его были распростерты, и находились они въ Зефировъ въ движеніи. Крышка на семъ зданіи столь была ала, что превосходила всякую розу. Кругомъ на оной стояли крылатые купидоны, и держали въ рукахъ каждой по пучку цвѣтовъ, которые казались, какъ будто бы въ сію минуту распустились упившіяся росы и оживотворяся благорастворенымъ воздухомъ. По одну сторону не весьма далеко отъ сего храма видѣнъ былъ весьма сгущенной и мрачной облакъ; на ономъ черная колесница, въ которую впряжены были двѣ совы. Въ колесницѣ сидѣла богиня тьмы, старшая Хаосова дочь; у ногъ ея спали два купидона, которые представляли сновидѣнія; въ рукѣ держала она обращенной внизъ факелъ, которой старалася погасить. На головѣ ея былъ вѣнокъ изъ маковыхъ цвѣтовъ; черная ея епанча, испещренная звѣздами, по-

чны у ѣс вся подобрана была въ колесницу, и казалось какъ будто бы сія богиня удалялась отъ храма. По другую сторону видна была пещера, въ которую казалось ни малѣйшій народной шумъ и никакое смятеніе онаго проникнуть не могло. При отверзіи ея видны были маковые поблеклые цвѣты, съ которыхъ почти уже свалились листья, и оказывались маковицы, стоялъ шумъ изсохшій тростникъ и другія совсѣмъ высохшія травы. Сквозь оныхъ видѣнъ былъ въ пещерѣ братъ смерти, сынъ ночи, и богъ сна въ покоѣ, которой лежитъ на кровати изъ Гебенова дерева; а вокругъ его лежатъ мечтанія, которыя поминутно принимаютъ на себя различные виды. По правую сторону на мягкомъ ложѣ лежалъ служитель сна, которой былъ весьма искусенъ предсказывать другимъ походку, видъ, голосъ и всякія движенія. Легкія ихъ крылья и въ самомъ крѣпкомъ его снѣ находились въ превеликомъ движеніи; держалъ онъ маковую вѣтку въ рукахъ, и казалось, что намѣренъ былъ ею усыпить все смертное племя. По четвертую сторону, кото-

рая была противъ ночи, стояла на волнахъ позлащенная Фебова колесница, въ ней впряжены были четыре крылатые коня, которые вмѣсто воздуха дышали пламенемъ и нетерпѣливостію. Въ колесницѣ сидѣлъ Аполлонъ въ свѣтозарной порфирѣ и въ блестящемъ вѣнцѣ, до котораго не только смертные, но и сами боги дотронуться не смѣли. Лучи его еще стремился въ зенитъ, и для того весьма мало освѣщали то зданіе. Вошедъ въ него, увидѣлъ я всѣ собранныя пріятности въ одно мѣсто; тутъ не было ни золота, ни серебра, ни драгоцѣнныхъ каменьевъ, но простое и прелестное украшеніе. Стѣны обвѣшаны были фестонами изъ розъ, лилей и нарцизовъ; противъ дверей подлѣ стѣны на холмѣ престолъ сидѣла нѣжная любовница Вишанова, окруженная купидонами, играющая розами; изъ глазъ ея падала и зрачная вода на подобіе акапистнаго жемчугу. Подъ престоломъ видѣнъ былъ безобразный Тритонъ, у котораго изо рта исходила ключевая вода, а изъ ноздрей самое лучшее благоуханіе. Оной источникъ падалъ въ превеликую жемчужную

раковину, которая утверждена была на полу. Какъ только что вступилъ я въ сіе нѣжное зданіе, то первой удивительный предметъ представился мнѣ предметъ. Двѣ прелестныя Нимфы мылися въ семъ фонтанѣ. Онѣ были наги, не воображаемыя ихъ нѣжнѣйшія лица и тѣла всякаго смертнаго прогнать были въ состояніи. Онѣ находились тутъ въ полной волѣ, и ничто не препятствовало ихъ откровенію, изъявляли другъ другу свои мысли безъ всякаго подозрительнаго свидѣтеля; и что мнѣ показалось сверхъестественнымъ, такъ то, что онѣ меня увидѣть не могли, хотя я и стоялъ передъ ихъ глазами; и я уже тутъ примѣтилъ, что данная мнѣ отъ вихря епанча была тому причиною. Онѣ играли между собою столько вольно, и думаю, что имъ и въ мысли не приходило то, что мущина присутствуетъ съ ними, и есть свидѣтелемъ всѣхъ ихъ обращеній.

Когда кончились между ими различныя забавы и дружескіе разговоры, которые весьма много касались до мужескаго пола, то говорила одна другой

Обошедъ на другую сторону, увидѣлъ я положеніе его во всемъ подобное первому, только были тутъ другіе знаки: на верьху стоялъ крылатой Сатиръ; сѣдые его волосы покрывалъ вѣнокъ, сдѣланной изъ молодыхъ фиговыхъ и виноградныхъ вѣтьвей, которыхъ черныя и бѣлыя ягоды представляли день и ночь; въ рукѣ у него была коса, а въ другой песочные часы и свернувшаяся кольцомъ змѣя; по сторонамъ внизъ стояли четыре времена года: Весна, въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ, держала корзину, наполненную неопавшими цвѣтами, въ бѣломъ одѣяніи и въ зеленой епанчѣ, на коей видна была разная зелень; а вкругъ ее лежали забавы и веселія, и тѣмъ показывали, что вся природа обновлялась. По другую сторону лѣто, вѣнчанное колосьми, въ бѣломъ платьѣ и въ золотой манціи, въ рукѣ держало серпъ. Подлѣ весны находилася престарѣлая зима, окутанная овечьею кожею въ вѣнкѣ, сдѣланномъ изъ древесныхъ вѣтьвей, съ которыхъ опали листы; подлѣ ее стояла жаровня, наполненная горячими углями. Лѣто преслѣдовало осень въ видѣ Бахайки

обрызганной виноградиымъ сокомъ; къ головѣ ея былъ вѣнокъ изъ винограда, и изъ егожъ грозда выжимала она сокъ въ превеликую чашу; платье на ней было пурпуровое. Потомъ стоялъ двуличной Январь, имѣющій старое и молодое лице. Старое означало прошедшій годъ, а молодое наступающій. Февраль имѣлъ на себѣ одѣяние синее, подвязанное поясомъ. Мартъ стоялъ одѣтый въ волчью кожу, и держалъ въ рукахъ сосудъ съ молокомъ. Апрѣль, любимецъ Венеринъ, увѣнчанъ былъ миртою и весь украшенъ различными цвѣтами. Май, наперсникъ Уранiи, въ длинномъ одѣянiи съ широкими рукавами, въ рукѣ держалъ корзину со цвѣтами, а въ другой имѣлъ цвѣтокъ, которой онъ безпрестанно нюхалъ; подлѣ ногъ у него видѣнъ былъ павлинъ. Нагой Iюнь показывалъ рукою на солнечные часы, а въ другой держалъ зажженной факелъ. Безобразной и изсохшiй отъ солнца Iюль держалъ корзину съ шелковичными ягодами; а рыжiе его волосы связаны были соломиною. Августъ нагой, мучимой всегдашнимъ зноемъ, держалъ передъ устами большую стеклянную

такимъ образомъ: Сего дня увидимъ мы на нашемъ островѣ Млаконскаго обладателя Алима. Я слышала Аропа приказывала вѣтрамъ, чтобъ оные принесли его сюда на островъ: ты повѣришь не можешь другиня моя, продолжала она, сколько обладательница наша влюблена въ Алима. Она никогда не скрывъ предо мною своихъ предпріятій, и говорила мнѣ, что всѣ въ свѣтѣ сокровища не могутъ ей принести такого увеселенія, какое она будетъ имѣть совокупившись съ нимъ. Мы часто, принимая на себя образа нѣкоторыхъ пескомыхъ, летали на островъ Млаконъ, и тамъ цѣлую ночь препроводили, подлѣ кровати обладателя оныя. Аропа во всѣ сіи времена имъ любовалась, и почитала себя выше всякой богини. Напротивъ же того негодуетъ всякой часъ на невинную его любовницу Асклїаду, и всѣми силами старается ее погубить; и сколькобъ я ее отъ того не удерживала, то бы конечно Асклїада давно уже разстлалася со свѣтомъ. Когда я услышалъ сіе, то члены мои онѣмѣли, и не зналъ, что мнѣ должно было дѣлать; однако пред-

Любопытство мое отъ часу умножалось, и я предпріялъ обойти кругомъ весь етотъ удивительной гротъ. Третья и потомъ четвертая сторона, которую я послѣ сей объясню, были подобны первымъ, то есть, вода текла по такимъ же скатамъ; а знаки были на всѣхъ особливые. На вершинѣ сей стороны казалась нѣсколько возвышенная и страшная гора. На ней сидѣлъ угрюмой богъ вѣтровъ, въ одной рукѣ держалъ скипетръ, которой означалъ безпредѣльную его власть въ природѣ; а другою ударялъ копьемъ въ гору, которая казалась разсѣдающеюся, и будто бы стремились оттуда буйные вѣтры, и готовы были, распространясь по землѣ и морямъ, произвести ужасную бурю, покрыть небеса мглою, изъ яснаго дня сдѣлать мрачную ночь, и приключить страхъ и ужасъ смертнымъ. У ногъ его сидѣлъ весьма безпокоющійся отъ шуму Алкіонъ; а по другую сторону Хамелеонъ, надъ головою видѣнъ былъ парящій вверьхъ орелъ. Потомъ внизъ по скатамъ находились безпокойные вѣтры. Изъ образовъ ихъ видѣть было можно, что они находили въ томъ

шакимъ образомъ: Сего дня увидимъ мы на нашемъ островѣ Млаконскаго обладателя Алима. Я слышала Аропа приказывала вѣтрамъ, чтобъ оные принесли его сюда на островъ: ты повѣрить не можешь другиня моя, продолжала она, сколько обладательница наша влюблена въ Алима. Она никогда не плакалъ предо мною своихъ предпріятій, и говорила мнѣ, что всѣ въ свѣтѣ сокровища не могутъ ей принести такого увеселенія, какое она будетъ имѣть совокупившись съ нимъ. Мы часто, принимая на себя образа нѣкоторыхъ нестомыхъ, летали на островъ Млаконъ, и тамъ цѣлую ночь препроводили, подлѣ кровати обладателя онымъ. Аропа во всѣ сіи времена имъ любовалась, и почитала себя выше всякой богини. Напротивъ же того негодуетъ всякой часъ на невинную его любовницу Аскліаду, и всѣми силами старается ее погубить; и оспьлибъ я ее отъ того не удерживала, то бы конечно Аскліада давно уже разстлалася со свѣтомъ. Когда я услышалъ сіе, то члены мои онѣмѣли, и не зналъ, что мнѣ должно было дѣлать; однако пред-

раковину, которая утверждена была на полу. Какъ только что вступилъ я въ сїе нѣжное зданїе, то первой удивительнѣе всѣхъ представился мнѣ предметъ. Двѣ прелестные Нимфы мылися въ семъ фонтанѣ. Онѣ были нагія, не воображаемыя ихъ нѣжности лица и тѣла всякаго смертнаго тронуть были въ состоянїи. Онѣ находились тутъ въ полной волѣ, и ничто не препятствовало ихъ открытію, изъявляли другъ другу свои мысли безъ всякаго подозрительнаго свидѣтеля; и что мнѣ показалось сверхъестественнымъ, такъ то, что онѣ меня увидѣть не могли, хотя я и стоялъ передъ ихъ глазами; и я уже тутъ проникъ, что данная мнѣ отъ вихря епанча была тому причиною. Онѣ играли между собою столько вольно, и думаю, что имъ и въ мысли не при[illegible]ходило то, что мущина присутст[illegible] съ ними, и есть свидѣтелемъ [illegible] ихъ обращеній.

Когда кончились между ими [illegible] личныя забавы и дружескіе разго[illegible] которые весьма много касались [illegible] ческаго пола, то говорила одна,

оружїе, которымъ онъ убилъ престрашнаго Пиѳона, и поразилъ Циклоповъ, кои ковали великому Юпитеру стрѣлы на пораженїе Фебова сына Ескулапїя. Подлѣ ногъ его лежалъ посвященной ему левъ; круглое его рыло, свѣтлые глаза и грива, лежащая по обѣимъ сторонамъ, изображали солнце съ полными лучами. Надъ головою Апполлоновою леталъ разновидный и плѣняющїй взоръ Амуръ, красотою котораго не только люди, но и боги безпрестанно любовались. Онъ готовился подать богу свѣта Амвросїй, дабы онъ помазалъ свои уста и освѣщалъ бы землю. Быстрой и крылатой Пегасъ казался летящимъ съ горы во всѣ страны свѣта. Ниже, важная и благородная Европа сидѣла на пушкахъ; на головѣ ея блестящїй шлемъ украшенъ былъ бѣлыми перьями, въ золотомъ кирасѣ, котораго задъ покрывала желтая мантїя. Въ одной рукѣ держала она скипетръ, а въ другой рогъ изобилїя; по сторону стоялъ не обузданной конь, а по другую лежали книги, знамена, шлемы и щиты. На другой сторонѣ противъ ея бока поставлена была гордая и суровая Азїя; на головѣ ея

пріялъ благодарить невѣдомую мою благодѣтельницу, чтобъ тѣмъ лучше спасти жизнь какъ мою, такъ и Аскалафину. Какъ только выговорилъ я сіи слова: богиня ты, или Нимфа, то вдругъ онѣ чрезвычайно испужавшись закричали самымъ ужаснымъ голосомъ. Въ одну минуту увидѣлъ я передъ собою превеликаго Исполина, которой не говоря мнѣ ни слова взялъ страшною рукою поперегъ, и понесъ меня въ неизвѣстную дорогу; пришедъ къ превеликому дереву, которое покрывало собою и своими вѣтьвями не малую часть земли, поставилъ меня на камень и сталъ съ грознымъ видомъ спрашивать, какимъ образомъ нахожусь я въ его острову? А какъ узналъ онъ меня, что я и самъ того не понимаю, то ударилъ весьма сильно ногою въ землю, которая вся поколебалася подъ нами; и страшное то дерево начало потрясать свои вѣтьви; и наконецъ увидѣлъ я, что вершина онаго досязала до облаковъ. Когда же сдѣлался видѣнъ намъ корень онаго дерева, то Исполинъ махнулъ рукою, и растворилъ ужасную подъ онымъ пещеру, въ ко-

торую немедленно приказалъ мнѣ итти
Какъ скоро я въ нее вступилъ, то от
верстїе ея тотчасъ затворилось, и
сталъ окруженъ и покрытъ землею
вселилось въ меня превеликое отчаяні
и я столько сдѣлался тогда малоду
шенъ, что непремѣнно пожелалъ искат
моей смерти. Всѣ способы мнѣ пре
ставлялись къ отнятїю у себя жизн
и орудїя къ тому были готовы; но
знаю, что то не понятное препят
ствовало моему намѣренїю, и удержи
вало уже взнесенную руку къ прїобр
тенїю вѣчности; судьба опредѣля
щая намъ жизнь всегда владѣетъ нам

Когда я былъ еще въ самомъ вел
комъ смятенїи, то слышалъ, чт
земля поколебалась, пропасть сдѣл
ла отверстїе, и тотъ же Исп
линъ взявъ меня за руку вывелъ на п
верхность замли. Какъ скоро я на он
появился, то приказано было сня
мнѣ епанчу, безъ которой сдѣлался
видѣнъ. Исполинъ извинившись пре
мною, повелъ меня въ великолѣпн
покои, въ которыхъ увидѣлъ я яви
шуюся мнѣ богиню. Она окружена б

пріялъ благодарить невѣдомую мою благодѣтельницу, чтобъ тѣмъ лучше спасти жизнь какъ мою, такъ и Аскалафину. Какъ только выговорилъ я сіи слова: богиня ты, или Нимфа, то вдругъ онѣ чрезвычайно испужавшись закричали самымъ ужаснымъ голосомъ. Въ одну минуту увидѣлъ я передъ собою превеликаго Исполина, которой не говоря мнѣ ни слова взялъ страшною рукою поперегъ, и понесъ меня въ неизвѣстную дорогу; пришедъ къ превеликому дереву, которое покрывало собою и своими вѣтвьями не малую часть земли, поставилъ меня на камень и сталъ съ грознымъ видомъ спрашивать, какимъ образомъ нахожусь я въ его острову? А какъ узналъ онъ меня, что я и самъ того не понимаю, то ударилъ весьма сильно ногою въ землю, которая вся поколебалася подъ нами; и страшное то дерево начало поднимать свои вѣтвьи; и наконецъ увидѣлъ я, что верьшина онаго досязала до облаковъ. Когда же сдѣлался видѣнъ намъ корень онаго дерева, то Исполинъ махнулъ рукою, и растворилъ ужасную подъ онымъ пещеру, въ ко-

торую немедленно приказалъ мнѣ итти. Какъ скоро я въ нее вступилъ, то отверстіе ея тотчасъ затворилось, и я сталъ окруженъ и покрытъ землею: вселилось въ меня превеликое отчаяніе, и я столько сдѣлался тогда малодушенъ, что непремѣнно пожелалъ искать моей смерти. Всѣ способы мнѣ представлялись къ отнятію у себя жизни, и орудія къ тому были готовы; но не знаю, что то не понятное препятствовало моему намѣренію, и удерживало уже взнесенную руку къ пріобрѣтенію вѣчности; судьба опредѣляющая намъ жизнь всегда владѣетъ нами.

Когда я былъ еще въ самомъ великомъ смятеніи, то слыталъ, что земля поколебалась, пропасть сдѣлала отверстіе, и тотъ же Исполинъ взявъ меня за руку вывелъ на поверхность замли. Какъ скоро я на оной появился, то приказано было снять мнѣ епанчу, безъ которой сдѣлался я видѣнъ. Исполинъ извинившись предо мною, повелъ меня въ великолѣпные покои, въ которыхъ увидѣлъ я явившуюся мнѣ богиню. Она окружена бы-

ла Нимфами, которыхъ какъ властїю, такъ и красотою превышала. Какъ скоро увидѣла меня, то сдѣлавъ прїятную и приманчивую улыбку посадила подлѣ себя, и говорила мнѣ: Я сердечно сожалѣю, что во время моего отсутствїя приняли тебя здѣсь не весьма изрядно. Етотъ грубой старикъ, продолжала она указывая на Исполина, имѣетъ варварскїя разсужденїя и угрюмой разумъ. Онъ никогда не можетъ ралзичать людей, и поступаетъ всегда по закоренѣлому въ немъ тиранству. Послѣ сихъ словъ выняла она бѣлой платокъ, и начала отирать мое лице, которое отъ превеликаго моего безпокойства покрыто было потомъ и пылью; а Нимфы слѣдуя своей повелительницѣ, предпрїяли дѣлать то же; одна взяла изъ рукъ моихъ шлемъ, и положила его на софу, другїя перебирали мои волосы и приводили ихъ въ порядокъ; нѣкоторыя оправляли мое платье, и хотѣли предать ему нѣжность; а прочїя въ то время приготовлялись исполнять повелѣнїе своей обладательницы. Чтожъ касается до меня, то я не иное что дѣлалъ, какъ оказывалъ мою

благодарность на всѣ ея привѣтствія. Имя ея, которое слышалъ я отъ ея Нимфы, приводило мысли мои въ превеликой безпорядокъ; ибо я зналъ, что у насъ ни одна богиня такъ не именовалась; но могущества ея и власть принуждали думать меня, что она безсмертная; однако какъ бы то ни было, только примѣтила она во мнѣ великую къ себѣ холодность, и можно ли, чтобъ я будучи встревоженъ различными воображеніями, способенъ былъ ко исполненію владѣющей мною страсти. И такъ находяся на семъ острову больше недѣли, не показалъ ни одного знака моей къ ней горячности, которой она чрезвычайно желала. Мнѣ же никоимъ образомъ не возможно было плѣнишься ею; ибо какъ сердце мое, такъ и я самъ находился уже не въ моей власти.

ла Нимфами, которыхъ какъ властїю, такъ и красотою превышала. Какъ скоро увидѣла меня, то сдѣлавъ прїятную и приманчивую улыбку посадила подлѣ себя, и говорила мнѣ: Я сердечно сожалѣю, что во время моего отсутствїя приняли тебя здѣсь не весьма изрядно. Етотъ грубой старикъ, продолжала она указывая на Исполина, имѣетъ варварскїя разсужденїя и угрюмой разумъ. Онъ никогда не можетъ ралзичать людей, и поступаетъ всегда по закоренѣлому въ немъ тиранству. Послѣ сихъ словъ выняла она бѣлой платокъ, и начала отирать мое лице, которое отъ превеликаго моего безпокойства покрыто было потомъ и пылью; а Нимфы слѣдуя своей повелительницѣ, предпрїяли дѣлать то же; одна взяла изъ рукъ моихъ шлемъ, и положила его на софу, другїя перебирали мои волосы и приводили ихъ въ порядокъ; нѣкоторыя оправляли мое платье, и хотѣли предать ему нѣжность; а прочїя въ то время приготовлялись исполнять повелѣнїе своей обладательницы. Чтожъ касается до меня, то я не иное что дѣлалъ, какъ оказывалъ мою

благодарность на всѣ ея привѣтствія. Имя ея, которое слышалъ я отъ ея Нимфы, приводило мысли мои въ превеликой безпорядокъ; ибо я зналъ, что у насъ ни одна богиня такъ не именовалась; но могущество ея и власть принуждали думать меня, что она безсмертная; однако какъ бы то ни было, только примѣтила она во мнѣ великую къ себѣ холодность, и можно ли, чтобъ я будучи встревоженъ различными воображеніями, способенъ былъ ко исполненію владѣющей мною страсти. И такъ находяся на семъ островѣ больше недѣли, не показалъ ни одного знака моей къ ней горячности, которой она чрезвычайно желала. Мнѣ же никоимъ образомъ не возможно было плѣнишься ею; ибо какъ сердце мое, такъ и я самъ находился уже не въ моей власти.

ГЛАВА V.

ВЕЧЕРЪ 35.

Продолженіе похожденій Алима и Аскліады.

Нѣкогда при захожденіи солнца, когда мы находились къ объявленному мною Авроріномъ храмѣ, Арона безпокоившись весьма много моею несклонностію, и думая, можетъ быть, что я не понимаю ея желанія, предпріяла извѣснишься мнѣ словами: ты знаешь, Алимъ, сколько я тебя люблю; но къ удовольствію моего желанія вижу въ тебѣ необычайную суровость. Я всякой часъ тоскую, вздыхаю и терзаюся тобою, и можетъ быть суетною надеждою ласкаюсь. Когда всхожу на небеса, я тамо всѣ безоблачныя мѣста наполняю моимъ стенаніемъ, въ такомъ же отчаяніи и съ тою же прискорбностію нисхожу на землю. Вся вселенная исполнена моею горестію, стыжуся я боговъ, стыжуся всѣхъ смертныхъ, и наконецъ мучительна мнѣ вся природа. Возможноль было мнѣ когда подумать, что

бы опѣ смертнаго безсмертная была презрѣна! Великая богиня! го орилъ я ей, меня ужасаютъ твои слова, и я не знаю, какое извиненїе могу принесши въ неумышленномъ моемъ проступкѣ. Чтожъ касаешся до презрѣнї я моего къ тебѣ, то ты никогда презрена быть мною не можешь, а сердце мое во вѣки уже отдано другой; ежели столь велико твое могущество, возврати его, и владѣй имъ до конца моей жизни. При сихъ словахъ сдѣлала она суровой видъ, и ушла отъ меня.

Я препроводилъ весь тотъ день въ задумчивости, также и ночь покоился мало. Проснувшись по утру, увидѣлъ себя въ моемъ домѣ; весьма тому обрадовавшись, съ превеликою нетерпѣливостїю ожидалъ къ себѣ Бейгама, и хотѣлъ увѣдомишься отъ него обо всемъ, что происходило въ городѣ во время моего отсутствїя; впрочемъ объ ономъ упоминать совсѣмъ я былъ не намѣренъ, а желалъ прежде услышать отъ него. Въ скоромъ времени пришелъ онъ въ мой покой, но въ такое пришелъ меня удивленїе, что я дѣйствительно потерялъ мое разсужденїе: первое, не говоря

о моемъ отлученіи, началъ онъ со слезами укорять меня моею строгостію, что я весьма сурово поступилъ со Аскліадою. Возможно ли еще, Государь, продолжалъ онъ? вмѣсто того, чтобъ вамъ сочетаться съ нею бракомъ, ее вы выслали изъ города, отлучили того дому, въ которомъ она рождена и воспитана, заключили вѣчно въ темницу, и опредѣлили страдать ей во всю ея жизнь. Ты вѣдаешь, Государь, сколько она тебя любитъ, и въ воздаяніе за ея къ тебѣ преданность вознамѣрился ты лишить ее жизни. Какой бы человѣкъ возмогъ еще услышать безъ помѣшательства разума? Я окаменѣлъ, и не зналъ, что мнѣ отвѣчать должно было; ежели спросишь у него, гдѣ Аскліада находится нынѣ, то бы конечно почелъ онъ меня сумасшедшимъ; и для того приворясь нѣмъ неистовымъ повелителемъ, которой поступилъ съ нею варварски, сталъ его обнадеживать, что можетъ быть нынѣ ненависть моя къ ней минуется, и я еще къ вечеру прикажу возвратить ее во дворецъ; а для оказанія большей моей къ ней благосклонности поѣду самъ за

нею. Въ одну минуту приказалъ я все изготовить къ отъѣзду и поспѣшно отправился въ путь, взявъ съ собою одного Бейгама; ибо я намѣренъ былъ отъ него обо всемъ увѣдомиться и открыть ему всѣ мои приключенія, которыя колебали душу мою, сердце и мысли.

Мы уже находились не близко отъ города, какъ Бейгамъ примѣтивъ во мнѣ необычайныя движенія, прервалъ наше молчаніе; ибо образъ мой показывалъ, что я почти уже лишался духа. Я примѣчаю, Государь, говорилъ онъ мнѣ, что ты самъ сожалѣешь о твоемъ поступкѣ, и вижу что превеликое раскаяніе владѣетъ твоею душею. Возлюбленный мой Бейгамъ! отвѣчалъ я ему, естьлибъ ты зналъ, какое я теперь мученіе терпѣлю, то вмѣсто того, что ты на меня негодуешь, оплакивалъ бы самъ горкое мое состояніе. Свирѣпости во мнѣ никакой нѣтъ, и до конца моей жизни сіе презренное чудовище въ сердцѣ моемъ имѣть мѣста не будетъ; и не уже ли я такой варваръ, что, которую всѣхъ болѣе въ жизни моей люблю и почитаю, на

нее на первую обратилъ мое тиранство. Знай, любезный мой другъ, что я самъ скорѣе потеряю мою жизнь, нежели увижу въ несчастіи Асклӓду. Потомъ увѣдомилъ его обо всемъ подробно, что со мною въ происходило. Выслушавъ все у меня, сколько онъ удивился, что остановилъ своего коня, и нѣсколько минутъ находился безсловесенъ; наконецъ просилъ меня, чтобъ слѣзть съ коней и удалишься на время онъ шѣлохранителей моихъ въ близкую отъ того мѣста рощу. Въ ней разсказалъ онъ мнѣ все то, что происходило у нихъ во время моего отсутствія, такимъ образомъ: На другой день нашего упражненія въ охотѣ, какъ поѣхали мы снова поднимать звѣрей, нѣсколько времени мы тебя, Государь, не видали; однако встрѣтившись съ тобою возвратились очень скоро въ городъ. Ты прежде всего хотѣлъ увидѣть Асклӓду, и признаюсь, что я никогда въ тебѣ такой холодности не ожидалъ, какую ты показалъ ей въ семъ случаѣ; потомъ выговаривалъ ей, что она предпріяла весьма дерзостныя мысли, и ищетъ полонить любовію своего Государя, къ которому

обязана имѣть великое почтенїе. Услышавъ сїе залилась она слезами, и не могши ничего говорить вышла она въ другую горницу. Я оставшись съ тобою Государь, старался какъ возможно утишить твою вспылчивость; но ты вмѣсто того наполнился большею къ ней злобою, и съ того часа предпрїялъ не видѣть ее никогда и совсѣмъ истребить изъ своей памяти. Асклїада желая отъ ненависти твоей удалиться, просила черезъ меня, чтобъ ты приказалъ ей жить на островѣ Нїѣ. По полученїи позволенїя провожалъ я ее туда, и желалъ какъ возможно облегчить ея печаль, но однако старанїя мои были напрасны. Она ничего не хотѣла слушать, не принимала никакого совѣта, и только искала въ горести сей прибѣжища къ слезамъ, которыя никогда не осушали глазъ ея. Прибывши съ нею на островъ, желалъ я, чтобы она обитала во дворцѣ; но она на сїе не согласилась и осталась въ домѣ нѣкотораго знатнаго гражданина. Весь Дворъ отъ того теперь въ превеликомъ смятенїи, а особливо женщины; ибо ты, Государь, выговорилъ нѣкогда

о моемъ отлученіи, началъ онъ со слезами укорять меня моею строгостію, что я весьма сурово поступилъ со Асклїадою. Возможно ли ещо, Государь, продолжалъ онъ? вмѣсто того, чтобъ вамъ сочетаться съ нею бракомъ, ее вы выслали изъ города, отлучили того дому, въ которомъ она рождена и воспитана, заключили вѣчно въ темницу, и опредѣлили страдать ей во всю ея жизнь. Ты вѣдаешь, Государь, сколько она тебя любитъ, и въ воздаяніе за ея къ тебѣ преданность вознамѣрился ты лишить ее жизни. Какой бы человѣкъ возмогъ ещо услышать безъ помѣшательства разума? Я окаменѣлъ, и не зналъ, что мнѣ отвѣчать должно было; ежели спросишь у него, гдѣ Асклїада находится нынѣ, то бы конечно почелъ онъ меня сумасшедшимъ; и для того принворясь тѣмъ неистовымъ повелителемъ, которой поступилъ съ нею варварски, сталъ его обнадеживать, что можетъ быть нынѣ ненависть моя къ ней минуется, и я еще къ вечеру прикажу возвратить ее во дворецъ; а для оказанїя большей моей къ ней благосклонности поѣду самъ за

нею. Въ одну минуту приказалъ я все изготовить къ отъѣзду и поспѣшно отправился въ путь, взявъ съ собою одного Бейгама; ибо я намѣренъ былъ отъ него обо всемъ увѣдомиться и открыть ему всѣ мои приключенія, которыя колебали душу мою, сердце и мысли.

Мы уже находились не близко отъ города, какъ Бейгамъ примѣтивъ во мнѣ необычайныя движенія, прервалъ наше молчаніе; ибо образъ мой показывалъ, что я почти уже лишался духа. Я примѣчаю, Государь, говорилъ онъ мнѣ, что ты самъ сожалѣешь о твоемъ поступкѣ, и вижу что превеликое раскаяніе владѣетъ твоею душею. Возлюбленный мой Бейгамъ! отвѣчалъ я ему, естьлибъ ты зналъ, какое я теперь мученіе терплю, то вмѣсто того, что ты на меня негодуешь, оплакивалъ бы самъ горкое мое состояніе. Свирѣпости во мнѣ никакой нѣтъ, и до конца моей жизни сіе презренное чудовище въ сердцѣ моемъ имѣть мѣста не будетъ; и не уже ли я такой варваръ, что, которую всѣхъ болѣе въ жизни моей люблю и почитаю, на

въ собраніи, что онѣ тебѣ столько милы, чтобы ты не желалъ никогда объ нихъ слышать, не только видѣть.

Премилосердые боги! вскричалъ я тогда въ отчаяніи, за что вы посылаете такія на меня казни, скажите, чѣмъ я столько виновенъ сталъ передъ вами. Вамъ извѣстно больше всѣхъ мое сердце и его склонности, желалъ ли я когда и кому нибудь какого вреда, или погибели, искалъ ли причинить моихъ подданныхъ, отягощалъ ли ихъ неправедною войною или безмѣрными тяготами; наконецъ возставалъ ли я когда противу васъ, и имѣлъ ли то въ помышленіи; за что же вы столь не милосердо ранише меня такими громовыми стрѣлали? Наконецъ оборотившись къ Бейраму сказалъ я, поѣдемъ, любезный мой другъ, къ Асклїадѣ, ты увидишь, что не токмо дѣломъ, ниже мыслію я противъ нее не согрѣшилъ. Строгая судьба и немилосердое несчастіе причиною тому, что я гоним свирѣпымъ рокомъ. Пускай богиня, ежели она столько жестокосерда, въ сей часъ извлечетъ съ мученіемъ мою душу, а я не могу никакъ снесши несчастія не-

виной Аскліады. Потомъ поѣхали мы къ берегу, и какъ только слѣзъ я съ коня, чтобъ сѣсть тутъ на судно, то вдругъ съ великимъ стремленіемъ ужасное морское чудовище вырвалось изъ волнъ на берегъ и меня поглотило; въ сей часъ разстался я съ Аскліадою и съ моимъ другомъ. Память во мнѣ пребывала до тѣхъ поръ, покамѣсть помѣстился я въ томъ престрашномъ чревѣ, или лучше въ волнующемся адѣ.

Сколько находился во чревѣ чудовища, того не вѣдаю, ибо все оное время былъ безъ памяти; потомъ открывъ мои глаза, какъ будто бы отъ крѣпкаго сна, увидѣлъ себя въ безсолнечной странѣ. Дремучіе и темные лѣса шумѣли безпрестанно, подъ которыми вмѣсто травы росли ядовитыя зелія. Каменныя и неприступныя горы отягощали безъ всякой пользы землю, и опредѣлены были жилищемъ свирѣпыхъ и невоображаемыхъ звѣрей: во всемъ этомъ престрашномъ мѣстѣ не видалъ я ни одного источника, выключая нѣкоторой страшной пучины, которая выходила изъ пропасти. Воды ея сполъ были мутны, что превосхо-

дили Стиксовы черныя струи. По горамъ и по лѣсамъ раздавался ужасной ревъ дикихъ звѣрей, и мнѣ устрашенному казалось, какъ будто бы онъ каждую минуту ко мнѣ приближался. Я предпрїялъ удаляться онаго; но неизвѣстное мѣсто прерывало мое намѣренїе, искалъ убѣжища между горами; но столь тутъ были великїи пропасти, что я идучи мимо оныхъ устрашался, лѣса не скрывали меня ни мало и не уменьшали моего опчаянїя. Что мнѣ начать должно было въ такомъ моемъ состоянїи? Въ сїю минуту опредѣлилъ я себя жертвою смерти, и положилъ ожидать послѣдняго часа непремѣнно.

ГЛАВА VI.

ВЕЧЕРЪ 36.

Продолженїе похожденїй Алима и Асклїады.

Пошомъ съ высокой горы увидѣлъ я идущую къ себѣ Аропу; видъ ея

началъ уже мнѣ казаться несноснымъ, и всѣ ея прелести, вмѣсто возбужденія во мнѣ страсти, производили въ сердцѣ моемъ жестокое къ себѣ отвращеніе. Приближилася она ко мнѣ съ сими словами: Сіе страшное обиталище будетъ тебѣ вѣчнымъ жилищемъ, и наконецъ ужасныя сіи пещеры опредѣлены тебѣ гробомъ, если ты еще будешь упоренъ и не покоришься моему желанію. Я разлучила тебя съ Аскліадою, и ты не льстись уже когда нибудь ее увидѣть, развѣ тогда, когда съ ужаснымъ стенаніемъ будетъ она испускать свою душу. Возможно ли сіе, богиня, отвѣчалъ я ей, чтобъ ты могла меня склонить угрозами и устрашеніемъ? Сердце мое наполнено вмѣсто любви страхомъ, отчаяніемъ и досадою. Какое же мѣсто могутъ имѣть въ ономъ твои прелести, и что еще къ пущему служитъ мнѣ отвращенію, такъ то, что я въ нѣжномъ твоемъ тѣлѣ обрѣтаю варварское сердце. Владѣй моею жизнію, я тебѣ ее посвящаю, но сердца моего до конца моей жизни не будешь ты имѣть себѣ посвященнаго. Я люблю Аскліаду и любить ее буду до гроба;

я ты, когда привела меня въ отчаяніе, что со всѣмъ твоимъ могуществомъ тебя презираю, и желаю, чтобъ ты была превращена въ какую нибудь злую фурію. Тутъ я примѣтилъ, что на лицѣ ея изобразилася превеликая досада, и она вмѣсто прежней ко мнѣ благосклонности возпламѣрилась желать мнѣ всякаго въ свѣтѣ несчастія, что дѣйствительно злобное ея сердце со мною и учинило. Не сказавъ мнѣ ни слова, поднялась на воздухъ и скрылась изъ моихъ глазъ, а я остался въ неизвѣстномъ и страшномъ семъ мѣстѣ забытъ богами, природою и людьми.

Оплакивая не малое время мое несчастіе, предпріялъ я, хотя и совѣмъ не возможно было, искать своего спасенія; на силу проходилъ сквозь лѣса, и съ превеликимъ трудомъ обходилъ пропасти и лазилъ чрезъ горы; и когда я былъ на самомъ хребтѣ оныхъ, то увидѣлъ къ западной сторонѣ весьма чудное зданіе: оно окружено было дремучимъ лѣсомъ и ужасными горами; ограда его и само оно сдѣлано было изъ чернаго камня весьма чуднымъ и страшнымъ образомъ, такъ что не

никто видѣть, ниже слышать о подобномъ сему мнѣ не случалось. Страхъ во мнѣ часъ отъ часу умножался, и я думалъ, что какой нибудь злой духъ, извергенной изъ ада, поселился въ семъ пространномъ мѣстѣ. Судьба мнѣ моя была неизвѣстна, и я зналъ, что долженъ былъ потерять жизнь мою въ сей адской странѣ; такъ для меня равно было лишиться ли оной отъ свирѣпыхъ звѣрей, или отъ того, какъ я думалъ, злаго обитателя, предпріялъ итти въ тотъ ужасной замокъ, и искать въ ономъ или живота, или смерти. Когда я вошелъ въ ограду, то увидѣлъ тутъ смертоносной садъ; всѣ травы и деревья, которыя только вредятъ человѣческому роду, произрастали въ семъ мѣстѣ. Между оными протекали источники, въ которыхъ вмѣсто воды находился ядъ злѣе того, которой выдумали Индійцами. По срединѣ сего умерщвленія стоялъ прудъ, которой окруженъ и почти закрытъ былъ высокими и черными, не знаю, какими то деревьями; на нихъ были бѣлыя ягоды, изъ которыхъ капалъ сокъ въ тотъ страшной спискъ, отъ чего кипѣлъ онъ на подобіе съ горъ ли-

ющатося ключа. Солнце тѣми лучами, которые стремились отъ него чрезъ сію пропасть, никогда не могло притягивать къ себѣ съ земли острыхъ и ядовитыхъ паровъ, ибо оные всѣ оставались въ семъ не изслѣдованномъ адѣ. Тутъ никакая стихія не имѣла дѣйствительнаго своего образа; но и самъ очистительь природы огонь смѣшенъ былъ съ смертоноснымъ ядомъ, и столь тяжелой носился запахъ, что я на силу могъ выйти изъ онаго къ покоямъ. Тутъ никого не видно было людей, для чего вошелъ я въ оные безъ всякаго позволенія, ибо не отъ кого было мнѣ онаго и требовать.

Перешедъ множество чудныхъ и невоображаемыхъ покоевъ, въ которыхъ, видны были только черпь и бѣлизна; сдѣланы они были не по человѣчески, вступилъ наконецъ въ превеликую залу. Какъ только я въ нее вошелъ, то кровь моя остановилася, и я не зналъ, чему приписать такое привидѣніе. Подлѣ окна въ оной сидѣла дѣвушка, которая столь была прелестна, что весьма трудно сыскать подобную ей въ природѣ. Въ рукахъ держала она книгу, которая ка-

залась, какъ будто бы облита была слезами; ибо красавица та столь горько плакала, что мнѣ показалось, будто бы состояніе ея сто разъ было горестнѣе моего; отъ чего прелести ея умножались, печаль ея трогала мое сердце, и я бы дѣйствительно не пожалѣлъ моей жизни, чтобъ только освободить ее отъ напасти. Взглянувъ на меня она ахнула и пришла въ безпамятство, опустила руки, изъ которыхъ выпала у нее книга. Я бросился помогать въ ея отчаяніи, и усердными моими стараніями возвратилъ ей вскорѣ чувства. Открывъ свои глаза и въ превеликой горести говорила она мнѣ сіе: Кто ты такой ни есть, только знаю, что пренесчастливой человѣкъ изъ всего смертнаго рода, изъ которой части свѣта и изъ какого скучнаго тебѣ на свѣтѣ состоянія стремился ты на свою погибель? Я удивляюсь, какъ не предвѣщало тебѣ сердечное чувствованіе, что ты здѣсь долженъ будешь лишиться жизни невоображаемымъ тебѣ никогда мучительнымъ образомъ. Государыня моя, отвѣчалъ я ей съ такою же прискорбностію; отъ рожденія моего не желалъ

я искать моей смерти; но она, какъ немилосердое и неутолимое чудовище, повсеминутно зоветъ меня къ себѣ, и ведетъ сюда страшными и мучительными стопами въ вѣчность, что долженъ я проклинать мое рождѣніе, и тотъ плачевной день, въ которой зачался у матери моей во утробѣ. Потомъ пролиная горькія слезы, разсказалъ ей всѣ мои несчастныя приключенія. Она присовокупила свои слезы къ моимъ. И такъ мы съ часъ времени рыдали неутѣшно, и признаюсь, что видя ея слезы, жалѣлъ я больше о ея несчастіи, нежели о моемъ собственномъ.

Далѣе, чтобъ больше насладиться ей своею горестію, разсказала она мнѣ свои приключенія сими словами: Я происхожу отъ Нигрянъ; родитель мой былъ человѣкъ бѣдной, слѣдовательно была бы я воспитана съ превеликими недостатками; но судьба показалася мнѣ тогда весьма благосклонною. Въ сосѣдствѣ съ нами жилъ знатной и богатой дворянинъ; онъ увидѣвъ меня нѣкогда выпросилъ у моего отца, и воспитывалъ меня благороднымъ образомъ; имѣлъ сына такихъ же лѣтъ, какъ и я,

и шалъ вмѣстѣ мы съ нимъ воспитывались и учились. Когдажъ начали понимать себя, то влюбились столько другъ въ друга, что изъяснить нашей страсти никоимъ образомъ не возможно; частое и ласковое обхожденіе сдѣлало насъ наконецъ совсѣмъ неразрывными, и мы клялись другъ другу, чтобъ вѣчно не разставаться. Пламени нашему ничто не препятствовало, и все согласовалось съ нашимъ желаніемъ. Кто и мой вторый родитель предпочелъ красоту и добродѣтель мою всякой знатности и богатству, и для того предпріялъ сочетать насъ бракомъ. Во первыхъ обогатилъ моего отца и мать; по вторыхъ узналъ совершенно наше согласіе, и потомъ приступилъ къ брачнымъ обрядамъ. Оные къ превеликому удовольствію весьма благополучно кончились. Съ сихъ поръ началося мое несчастіе, и судьба сколько была ко мнѣ милостива, столько напротивъ того ожесточилася. Въ самой первой день похищена я въ сіе несносное для меня и страшное жилище. Здѣсь обитаетъ нелюдимой и злобной волшебникъ. Онъ для того нарочно

произведенъ адомъ, чтобы приносить всякой вредъ всему смертному племени. Онъ вынесъ съ собою всѣ изъ ада ядовитыя зелія, посѣялъ ихъ въ семъ мѣстѣ, и такожде размешалъ мѣстами и по всей вселенной; и сказываютъ, что онъ изобрѣлъ Медицынскую науку. Тому уже нѣсколько тысячъ лѣтъ, какъ причинилъ вредъ людямъ, и согласившись вмѣстѣ съ смертью, погубилъ великихъ Императоровъ, прехрабрыхъ Полководцовъ, разумныхъ Министровъ, великихъ философовъ и ученыхъ людей. Сей вредоносецъ облетая всю вселенную, увидѣлъ нѣкогда меня, и смертельно влюбился. Леталъ ко мнѣ весьма часто во образѣ огнецвѣтного змѣя, и принимая видъ красавца, склонялъ меня на свое желаніе. Я не только, чтобы думать о его любви, но несказанно страшилась такого злобнаго духа. Когда же я сочеталась бракомъ, то онъ не желая видѣть меня въ другихъ рукахъ, похитилъ на сіе мѣсто, и здѣсь меня заключилъ во вѣки.

ГЛАВА VII.

ВЕЧЕРЪ 37.

Продолженіе похожденій Алима и Аскліады.

Красавица окончивъ свои приключенія, хотѣла описать мнѣ злобу сего стараго волшебника; какъ вдругъ услышали мы превеликой шумъ, земля ужасно поколебалась, и всѣ покои находились отъ того въ превеликомъ движеніи. Ахъ! пропали мы, возгласила она отчаянно, ето онъ, и жизнь наша въ опасности. При семъ ея словѣ вошелъ онъ въ залу. Видъ его столько былъ угрюмъ и страшенъ, что казалось мнѣ, будто бы онъ превосходилъ злобою и самаго адскаго царя. Какъ ты дерзнулъ войти въ сіе мѣсто, говорилъ онъ мнѣ, не опасаяся за то жестокаго наказанія? Возьмите его, сказалъ онъ, не знаю кому, и заключите въ волшебную темницу. Невидимые духи взяли меня подъ руки и вывели изъ покоевъ, бросили въ ужасную темницу и въ оной заперли. Тѣ страхи, которые я до сего имѣлъ

несчастіе видѣлъ передъ этимъ, были ничто. Вся сія ужасная и пространная пропасть служила на подобіе адскаго жилища; стѣны ея увѣшаны были анатомическими и другими приличными оному инструментами, на которыхъ видна еще была кусками запекшаяся человѣческая кровь. По срединѣ стояли смертоносныя машины, одна изъ нихъ мешала изъ себя во всѣ стороны острыя иглы съ такимъ стремленіемъ, что оныя совсѣмъ уходили въ полъ, въ потолокъ и въ стѣны, и отъ которыхъ нигдѣ укрыться было не возможно; другая брызгала изъ себя съ такимъ же обиліемъ горячій свинецъ. И я бы конечно принужденъ былъ лишиться тутъ съ мученіемъ жизни, ежели бы не защищала меня отъ оныхъ невидимая сила. Цѣлую ночь безпокоился невидимыми злыми духами, которые не давали мнѣ ни времени, ни мѣста къ собранію распочеснаго моего разума; однакожъ они мнѣ не вредили.

При разсвѣтаніи дня увидѣлъ я въ сей страшной темницѣ ту насчастливую красавицу: она прибѣжавъ ко мнѣ ухватила меня за руку, и очень поспѣш-

но привела въ ту же залу, и говорила мнѣ: теперь злой волшебникъ полетѣлъ къ своимъ товарищамъ; онъ вознамѣрился собрать ихъ всѣхъ сюда, и въ ихъ присутствіи лишить тебя жизни; ибо думаетъ онъ, что ты пришелъ освободить меня и увезти изъ сего проклятаго жилища. Я имѣю способъ ко освобожденію тебя, и желаю лучше подвергнуться всякимъ мученіямъ, нежели, чтобъ ты скончался безвинно; но любя меня весьма много, онъ того не сдѣлаетъ. Потомъ повела меня въ другую комнату, въ которой на маленькомъ столикѣ увидѣлъ я премножество пузырьковъ. Красавица взявъ одинъ капнула мнѣ изъ него на голову, отъ чего тотчасъ потерялъ я образъ человѣка, и превратился въ молодаго и прекраснаго орла: почувствовалъ въ себѣ великую легкость, и мысленно выбиралъ себѣ выше облаковъ жилище. Сколько я несчастлива, говорила потомъ красавица, что ты сотворивъ мнѣ заколдованы и не дѣйствуютъ надо мной никакъ; а естьлибы я могла отъ сего превратиться, то бы конечно послѣдовала за тобою. Теперь ты не опасайся,

прододжала оня, хотя бы гдѣ онъ съ тобою и встрѣтился, то конечно не узнаетъ: ибо онъ не имѣетъ етой силы, чтобъ распознавать прямое животное отъ превращеннаго. Теперь тебѣ свободенъ путь, и ты можешь возвратиться въ свое отечество. Я благодарилъ ее, сколько позволилъ новой мой образъ: ибо всѣ человѣческія чувства осталися со мною, и хотя съ превеликимъ сожалѣніемъ, однако растался съ нею.

Поднявшись на воздухъ позабылъ я всѣ мои несчастія и восхищался новою моею жизнію. Всѣ ея пріятности представилися вдругъ моему понятію: я съ радостію воображалъ себѣ, что всюду имѣю отворенной путь, предпріялъ летѣть въ мое отечество, а тамъ увидѣть Асклїаду, увѣдомиться обо всемъ и быть опять спокойнымъ обладателемъ; но злое несчастіе сильнѣе было моего желанія. Какъ я уже сказалъ, что я безпокоился цѣлую ночь, слѣдовательно не спалъ цѣлыя сутки, или еще больше, и такъ началъ меня клонить сонъ: для того выбралъ я высокое дерево, сѣлъ на вѣтьвь онаго, и отдался

пріятному сну. Сколько я въ ономъ находился, того не знаю: ибо пущенная въ меня стрѣла лишила моего покою, и свергла съ дерева на землю. Упавъ на оную потерялъ мои чувства и долго находился безъ памяти; потомъ, когда очувствовался, увидѣлъ себя въ пребогатомъ домѣ и множество людей обоего пола, которые старалися помогать моему состоянію; ещо я усмотрѣлъ изъ ихъ обращеній, а языка ихъ не разумѣлъ. По счастію, или больше по несчастію моему получилъ я отъ стрѣлы легкую рану въ правое крыло, и такъ весьма не трудно имъ было возвратить мнѣ прежнее мое здоровье. Когда уже я находился совершенно въ ономъ, то примѣтилъ, что они весьма много любовалися на мой образъ, и послѣ уже узналъ, что они никогда не видывали у себя орловъ. Больше всѣхъ любовалися моимъ образомъ женщины и находили въ немъ, не знаю, что то пріятное; начали возить меня по домамъ и вездѣ показывать. Я же предпріялъ имъ оказать, будто бы я былъ ученая птица; и такъ сообществовалъ имъ моими движеніями и другими приличными без-

прододжала оня, хотя бы гдѣ онъ съ тобою и встрѣтился, то конечно не узнаетъ: ибо онъ не имѣетъ етой силы, чтобъ распознавать прямое животное отъ превращеннаго. Теперь тебѣ свободенъ путь, и ты можешь возвратиться въ свое отечество. Я благодарилъ ее, сколько позволилъ новой мой образъ: ибо всѣ человѣческія чувства осталися со мною, и хотя съ превеликимъ сожалѣніемъ, однако растался съ нею.

Поднявшись на воздухъ позабылъ я всѣ мои несчастія и восхищался новою моею жизнію. Всѣ ея пріятности представилися вдругъ моему понятію: я съ радостію воображалъ себѣ, что всюду имѣю отворенной путь, предпріялъ летѣть въ мое отечество, а тамъ увидѣть Асклїаду, увѣдомиться обо всемъ и быть опять спокойнымъ обладателемъ; но злое несчастіе сильнѣе было моего желанія. Какъ я уже сказалъ, что я безпокоился цѣлую ночь, слѣдовательно не спалъ цѣлыя сутки, или еще больше, и такъ началъ меня клонить сонъ: для того выбралъ я высокое дерево, сѣлъ на вѣтьвь онаго, и отдался

пріятному сну. Сколько я въ ономъ находился, того не знаю: ибо пущенная въ меня стрѣла лишила моего покою, и свергла съ дерева на землю. Упавъ на оную потерялъ мои чувства и долго находился безъ памяти; потомъ, когда очунствовался, увидѣлъ себя въ пребогатомъ домѣ и множество людей обоего пола, которые старалися помогать моему состоянію; ещо я усмотрѣлъ изъ ихъ обращеній, а языка ихъ не разумѣлъ. По счастію, или больше по несчастію моему получилъ я отъ стрѣлы легкую рану въ правое крыло, и такъ весьма не трудно имъ было возвратить мнѣ прежнее мое здоровье. Когда уже я находился совершенно въ ономъ, то примѣтилъ, что они весьма много любовалися на мой образъ, и послѣ уже узналъ, что они никогда не видывали у себя орловъ. Больше всѣхъ любовалися моимъ образомъ женщины и находили въ немъ, не знаю, что то пріятное; начали возить меня по домамъ и вездѣ показывать. Я же предпріялъ имъ оказать, будто бы я былъ ученая птица; и такъ сообразовалъ имъ моими движеніями и другими приличными без-

словесной шварн знаками. Вскорѣ увѣдомился о семъ ихъ Государь, и я отвезенъ былъ къ нему во дворецъ. Молодая Государыня взяла меня въ свои покои, и я находился тамъ болѣе никѣмъ не видимъ.

Государь столько ревновалъ къ своей супругѣ, что не только люди, но и бездушныя вещи, которыя находились въ ея комнатѣ, казались ему подозрительными. Онъ часто ходилъ къ ней въ покои, осматривалъ ихъ всегда самъ и никому не вѣрилъ, и я послѣ узналъ, что онъ имѣлъ справедливую причину ревновать къ своей сожительницѣ. Нѣкогда отлучился онъ изъ города на охоту. Государыня прибѣжала въ превеликой радости въ свои покои, выняла изъ подъ нѣкоторой урны ключь, отперла онымъ двери, которыя сдѣланы были въ стѣнѣ и прикрыты обоями. Вышелъ оттуда статной и пригожій красавецъ. Онъ началъ цѣловать Государыню и дѣлать ей всякія ласки, которыхъ она съ своей стороны оказала ему еще больше. Цѣлой день находились они въ сихъ упражненіяхъ, и наконецъ, какъ я примѣчалъ, что надобно уже пріѣхать Го-

но привела въ ту же залу, и говорила мнѣ: теперь злой волшебникъ полетѣлъ къ своимъ товарищамъ; онъ вознамѣрился собрать ихъ всѣхъ сюда, и въ ихъ присутствіи лишить тебя жизни; за то думаетъ онъ, что ты пришелъ освободить меня и увести изъ сего проклятаго жилища. Я имѣю способъ ко освобожденію тебя, и желаю лучше подвергнуться всякимъ мученіямъ, нежели, чтобъ ты скончался безвинно; но любя меня весьма много, онъ того не сдѣлаетъ. Потомъ повела меня въ другую комнату, въ которой на маленькомъ столикѣ увидѣлъ я премножество пузырьковъ. Красавица взявъ одинъ капнула мнѣ изъ него на голову, отъ чего тотчасъ потерялъ я образъ человѣка, и превратился въ молодаго и прекраснаго орла: почувствовалъ въ себѣ великую легость, и мысленно выбиралъ себѣ выше облаковъ жилище. Сколько я несчастлива, говорила потомъ красавица, что сіи составы противъ меня заколдованы и недѣйствуютъ надо мной нимало; а естьлибы я могла отъ сего превратиться, то бы конечно послѣдовала за тобою. Теперь ты не опасайся,

„ Я изо всего примѣчаю, что ты „ не птица, а очарованной человѣкъ. Я „ можетъ быть найду способъ возвра„ тить тебѣ прежній твой образъ, а „ въ воздаяніе за то хочу, чтобъ ты „ любилъ меня, и былъ со мною не раз„ лученъ до конца твоей жизни „.

Прочитавъ оное не могъ я пробыть безъ великаго негодованія на невѣрную сію женщину. Забывъ весь страхъ и то, что должно мнѣ было скрываться, попросилъ мановеніями всего того, что принадлежало до письма, чему она весьма обрадовавшись подала мнѣ все оное; я ей написалъ въ отвѣтъ такое:

„ Любить тебя Дина не буду ни„ когда: мнѣ счастья больше нѣтъ вѣр„ нымъ быть твоему супругу; и сей „ къ тебѣ страсти чувствовать не бу„ ду; не можно истребить мнѣ бла„ годарности къ Государю.

Взявши оное ходила она, какъ думаю, къ переводчику, и когда оттуда пришла, то примѣтилъ я нѣкоторую досаду на ея лицѣ, которая однако скоро миновалась. Было уже былъ вечеръ, и такъ раздѣвшись совсѣмъ легла она на постелю, и приказала и меня подать

пріятному сну. Сколько я въ ономъ находился, того не знаю: ибо пущенная въ меня стрѣла лишила моего покою, и свергла съ дерева на землю. Упавъ на оную потерялъ мои чувства и долго находился безъ памяти; потомъ, когда очувствовался, увидѣлъ себя въ пребогатомъ домѣ и множество людей обоего пола, которые старалися помогать моему состоянію; ето я усмотрѣлъ изъ ихъ обращеній, а языка ихъ не разумѣлъ. По счастію, или больше по несчастію моему получилъ я отъ стрѣлы легкую рану въ правое крыло, и такъ весьма не трудно имъ было возвратить мнѣ прежнее мое здоровье. Когда уже я находился совершенно въ ономъ, то примѣтилъ, что они весьма много любовалися на мой образъ, и послѣ уже узналъ, что они никогда не видывали у себя орловъ. Больше всѣхъ любовалися моимъ образомъ женщины и находили въ немъ, не знаю, что то пріятное; начали возить меня по домамъ и вездѣ показывать. Я же предпріялъ имъ оказать, будто бы я былъ ученая птица; и такъ сообразовалъ имъ моими движеніями и другими приличными без-

стоинъ за сїе самой мучительной казни; его найдена была половина, ибо она изорвавъ его брасила. Сїя же половина содержала въ себѣ слѣдующее:

Любишь тебя Дина
мнѣ счастья больше нѣтъ,
и сей къ тебѣ страсти
не можно истребить.

Вскорѣ потомъ пришли ко мнѣ вооруженные воины, взяли меня изъ темницы и понесли на приготовленной нарочно къ тому срубъ, чтобъ на оном сжечь меня и прахъ развѣять по вѣтру. Несенъ я былъ между множествомъ народа, которые собрались смотрѣть сего позорища, какъ какой нибудь злодей и преступникъ: всякой, какъ я думаю, желалъ видѣть мою погибель скорѣе, нежели мнѣ оная назначена была. И какъ увидѣлъ я приготовленное для моей казни мѣсто, то члены мои ослабѣли, кровь во мнѣ застыла, и въ одну минуту лишился употребленїя моего разума.

сударю, что она проснясь съ своимъ любовникомъ заперла его опять въ ту, можетъ быть, ему весьма въ пріятную темницу, а ключь положила подъ тое же урну, въ которой хранился пепелъ ея предковъ. Сіе беззаконіе и нарушеніе клятвы казалось мнѣ достойно всякаго наказанія, однако симъ она еще не была довольна. Началъ я примѣчать изъ ея обхожденій, что она меня съ лишкомъ любитъ и почитаетъ. Въ одно время сидѣла она подъ окномъ, на которомъ я находился; глядѣла на меня весьма пристально, потомъ взявъ къ себѣ на колѣни, цѣловала мои крылья, подобно какъ у любовника руки. Наконецъ написавъ письмо на своемъ языкѣ положила его передъ моими глазами; я посмотрѣвъ оное показалъ ей знаками, что его не разумѣю, и такъ цѣловавъ меня весьма долго, наконецъ успокоилась.

На другой день Дина, такъ называлась Государыня, принесла передъ меня, какъ думаю, то же письмо на четырехъ языкахъ, изъ которыхъ разумѣлъ я два, на нашемъ нарѣчіи было оно слѣдующаго содержанія:

способность, схватилъ нѣсколько листовъ отъ тѣхъ цвѣтовъ и проглотилъ; въ самое то время потерялъ я образъ птицы и превратился въ человѣка. Опушины, которыя находились на моихъ ногахъ, весьма не трудно мнѣ было перервать, и такъ сдѣлался свободенъ. Вдругъ приключилась отъ того превеликая въ народѣ тревога, всякой смотрѣлъ къ верху; ибо думали, что я вырвавшись у волка поднялся въ воздухъ. Помѣшательство сие весьма долго не утишалось, однако наконецъ кончилось народнымъ смѣхомъ къ превеликой досадѣ ревнивого Государя.

Страхъ принуждалъ меня оставить тотъ городъ, и я надѣвъ приличное моему состоянію платье, то есть невольническое, вышелъ немедленно изъ онаго. Весь день находился въ путешествіи, и не нашедъ нигдѣ обитанія, принужденъ былъ препровождить ночь въ лѣсу. Освирѣпѣвшая судьба вела меня изъ бѣды въ бѣду, и изъ пропасти въ пропасть. Въ самую глухую полночь наѣхали вооруженные люди, которые взявъ меня съ собою привезли въ городъ. Тутъ содержали весьма великолѣпно, и

жилъ я въ презрядномъ домѣ. Все, что ни есть рѣдкое на свѣтѣ, составляло мою пищу, платіе носилъ я столь богатое, что мнѣ рѣдко и видать такое случалось. Прислужниковъ при мнѣ находилось довольное число, все шло въ изрядномъ порядкѣ, и я думалъ, что судьба сжалясь на мое горестное состояніе, начинаетъ быть ко мнѣ благосклонна; а не зналъ языка тѣхъ людей, у которыхъ я жилъ, не могъ достаточно предузнать моего рока. Въ нѣкоторое время предпріялъ я обойти всѣ покои того дому, въ которомъ находился; въ одномъ нашелъ человѣка, которой сидя на кровати весьма горько плакалъ. Какъ скоро я на него взглянулъ, то сердце мое облилось кровію, а глаза наполнились слезами; ибо печаль его не предвѣщала мнѣ ничего добраго. Подошедъ къ нему, спросилъ я его, что причиною такой печали? Нѣтъ въ великолѣпной домъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, или лучше, отверстой гробъ несчастливымъ людямъ. Все его довольство, и всѣ дѣлаемыя намъ услуги готовятъ мучительное окончаніе жизни. Мы должны чрезъ три дни принесены быть

на жертву здѣшняго города идолу и покровителю народа. Всѣ чужестранцы заключаются въ семъ домѣ, и послѣ заклаютъ ихъ на жертвенникѣ. Два дни оставался быть намъ на свѣтѣ и вкушать горькое удовольствіе нашего состоянія. Услышавъ сіе я окаменѣлъ, ноги мои подогнулись, и я едва едва не повалился на землю; что дѣлается со мною, говорилъ я самъ въ себѣ, какое непонятное чудо овладѣло моею жизнію, и какая немилосердая (*) Эвменида пожрала благополучные дни мои и счастіе? Уже не выгнанная ли изъ ада Мегера управляетъ моимъ жребіемъ, и Клото на перестала прясть дни мои изъ золота и шелку, которые проходили посреди забавъ и веселій; а ты не мило-

(*) Чтобъ иной охотникъ выискивать погрѣшности, не привязался къ сему, что Славянинъ употребляетъ въ словахъ Греческое божество; ибо частыя войны и всегдашнее купечество у Славянъ со Греками перемѣшали множество идоловъ, и смѣсь сія была причиною тому, что Славяне ходили въ храмы Греческихъ боговъ, приносили имъ жертвы, и просили ихъ покровительства. Также и Греки дѣлывали, когда ихъ дѣла шли въ нашихъ странахъ, но славяне всегда употребляли ихъ на украшеніе своихъ мѣстъ.

сердая Аропа, когда уже лишился я всей надежды и упованія, для чего не перерѣжешь бѣдственную нитку моей жизни? Куда ни обращусь, и куда ни пойду, вездѣ ожидаешь меня новое несчастіе. И такъ присовокупилъ я слезы мои къ слезамъ моего товарища, и начали оплакивать вмѣстѣ горестное наше состояніе, и ожидать непремѣннаго конца нашей жизни.

Когда насталъ для насъ ужасной день, то увидѣли мы, что начинается въ городѣ великое торжество; всякой выходилъ на публичную площадь въ праздничномъ одѣяніи, начиналась въ народѣ радость, и слышны были жертвенныя пѣсни. Сей праздникъ отправлялся у нихъ богу жатвы въ началѣ весны. Вскорѣ пришли къ намъ въ домъ жрецы, и сами своими руками отирали насъ губами, и послѣ намазали наше тѣло различными благовонными мазьми; потомъ одѣли насъ машіями желтаго цвѣта смѣшенными съ голубымъ, а на головы положили изъ различныхъ цвѣтовъ вѣнки, и такъ повели насъ изъ дому. Какъ скоро вышли мы на крыльцо, то стоящіе передъ онымъ

стонъ за сіе самой мучительной казни; его найдена была половина, ибо она изорвавъ его брасила. Сія же половина содержала въ себѣ слѣдующее:

Любитъ тебя Дина
мнѣ счастья больше нѣтъ,
и сей къ тебѣ страсти
не можно истребитъ.

Вскорѣ потомъ пришли ко мнѣ вооруженные воины, взяли меня изъ темницы и понесли на приготовленной нарочно къ тому срубъ, чтобъ на ономъ сжечь меня и прахъ развѣять по вѣтру. Несенъ я былъ между множествомъ народа, которые собрались смотрѣть сего позорища, какъ какой нибудь злодей и преступникъ: всякой, какъ я думаю, желалъ видѣть мою погибель скорѣе, нежели мнѣ оная назначена была. И какъ увидѣлъ я приготовленное для моей казни мѣсто, то члены мои ослабѣли, кровь во мнѣ застыла, и въ одну минуту лишился употребленія моего разума.

ГЛАВА VIII.

ВЕЧЕРЪ 38.

Продолженіе похожденій Алима и Аскліады.

Вдругъ, не знаю, какое то не понятное ободреніе произвело мой слухъ и воскресило меня какъ будто бы изъ мертвыхъ; услышалъ я голосъ разносщика, которой между людьми продавалъ розы. Въ семъ случаѣ вспомнилъ я слова превратившей меня въ орла красавицы: она кричала мнѣ въ слѣдъ, когда я съ нею проснился, нѣчто о розахъ; и такъ думалъ, не получу ли онъ нихъ человѣческаго вида, и для того началъ озираться по всюду, чтобъ увидѣть того человѣка. Я его усмотрѣлъ, ибо онъ находился еще впереди, и на такомъ мѣстѣ, котораго намъ миновать было не возможно. Началъ я биться у воина, которой несъ меня на рукѣ, чтобъ тѣмъ ближе подвесити его къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ продавецъ. Когда же находились мы противъ онаго, то я усмотрѣлъ къ тому большую

способность, схватилъ нѣсколько листовъ отъ тѣхъ цвѣтовъ и проглотилъ; въ самое то время потерялъ я образъ птицы и превратился въ человѣка. Опутины, которыя находились на моихъ ногахъ, весьма не трудно мнѣ было перервать, и такъ сдѣлался свободенъ. Вдругъ приключилась отъ того превеликая въ народѣ тревога, всякой смотрѣлъ къ верху; ибо думали, что я вырвавшись у волка поднялся въ воздухъ. Помѣшательство сіе весьма долго не утишалось, однако наконецъ кончилось народнымъ смѣхомъ къ превеликой досадѣ ревниваго Государя.

Страхъ принуждалъ меня оставить сіе городъ, и я надѣвъ приличное моему состоянію платье, то есть нѣмецкое, вышелъ немедленно изъ онаго. Весь день находился въ путешествіи, и не нашедъ нигдѣ обитанія, принужденъ былъ препровождить ночь въ лѣсу. Освирѣпѣвшая судьба вела меня изъ бѣды въ бѣду, и изъ пропасти въ пропасть. Въ самую глухую полночь напхали вооруженные люди, которые взявъ меня съ собою привезли въ городъ. Тутъ содержали весьма великолѣпно, и

жилъ я въ преизрядномъ домѣ. Все, что ни есть рѣдкое на свѣтѣ, составляло мою пищу, платье носилъ я столь богатое, что мнѣ рѣдко и видать такое случалось. Прислужниковъ при мнѣ находилось довольное число, все шло въ изрядномъ порядкѣ, и я думалъ, что судьба сжалась на мое горестное состоянїе, начинаетъ быть ко мнѣ благосклонна; а не знавъ языка тѣхъ людей, у которыхъ я жилъ, не могъ дѣйствительно предузнать моего рока. Въ нѣкоторое время предпрїялъ я обойти всѣ покои того дому, въ которомъ находился; въ одномъ нашелъ человѣка, которой сидя на кровати весьма горько плакалъ. Какъ скоро я на него взглянулъ, то сердце мое облилось кровью, а глаза наполнились слезами; ибо печаль его не предвѣщала мнѣ ничего добраго. Подошедъ къ нему, спросилъ я его, что причиною твоей печали? Етотъ великолѣпной домъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, или лучше, отверстой гробъ несчастливымъ людямъ. Все его довольство, и всѣ дѣлаемыя намъ услуги готовятъ мучительное окончанїе жизни. Мы должны чрезъ три дни принесены быть

на жертву здѣшняго города идолу и покровителю народа. Всѣ чужестранцы заключаются въ семъ домѣ, и послѣ закалаютъ ихъ на жертвенникѣ. Два дни осмѣлился быть самъ на свѣтѣ и вкушать горькое удовольствіе нашего состоянія. Услышавъ сіе я окаменѣлъ, ноги мои подогнулись, и я едва едва не повалился на землю; что дѣлается со мною, говорилъ я самъ въ себѣ, какое непонятное чудо овладѣло моею жизнію, и какая немилосердая (*) Эвменида пожрала благополучные дни мои и счастіе? Уже не выгнанникъ ли изъ ада Мегера управляетъ моимъ жребіемъ, и Клотона перестала прясть дни мои изъ золота и шелку, которые проходили посреди забавъ и веселій; а ты не мило-

(*) Чтобъ иной охотникъ выискивать погрѣшности, не привязался къ сему, что Славянинъ употребляетъ въ словахъ Греческое божество; ибо частыя войны и всегдашнее купечество у Славянъ со Греками перемѣшали множество идоловъ, и смѣсь сія была причиною тому, что Славяне ходили въ храмы Греческихъ боговъ, приносили имъ жертвы, и просили ихъ покровительства. Также и Греки дѣлывали, когда ихъ дѣлись въ нашихъ странахъ, но славяне всегда употребляли ихъ на украшеніе своихъ мѣстъ.

сердая Аропа, когда уже лишился я всей надежды и упованія, для чего не перерѣжешь бѣдственную нитку моей жизни? Куда ни обращусь, и куда ни пойду, вездѣ ожидаешь меня новое несчастіе. И такъ присовокупилъ я слезы мои къ слезамъ моего товарища, и начали оплакивать вмѣстѣ горестное наше состояніе, и ожидать непремѣннаго конца нашей жизни.

Когда насталъ для насъ ужасной день, то увидѣли мы, что начинается въ городѣ великое торжество; всякой выходилъ на публичную площадь въ праздничномъ одѣяніи, начиналась въ народѣ радость, и слышны были жертвенныя пѣсни. Сей праздникъ отправлялся у нихъ богу жатвы въ началѣ весны. Вскорѣ пришли къ намъ въ домъ жрецы, и сами своими руками отправали насъ губами, и послѣ намазали наше тѣло различными благовонными мазями; потомъ одѣли насъ машіями желтаго цвѣта смѣшенными съ голубымъ, а на головы положили изъ различныхъ цвѣтовъ вѣнки, и такъ повели насъ изъ дому. Какъ скоро вышли мы на крыльцо, то стоящіе передъ онымъ

другіе жрецы запѣли божескія пѣсни. Народъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ, окружали насъ толпами и усматривали изъ лицъ нашихъ, будемъ ли мы пріятны ихъ богу, и по принесеніи насъ въ жертву получатъ ли они божеское снисхожденіе въ одобренныхъ нивахъ.

Сей ужасной церемоніи описать я не въ силахъ; ибо находяся при смерти, не помнилъ ничего онаго, только ещо вѣдаю, что мы шли окружены жрецами, у которыхъ руки по локоть открыты были. Въ рукахъ несли они превеликіе ножи и топоры, и всѣ были въ бѣлыхъ запонахъ. Глаза ихъ казалися наполнены кровію, и вмѣсто смиренія лешали на ихъ лицахъ неистовая злость и ярость. Вышедъ изъ города, наконецъ пришли мы на нивы, на которыя вынесенъ былъ и испуканъ земледѣлія; поставили передъ идоломъ жертвенникъ, и возложили товарища моего на оной. Ужасное и варварское позорище! я теперь трепещу отъ страха, когда только воображаю сіе неистовое зрѣлище. Связавъ ему руки оборотили за голову, и привязали весьма туго къ жертвенному кольцу, также и

ноги къ другому. Потомъ стали всѣ на колѣни, и читалъ первосвященникъ нѣкоторую молитву. По прочтеніи оной поклонились всѣ въ землю и приступили къ жертвѣ. Возможно ли сносить! у живаго человѣка начали вскрывать грудь. Сколько силъ было моего товарища, кричалъ онъ отчаяннымъ голосомъ, и наконецъ скончался. По разсмотрѣніи его внутренности, и по прикушеніи крови пророчествовалъ жрецъ, что будущій годъ будетъ весьма хлѣбороденъ: для того стали опять всѣ на колѣни, благодарили милостиваго истукана. Потомъ, чтобъ возблагодарить его больше, первосвященникъ снялъ съ меня вѣнокъ, надѣлъ на свою голову при громогласномъ пѣніи другихъ жрецовъ. Сняша съ меня была также и епанча, четверо жрецовъ и священноначальникъ возложили меня на жертвенникъ, и прикрѣпили руки мои и ноги къ жертвеннымъ кольцамъ. По прочтеніи первосвященникомъ молитвы, взялъ онъ жертвенной ножъ и приступилъ ко мнѣ; какъ только намѣрился взрѣзать грудь мою, вдругъ запрялась земла и истуканъ поколебавшись гово-

рилъ сіе: „Сія жертва мнѣ противна,
„и вмѣсто милостей за оную претер-
„пишъ народъ жестокое наказаніе.„ Выслушавъ сіе возопили всѣ громкими голосами, чтобъ видѣть меня живаго; тогчасъ отвязали отъ жертвенника и сняли съ онаго, одѣли тою же епанчею, и первосвященникъ возложилъ на меня мой вѣнецъ. Потомъ благодаря весьма много своей испуганъ, возвратились въ городъ съ такою же церемоніею, гдѣ началось великое празднество, въ которомъ препроводили цѣлые три дни. Набожные и знающіе гаданіе люди приходили въ жертвенной домъ, смотрѣли у меня на рукахъ и на челѣ, нѣтъ ли какихъ нибудь божескихъ знаковъ, не погрѣшили ли они весьма много приношеніемъ меня на жертву. Послѣ то же учинили все собраніе жрецовъ, раздѣвали меня и спавили въ большомъ залѣ на нѣкоторое возвышенное мѣсто; и такъ продолжалося сіе примѣчаніе не меньше мѣсяца, въ которое время оказывали мнѣ великую честь и почтеніе, довольствовали меня всѣмъ тѣмъ, чѣмъ только надобно довольствоваться одному Государю. На-

конецъ наградивъ великими сокровищами выпустили изъ города, ибо не нашли они во мнѣ ни одного божескаго знака.

Вышедъ изъ города, первому человѣку, которой со мною встрѣтился, отдалъ я всѣ данныя мнѣ отъ жрецовъ сокровища; ибо казалися онѣ мнѣ опасными въ моемъ пути, и сверхъ того уповалъ я по претерпѣніи толикихъ несчастій увидѣть мое отечество и возлюбленную Асклїаду, которую не промѣнялъ бы на всѣ драгоцѣнности вселенныя. И такъ въ прежнемъ невольническомъ платьѣ продолжалъ мой путь, въ надеждѣ увидѣть моихъ подданныхъ; но не милосердая судьба еще ненасытима была моими мученїями, и не переставала услаждаться моими горестями. Какъ переходилъ я нѣгдѣ дремучїй и частой лѣсъ, то желая нѣсколько успокоиться, сѣлъ подлѣ одного весьма тихо журчащаго источника; и въ то самое время, какъ любовался симъ прекраснымъ мѣстомъ, ибо оно имѣло весьма прекрасное положенїе, увидѣлъ, что съ высокїя горы бѣжала ко мнѣ свирѣпая львица; челюсти ея были окровавлены,

казалась какъ будто бы она теперь растерзала какое нибудь несчастное животное, и бѣжала можетъ быть утолить жажду въ шемъ источникѣ, подлѣ котораго я находился; но увидѣвъ меня удвоила она свое стремленіе, и разинувъ пасть, вознамѣрилась пожрать и меня. Ненасытимая ея алчба и покрытыя кровію глаза ясно показывали мнѣ мою погибель; вмѣсто того, чтобы мнѣ спасаться, помертвѣлъ я сидя на мѣстѣ, и не зналъ, что предпріять при семъ бѣдственномъ окончаніи моей жизни. Чѣмъ ближе находилась она ко мнѣ, тѣмъ больше ярость ея умножалася, и яснѣе показывалась мнѣ моя погибель. Наконецъ чрезъестественная ея злость и необузданное стремленіе, какъ видно, помутили нѣсколько ея зрѣніе: набѣжала она на прешолстое дерево, и объ него сполъ сильно ударилась, что отскочивъ нѣсколько назадъ, заревѣла преужасно, и въ скоромъ времени издохла.

его отъ того совѣтами и другими способами. Въ скоромъ времени возненавидѣлъ онъ всѣхъ насъ, не пощадилъ и нашей крови; наконецъ, ужасно вымолвить, разорилъ всѣ храмы до основания, сокрушилъ нашихъ идоловъ, и велѣлъ покидать ихъ въ презрѣнное всѣми нашими людьми болото, которое находится за городомъ. Справедливые боги пересмѣвъ терпѣнье его беззаконію, послали на наши поля безобразное и превеличайшее чудо, которое во первыхъ пожрало варвара нашего и обладателя, потомъ пожрало его сообщниковъ, наконецъ гнѣвъ божескій низпалъ и на насъ неповинныхъ. Мы черезъ всякіе два дни отдаемъ человѣка на сѣденіе чуду; но еще избавляемся нѣсколько тѣмъ, что нѣкоторые отважные граждане ѣздивъ по окрестнымъ мѣстамъ ловятъ чужестранцовъ, которые замѣняютъ нашихъ гражданъ, и мы сохраняемъ ихъ здѣсь для того весьма рачительно. Вчера отдали мы послѣдняго, и естьли сего дня не привезутъ пойманныхъ, то думаю, что городъ опредѣлитъ въ знѣдь тому неистовому чуду жизнь твою и тѣло.

день были землею и каменьями: и словомъ, находилось все въ такомъ безпорядкѣ, что казалось мнѣ, будто бы обильная и щедрая природа не напала сего мѣста плодотворцыми своими сосцами. Граждане увидѣвъ со стѣнъ, что я ходя по полямъ разсматривалъ ихъ несчастіе, вышли ко мнѣ, и взяли съ собою въ городъ. Пришедши въ оной, отдали меня жрецамъ, изъ которыхъ одинъ зналъ нашъ языкъ совершенно и могъ со мною разговаривать. Онъ увѣдомилъ меня о несчастіи народномъ симъ повѣствованіемъ: Послѣдній нашъ Государь былъ человѣкъ весьма нечестивой; онъ управлялъ нами самымъ тиранскимъ образомъ, умѣнялъ знатныхъ господъ и насиловалъ ихъ дочерей, казнилъ безъ милосердія всякаго, которой хоть мало прошивился его прихотямъ. Сдѣлалъ кровосмѣшеніе съ двумя своими дочерьми, которыя въ превеликомъ стыдѣ и отчаяніи закололись. Супругу свою умертвилъ онъ своими руками неповинную, и наконецъ предпріялъ услаждаться всякой день кровію своихъ подданныхъ, что видя духовенство предпріяло воздерживать

его отъ того совѣтами и другими способами. Въ скоромъ времени возненавидѣлъ онъ всѣхъ насъ, не пощадилъ и нашей крови; наконецъ, ужасно вымолвить, разорилъ всѣ храмы до основания, сокрушилъ нашихъ идоловъ, и велѣлъ покидать ихъ въ презрѣнное всѣми нашими людьми болото, которое находится за городомъ. Справедливые боги перестали терпѣть его беззаконію, послали на наши поля безобразное и превеличайшее чудо, которое во первыхъ пожрало варвара нашего и обладателя, потомъ пожрало его сообщниковъ, наконецъ гнѣвъ божескій низпалъ и на насъ неповинныхъ. Мы черезъ всякіе два дни отдаемъ человѣка на снѣденіе чуду; но еще избавляемся нѣсколько тѣмъ, что нѣкоторые отважные граждане ѣздивъ по окрестнымъ мѣстамъ ловятъ чужестранцовъ, которые замѣняютъ нашихъ гражданъ, и мы сохраняемъ ихъ здѣсь для того весьма рачительно. Вчера отдали мы послѣдняго, и если ли сего дня не привезутъ пойманныхъ, то думаю, что городъ опредѣлитъ въ знѣдь тому неистовому чуду жизнь свою и тѣло.

Услышавъ сїе вскочилъ я весьма поспѣшно, ухватилъ жертвенной ножъ, висящїй тупъ на стѣнѣ, и хотѣлъ лишить себя самъ поносной и презрительной моей жизни. Но жрецъ воспрепятствовалъ мнѣ оное, и закричалъ, чтобъ подали ему помощь: въ одну минуту прибѣжало другихъ множество жрецовъ, связали мнѣ руки и приставили трехъ оберегателей. Часа съ три старались они наполнить меня мужествомъ и не страшиться предписанной мнѣ смерти. Знаешь, что такъ судьбѣ угодно, говорили они, когда ты самъ пришелъ на свою погибель. Ты долженъ непремѣнно скончать свою жизнь, когда нибудь; но за избавленїе цѣлаго народа умрешь славнѣе, нежели скончашся поносною смертїю. Мы напишемъ имя твое въ духовную книгу, и всякой день будемъ поминать тебя предъ богами, и просить у нихъ вѣчнаго тебѣ блаженства, которое для всего смертнаго племени есть неоцѣненное сокровище; но оное достигнуть можно добрыми дѣлами, а самоубїйцы вѣчно заключаются во адѣ, и не должны ожидать никогда своего избавленїя. Что должно мнѣ было думать

тогда о моей жизни? Я укорялъ немилосердыхъ боговъ, и власть ихъ надъ людьми почиталъ тиранствомъ, и столь ожесточилось несчастіями мое сердце, что я хотѣлъ скорѣе увидѣть злое то чудовище, нежели мнѣ предписано было. Всю ночь находился я въ превеликомъ нетерпѣніи, и животъ мой столько мнѣ сдѣлался несноснымъ, что всякую минуту ожидалъ я смѣрти.

Когда возвѣдъ потухла заря, и кровавое для меня солнце взошло на мой плачевной горизонтъ, начался въ городѣ великой плачъ; вывели меня на народную площадь, всякой подходилъ ко мнѣ со слезами и оплакивая облобызалъ меня въ послѣдній разъ. Жрецъ исповѣдавъ меня и сдѣлавъ должное погребеніе, приказалъ народу вторично со мною проститься. Сіе плачевное позорище продолжалося часа съ два, и я сидѣлъ обливъ весь слезами; потомъ, когда повели меня въ ворота, чтобъ выпустить за городъ, женщины и дѣвицы взвыли тогда громкими голосами; и сіе безъ выносу погребеніе плачевнѣе было всякаго отходящаго въ вѣчность человѣка по уложенію природы. Когда же выпу-

сшили меня изъ города, то заперли опять ворота и пошли всѣ на стѣны смотрѣть свирѣпости чудовища и моего ребьденшенаго окончанія жизни. Долго я ходилъ по полю и съ нетерпѣніемъ ждалъ смерти: ибо въ одно положенное время чудовище подходило къ городу. Наконецъ появилося оно изъ густаго лѣсу: видъ его столько былъ страшенъ, что превосходилъ всякое ужасное адское безобразіе. Кровность моя и мужество, чтобъ безъ робости приступить къ смерти, въ одну минуту исчезли, и я столько отдался отчаянію, что едва меня держали ноги; ужасной шелъ звѣрь весьма скоро ко мнѣ приближился, расворилъ алчныя свои челюсти, и хотѣлъ съ превеликою жадностію пожрать меня. Въ самое то время поднялась ужасная буря и схвативъ меня унесла почти уже изъ рта того изверженнаго изъ ада страшилища; потомъ принесенъ я былъ опять въ Аронинъ островъ, и когда внесли меня въ ея покои, то вскочивъ она съ софы бросилась цѣловать меня и посадила подлѣ себя. Но сихъ моихъ благодѣяній еще ли сердце ивое не можетъ быть ко

мнѣ чувствительно: я приходила въ тотъ ужасной замокъ, въ которомъ долженъ былъ ты погибнуть отъ волшебника, научила ту красавицу, какъ превратить тебя въ птицу, избавила тебя отъ казни, сказавъ, какимъ образомъ можешь ты получить образъ человѣка; ето не та красавица говорила тебѣ въ слѣдъ, но я, которая всегда стараюся о твоемъ благополучіи. Когда хотѣли принести тебя на жертву, говорила я вмѣсто истукана жрецамъ, что жертва сія не угодна богамъ, и тѣмъ избавила тебя отъ смерти; въ густомъ лѣсу отняла я зрѣніе у хотѣвшей пожрать тебя львицы, и наконецъ почти уже изъ рта выхватила у свирѣпаго чудовища помощію послушныхъ мнѣ вѣтровъ. Выговаривая сіи слова, примѣтилъ я, что она краснѣлась; хотя желанія ея стремились преодолѣть стыдъ и благопристойность, но однако совѣсть въ ней еще не умолкала. Чтожъ должно было мнѣ отвѣчать на ея привѣтствіе? Она приключила мнѣ всѣ несчастія, и онажъ извинялась ими, почитая то добродѣтелью. Государыня моя! отвѣчалъ я ей, ибо досада моя не позволяла

мнѣ именовать ее богинею, ты безъ сомнѣнія сдѣлала мнѣ великія благодѣянія, и твоя ко мнѣ благосклонность превосходитъ всякое милосердіе на свѣтѣ; но я прошу тебя, чтобы не старалась возжечь въ сердцѣ моемъ пламень: ибо вмѣсто благодарности чувствую я къ тебѣ отвращеніе, и увѣряю тебя, что ты по смерть мою не получишь отъ меня никакого любовнаго знака. Выслушавъ сіе не показывала она мнѣ своей досады, хотя оная явно лежала на ея лицѣ. Ты видишь, сколько я тебя люблю, говорила она опять, что о всѣ твои досады вмѣняю ни во что: ты овладѣвъ моимъ сердцемъ и душею, предписывать мнѣ новые законы, и властвуешь мною такъ, какъ немилосердый побѣдитель обезоруженнымъ невольникомъ; я вся въ твоей власти, повелѣвай мною по твоему соизволенію, лишь только окончай мое мученіе, и покажи мнѣ сколько нибудь твоей благосклонности. Потомъ бросилась она ко мнѣ на шею, и начала цѣловать меня самымъ страстнымъ образомъ: мысли ея находились въ безпорядкѣ, душа волновалась своею несклонностію, а страстное ея

сердце трепетало отъ моей суровости. Вмѣсто того, чтобъ приласкать, оттолкнулъ я ее отъ себя презрительнымъ образомъ. Тутъ-то овладѣла досада ея сердцемъ, и показала она всю свою злобу, какую только можно было ожидать отъ раздраженной Евмениды. Постой, сказала она поскрежетавъ зубами, когда ты столько дерзостенъ, то скоро узнаешь власть мою и свое прямое несчастіе; съ етой минуты ты вѣчно будешь оплакивать жизнь свою, и конца оной никогда не дождешься. Потомъ вышедъ въ другую комнату взяла волшебную трость, и пришедъ ко мнѣ махнула оною по воздуху, и начала говорить слѣдующее: бурные и свирѣпые вѣтры! понесите голосъ мой во адъ, и тамъ внушите оной фуріямъ, чтобъ немедленно явились предо мною; а ты, великій адъ Царь, подкрѣпи душу мою приличною мнѣ твердостію. Но симъ словамъ узналъ я, что она была волшебница. Весьма скоро появился передъ нею неистовыя фуріи, которымъ приказала она мучить меня во всю мою жизнь; потомъ позвала къ себѣ своего Исполина, оберегателя ея острова, и

приказала перенесши меня на сіе мѣсто, и тутъ превратишь въ дерево. Въ одну минуту подхватилъ меня тотъ неистовой Гигантъ, принесъ сюда и тутъ великимъ чарованіемъ отнялъ у меня образъ человѣка, и далъ мнѣ сей, въ которомъ я и теперь нахожусь. Премилосердые боги! примолвилъ Алимъ вздыхая, тронишесь моимъ мученіемъ, освободите отъ сего несчастія, или прекратите несносную жизнь мою; только чтобъ Аскалада осталась послѣ меня благополучною.

ГЛАВА X.

ВЕЧЕРЪ 40.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Какъ скоро Алимъ окончилъ свои слова, то превеликой и престрашной левъ унесъ отъ него Аскалона, и онъ желая, можетъ быть, получить облегченіе въ своей печали, остался

опять безнадеженъ, и думалъ, что уже во всю несносную свою жизнь не получитъ никакой отрады.

Левъ на широкой своей спинѣ взнесъ на высокую гору Аскалона, и тамъ различными тѣлодвиженіями показалъ, что бы онъ взлѣзъ на дерево, которое одно только на горѣ находилось, и стояло подлѣ одной пропасти, весьма много вдавшейся въ гору. Когда Аскаломъ, невѣдавшій своей судьбины, находился уже на деревѣ, то левъ упихнувъ свою голову въ ихъ пропасть, весьма поспѣшно отскочилъ отъ оныя; потомъ поднялся въ ней ужасной свистъ и выползъ изъ оныя превеликой змѣй; ни мало не медля сразились они и начали рвать другъ друга безъ всякой пощады. Левъ повреждаемъ былъ отъ змѣя во всякомъ мѣстѣ, ибо ничто его не защищало; а змѣй, прикрытой чешуею, находился во всякой безопасности; наконецъ пропоролъ ему звѣрь чрево, и упали они оба утомясь на землю; потомъ собравъ нѣсколько силъ, вступили опять въ сраженіе, отъ чего утомясь еще больше, почти уже безъ чувства растянулись

подлѣ пропасти. Издыхающій звѣрь поднималъ страшные и кровавые глаза свои на дерево, и просилъ оными помощи у Аскалона, которому весьма не трудно было понимать его желаніе: чего ради сошедъ онъ съ дерева, хотѣлъ обезсилѣвшихъ ихъ умертвить обѣихъ, чтобъ тѣмъ лишиться ему неволи, освободяся отъ сихъ свирѣпыхъ двухъ чудовищъ; но раздробивъ всю внутреннюю въ змѣѣ, пощадилъ онъ обезсилѣвшаго льва, вспомнивъ то, что онъ весьма пріятенъ къ людямъ; сверьхъ же сего надѣялся, что звѣрь его выведетъ изъ сего незнаемаго имъ мѣста; и такъ предпріялъ ожидать, чтобъ левъ собравшись съ силами оказалъ ему сію услугу. Весьма въ скорое время получилъ свирѣпой звѣрь всѣ свои потерянныя силы, и показывалъ великую ласковость къ Аскалону, которому, какъ казалось, изъявлялъ онъ свою благодарность; потомъ посадивъ его на спину, понесъ съ горы на другую сторону къ нѣкоторому источнику, которой весьма обильно протекалъ въ прекрасной и украшенной различнаго вида цвѣтами долинѣ. Тутъ бросился въ воду, и не только что въ одну минуту омылъ

кровавыя раны, но и совсѣмъ зажившъ оныя, и напившись оной довольно, показался Аскалону еще бодрѣе и сильнѣе, нежели онъ былъ прежде. Подхвативъ его опять на себя понесъ съ превеликимъ стремленіемъ опять на шое же гору. Какъ скоро вбѣжалъ туда, що ошвалилъ онъ пропасти умершаго змѣя, который прикрывалъ собою оную, влѣзъ въ нее и началъ выносить оттуда превеликія куски золота, (*) различные дорогіе каменья и жемчугъ весьма высокой цѣны, и другіе рѣдкіе и блестящіе слитки металловъ, которые всѣ предлагалъ онъ Аскалону въ благодарность, что съ помощію его побѣдилъ своего соперника; но какъ увидѣлъ, что Аскалонъ ошказывается и не хочетъ ихъ принять, що возвратившись опять въ пещеру, вынесъ изъ оныя маленькой и черной камень, которой съ превеликимъ усердіемъ отдавалъ Аскалону. Весьма шому удивительно казалось, что послѣ великихъ сокровищъ награждалъ его левъ

(*) По доказательствамъ Натуральной Исторіи есть нѣкоторой родъ змѣевъ, которые собираютъ разны металлы и каменья, хранятъ ихъ въ своихъ пещерахъ и лежатъ на оныхъ.

бездѣлицею ; но звѣрь весьма приставалъ къ нему, и всякими ласкательствами показывалъ, чтобы Аскалонъ взялъ съ собою сей камень. Наконецъ вознамѣрился онъ исполнить звѣрево желаніе, взялъ тотъ камень и привязалъ къ своему грудному шализману: ибо по малости его не зналъ онъ куда его положить ; потомъ левъ отнесъ его къ тому дереву, отъ котораго взялъ.

Алимъ почувствовавъ подлѣ себя нѣкоторой шумъ, или лучше, движеніе человѣка , спрашивалъ, не опять ли я столько счастливъ, что судьба послала мнѣ того чужестранца , который слушалъ мои приключенія. Я , любезной другъ , отвѣчалъ ему Аскалонъ , освободившійся отъ свирѣпаго звѣря, я тебя обнимаю ; но лишь только распростеръ онъ свои руки и прикоснулся къ дереву , дубъ исчезъ , а вмѣсто онаго явился передъ нимъ Малѣнской владѣтель во всемъ своемъ образѣ. Какъ Аскалонъ , такъ и Алимъ весьма много удивились и сдѣлались неподвижными; однако Алимъ бросился цѣловать Аскалона и благодарилъ его весьма усердно за его одолженіе. Возлюбленной мой

другъ! говорилъ онъ Аскалону, скажи мнѣ, изъ которой ты страны свѣта посланъ мнѣ избавленіемъ, и какое милосердое божество привело тебя на сей невѣдомой никому островъ; чѣмъ я могу возблагодарить тебя за сіе, и какую найду тебѣ услугу, которая бы могла сравниться съ столь великимъ твоимъ благодѣяніемъ? Аскалонъ не вѣдавъ самъ причины сему превращенію, не хотѣлъ принять отъ него благодарности, и для того предпріяли они оба сыскать корень сей шайны, скрывающійся еще отъ ихъ понятія. Не уже ли сей камень, говорилъ Аскалонъ, данной мнѣ отъ звѣря, былъ тому причиною, и сія малая вещь столь великую имѣетъ въ себѣ силу? Алимъ отвѣчалъ ему на сіе, что островъ сей не прямой островъ, но нѣчто околдованное, какъ онъ о томъ слышалъ; то весьма не трудно намъ будетъ искусить сей камень, положимъ его на землю, и увидимъ, какое произойдетъ отъ того дѣйствіе. Аскалонъ отвязалъ его отъ тализмана, и какъ скоро положилъ на землю; то вдругъ сдѣлалось ужасное трясеніе и весьма великой шумъ. По

прошествіи же онаго Аскалонъ и Алимъ вмѣстно острова увидѣли себя на кораблѣ, что ихъ весьма много удивило. Люди на онемъ вставали какъ будто бы отъ крѣпкаго сна, и смотрѣли во всѣ стороны съ превеликою жадностію, и казалось, какъ будто они годъ цѣлой свѣта не видали. Когда пришли въ память, то Аскалонъ спрашивалъ, чьи они люди, и кому принадлежатъ сіи суда, ибо передъ глазами Аскалона и Алима находились пять кораблей? Мы Варяги, отвѣчалъ кормщикъ корабля того, на которомъ находился Аскалонъ. Военачальникъ былъ сынъ великаго господина, по похищеніи разбойниками его любовницы предпріялъ странствовать по свѣту и искать того, чего нѣтъ ему милѣе въ онемъ; и такъ плавали мы въ морѣ долгое время и искали ее до сихъ поръ безъ всякаго успѣха; наконецъ пристали къ сему острову, которой вы видите, и тутъ долгое время или были въ нѣкоторомъ непонятномъ намъ забвеніи, или превращены были во что нибудь, чего мы до сихъ поръ не понимаемъ. Гдѣ же вашъ начальникъ, спрашивалъ Алимъ у него?

Когда мы пріѣхали сюда, отвѣчалъ опять кормчій, то онъ съ нѣкоторыми изъ насъ пошелъ осмотрѣть сей островъ, и тамъ превращенъ въ дерево; потомъ указалъ имъ оное. Аскалонъ прикосновеніемъ того же камня возвратилъ и тому прежній его образъ. Великодушный незнакомецъ! началъ говорить превращенный полководецъ, я вижу, что вы всегда стараясь о человѣческомъ благополучіи, находишь въ томъ удовольствіе, чтобъ помогать имъ во всякое время. По сихъ словахъ благодарилъ онъ весьма чистосердечно Аскалона, и по прозьбѣ его разсказалъ имъ малое свое похожденіе такимъ образомъ: Я нынѣшнія страсть мою къ нѣкоторой придворной дѣвушкѣ, былъ чрезвычайно въ началѣ любви моей несчастливъ. Всякой день страсть моя восходила на вышнюю степень, и всякой день получалъ я отъ нее новыя огорченія; любовь моя долго боролася съ моимъ разсужденіемъ, и наконецъ преодолѣла она разумъ мой и понятіе. Я влюбился до крайности, и не хотѣлъ отстать отъ Асы, такъ называлася моя любовница, хотя бы стоило сіе моей жизни; а не

видавъ къ полученїю ея никакого способа, вознамѣрился употребить нѣкоторую хитрость, которая можетъ быть простительна страстному любовнику. Она уже была помолвлена за нѣкотораго придворнаго человѣка; и когда предстали они въ храмъ обѣщанїя, то и я пришелъ не медля въ оной. Когда же пришла Аса передъ идолъ богининъ, и начала обѣщаться Салиму, такъ именовался назначенной ей женихъ; и когда выговаривала она сїи слова: Обѣщаюся препроводить всю жизнь мою; то я закричалъ весьма громко, съ Ешномъ; ибо я такъ называюсь, и не далъ ей выговорить, съ Салимомъ. Услышавъ сїе жрецы опредѣлили, чтобъ быть ей за мною; ибо выговоренное слово во храмѣ обѣщанїя и передъ богинею никогда перемѣняемо не было: и такъ вмѣсто Салима совокупился я съ Асою бракомъ. Спустя нѣсколько времени послѣ нашего сочетанїя, когда прогуливался я съ женою по присшани, то не малое число злодѣевъ окружили меня, подхватили любезную мою супругу и увезли ее отъ меня. И такъ поѣхалъ странствовать по свѣту и искать ее во всякомъ мѣ-

спѣ. Находясь весьма долгое время въ морѣ, пріѣхали мы наконецъ къ сему острову, гдѣ хотѣли переправить наши суда и запастись хорошею водою. Я долженъ былъ сойти съ корабля и посмотрѣть оныя на семъ островѣ. Какъ только я пришелъ къ сему ручейку, которой вы передъ собой видите, то нашелъ въ ономъ двухъ дѣвушекъ весьма прекрасныхъ: онѣ купались въ сихъ цѣлительныхъ водахъ и были совсѣмъ наги; одна изъ оныхъ, которая казалась поважнѣе другой, разсердившись весьма на меня, плеснула водою, отъ чего въ одну минуту превратился я въ дерево и сдѣлался неподвиженъ. Потомъ вышедъ онѣ изъ ручья, пошли къ моему флоту и превратили его въ нѣкоторой малой островъ и присоединили къ сему, и мы до сихъ поръ пребывали полумертвыми. Кто жъ такова была та дѣвушка, богиня она, или смертная, того я не вѣдаю, и мы ее съ тѣхъ поръ уже не видали. Емонъ окончавъ такимъ образомъ свои приключенія, благодарилъ вторично Аскалона за свое избавленіе; а Алимъ предпріялъ просить Емона, чтобы онъ на

своихъ судахъ отвезъ ихъ на островъ Млаконъ; прогналъ также и Аскалона, чтобы онъ согласился съ нимъ туда поѣхать, ибо хотѣлъ онъ возблагодарить его тамъ достойнымъ образомъ. Великая необходимость согласила всѣхъ ихъ къ одному предпріятію. Ѣхать во всякую страну было не безполезно, ибо онъ искалъ супруги своей по всему свѣту. Алимъ долженствовалъ увидѣть свое отечество и Асклїаду; а Аскалонъ имѣя пепстовыя мысли, всюду намѣренъ былъ слѣдовать: и такъ исправивъ суда и запасшись всѣмъ надобнымъ, отправилися они всѣ въ желаемой ими путь.

ГЛАВА XI.

ВЕЧЕРЪ 41.

Продолженїе повѣсти объ Аскалонѣ.

Находяся не малое время въ морскомъ плаванїи, прибыли они наконецъ подъ счастливыя Млаконскїя небеса, и

пристав къ острову, вышли на прекрасные берега онаго, гдѣ простился съ Ѳомомъ, котораго никакъ не могли уговорить, чтобы онъ побылъ съ ними нѣсколько на островѣ, и такъ отправился онъ въ свой путь. Алимъ и Аскалонъ желая условиться между собою, слѣдовали въ священную рощу, и тамъ хотѣли опредѣлить свое намѣреніе, какимъ образомъ показаться имъ народу, и увѣдомиться обо всѣхъ обстоятельствахъ, какія происходятъ теперь во владѣніи Алимовомъ. Пришедъ въ оную, нашли они тутъ нѣкоторыхъ жрецовъ, которые обыкновенно отправляли гражданскія жертвы. Алимъ укрывая какъ свое имя, такъ и достоинство, подступилъ къ одному съ великимъ подобострастіемъ, и просилъ, чтобы онъ увѣдомилъ его объ обстоятельствахъ города и народа. Мы, говорилъ онъ, чужестранцы, желающіе смотрѣть обыкновеніе и обхожденіе людей, путешествуемъ по свѣту и желаемъ увѣдомиться, какіе природа разсѣяла шаланты по лицу земному, и въ какомъ мѣстѣ ушѣсненная добродѣтель имѣетъ лучшее свое прибѣжище. Вы здѣсь не сыщете

добродѣтели, отвѣчалъ жрецъ вздохнувши весьма прискорбно; она уже выгнана отъ насъ, и къ превеликому нашему несчастію думаемъ мы, что никогда уже сюда не возвратится; мы возвели на престолъ, продолжалъ онъ, весьма попечительнаго о подданныхъ Государя, которой всякой часъ старался о нашемъ благополучіи, предупреждалъ наши надобности: и словомъ, сколько былъ прозорливъ, что предусматривалъ и отвращалъ всякое зло отъ подданныхъ. Когда же утвердился онъ любовію нашею на престолѣ, началъ поступать по своимъ пристрастіямъ: прежде всѣхъ возненавидѣлъ Княжескую дочь Асклїаду, которую долженъ онъ былъ имѣть своею супругою, отослалъ ее отъ своего лица, и послѣ заключилъ въ темницу. Тѣ, кои держали ея сторону, лишены всего имѣнія и препровождаютъ жизнь свою въ изгнаніи. Вчера публикованъ въ народѣ указъ, въ которомъ объявлено, будто Асклїада сдѣлалась виновною со всѣми своими сообщниками, будто она имѣла умыселъ, чтобъ отнять жизнь у Государя: и такъ завтрешняго дня увидите вы здѣсь самое ужасное и

плачевное позорище; ибо будетъ она сожжена въ первомъ часу по полудни. При семъ словѣ Алимъ перемѣнился въ лицѣ; члены его затрепетали, и естьли бы не поддержали его Аскалонъ и жрецъ; то бы онъ конечно упалъ на землю. Аскалонъ какъ возможно старался скрывать передъ жрецомъ сїе подозрѣнїе; но тотъ имѣя отъ природы проницательной разумъ, устремилъ глаза свои на Алима, и не хотѣлъ отвратить отъ онаго любопытнаго своего взора. Образъ его показывалъ, что онъ весьма много удивляется Алимовой перемѣнѣ и приключившемуся весьма чудному въ природѣ его волненїю. Сомнѣнїе его отъ часу больше умножалось, когда онъ приводилъ на память неисповѣдимые божескїе отвѣты, которые они не за долго предъ симъ получали. Можетъ быть старался бы онъ и скрыть оное, но сердечное нѣкоторое чувствованїе вылетало на важной его образъ.

По приведенїи въ чувство Алима не упустилъ онъ ни малѣйшей прозьбы, чтобъ пригласить ихъ къ себѣ въ домъ. Когда же пришли они въ оной, то жрецъ собравъ своихъ товарищей, просилъ Али-

ма, чтобъ онъ сказалъ ему, какого онъ города житель и все принадлежащее до его жизни; но Аскалонъ и Алимъ просили его, чтобы онъ позволилъ имъ нѣсколько успокоиться: ибо предпріяли они какъ возможно освободить Асклїаду отъ казни, и для того хотѣли нѣсколько посовѣтовать между собою уединенно, что имъ и позволено; и сїе умножило еще больше жреческое сомнѣнїе; ибо нашедъ превеликое сходство въ Алимѣ со своимъ Государемъ, не знали они, какъ растолковать сїе приключенїе. Божескїе же отвѣты означали иногда, что владѣетъ ими не дѣйствительной ихъ Государь. И такъ сдѣлалось между ими превеликое волненїе. Они хотѣли изслѣдовать сїю тайну, но не имѣли къ тому ни малѣйшаго слѣда. Все было сокрыто отъ ихъ понятїя, и самая истинна казалася имъ неизслѣдованнымъ невѣденїемъ.

Алимъ и Аскалонъ находяся наединѣ, искали способовъ ко освобожденїю Асклїады; но къ превеликой прискорбности страстнаго Алимова сердца не находили ни одного; одна только храбрость оставалася избавленїемъ оной. Алимъ

предпріялъ твердо поразить своею рукою неистоваго того самозванца, которой похитилъ у него престолъ, и возиамѣрился лишить его любовницы и супруги самою поносною и презрительною смертію. И такъ не сыскавъ больше никакого способа, положили непремѣнно принести ярости своей на жертву незаконнаго обладателя народомъ. Дѣйствительной Млаконской обладатель препроводилъ всю ночь въ превеликомъ безпокойствѣ, и не желалъ ни на минуту имѣть онаго. Онъ въ сіе время ходилъ осматривать въ городѣ мѣста, которыя ему возможность позволяла; между тѣмъ нашелъ приготовленной срубъ на погубленіе Асклїады, и словомъ высмотрѣлъ все въ расположенію предпріятныхъ имъ мыслей; потомъ ожидалъ съ нетерпѣливостію утра.

Млаконскія небеса украшалися уже свѣтлою синевою, тусклые облака удаляясь отъ свѣта падали въ Западное море, горы и долины пили кровавую росу, чѣмъ предвѣщали въ сей день ужасное стенаніе земли; солнце взошедъ на горизонтъ, казалось, какъ будто бы отвращаетъ свои лучи и не хочетъ гля-

день въ городъ, а особливо въ то мѣсто, въ которомъ почивалъ тиранъ миролюбиваго народа. Обыкновенные предвѣстники солнцева восхожденія, пріятные Зефиры, которые на ясныхъ водахъ подымаютъ тихія волны, удаляясь отъ города, оставили поля и долины; ибо не хотѣли быть свидѣтелями варварскаго позорища, въ отсутствіи ихъ горѣлъ воздухъ, и казалось, что всѣ стихіи воспламенятся отъ одной словомъ, вся природа на семъ островѣ казалась въ превеликомъ помѣшательствѣ. Граждане открывая глаза свои, наполняли ихъ слезами, и вездѣ слышно было сердечное стенаніе, всякой противъ желанія своего гнушался увидѣть смерть законной своей Государыни, и неволею шелъ на назначенное ему мѣсто. Жрецы затворили храмы, и скрывшись въ оныхъ, просили боговъ, чтобы они отвратили свой гнѣвъ отъ народа за невинную Аскліаду. Время уже приходило къ совершенію дѣла. Аскалонъ и Алимъ пришедъ сошли на шкомъ мѣстѣ, которое весьма способно было къ совершенію ихъ заговора, и которое они прежде уже назначили.

Началась плачевная и ужасная сія церемонія: въ началѣ шли нѣсколько шѣлохранителей съ обнаженными мечами, за ними слѣдовали два жреца въ печальныхъ одеждахъ, которые должны были прочитать на срубѣ послѣдня Аскіадѣ молитвы; за сими вели двухъ надзирательницъ Государыни, которыхъ она весьма много любила, и кои ей были всѣхъ вѣрнѣе; передъ Аскіадою шелъ крикунъ, которой во весь голосъ говорилъ народу, чтобы они помнили свой долгъ, и никогдабъ не дерзали восставать противъ Государя, видя, какъ преступники законовъ жестоко наказываются. За сими ѣхала Государыня на бѣломъ конѣ, котораго вели два совершителя сего неистоваго дѣла; она была въ бѣломъ одѣяніи, которое было весьма долго и волочилося позади коня; концы онаго несли два комнатные оброка, и плакали столь горько, что казалось, будто они похороняли родную свою мать; волосы у нее были распущены и лежали безпорядочно, иные по плечамъ и на груди, а другіе висѣли за спиною, на головѣ ея былъ вѣнокъ изъ кипариснаго дерева, которое означаетъ

печаль и погребеніе. Катящіяся по лицу ея слезы, и не чувствительное сердце удобны были привести о ней въ сожалѣніе. Въ рукахъ держала она большой золотой сосудъ, въ которомъ находились разные дорогіе каменья и жемчугъ, чѣмъ она обыкновенно украшалась въ своей жизни. Оныя сокровища, и притомъ деньги раздавала она своими руками бѣднымъ людямъ, и притомъ можно было видѣть, что каждой камень омоченъ былъ ея слезами. Какъ скоро народъ увидѣлъ ее въ семъ образѣ, то ужасно возшепталъ, и началось вездѣ рыданіе. Женщины и дѣвицы не убоявшись тиранновой власти, отчаянно вопили голосами; нѣкоторыя рвали на себѣ волосы, и хотѣли послѣдовать Государынѣ своей въ неутолимую стихію. Сіе народное смятеніе ни мало не уменьшало яросши повелителевой. Онъ появился народу въ великолѣпной колесницѣ, въ которой ѣхалъ на опредѣленное имъ мѣсто, чтобы утолить свою злобу, и насытиться жизнію невинной Асклїады. Какъ только поровнялся онъ съ Алимомъ и съ Аскалономъ, то два сіи раздраженные героя хотѣли броситься

ся на колесницу, и положишь его на оной мертва; но самозванецъ предупредилъ ихъ намѣреніе, и скочивъ весьма поспѣшно съ колесницы, бросился передъ ними на колѣни, не смотря ни на свой санъ, ни на великое собраніе народа. Я не знаю, кто ты таковъ, говорилъ онъ Аскалону весьма оробѣвши, только вѣдаю то, что ты пришелъ сюда наказать меня за мои продерзости. Я припадая ко стопамъ твоимъ, вимюсь передъ тобою, и подвергаю себя всякому жестокому наказанію. Аскалонъ и Алимъ весьма удивились чудному сему приключенію, и будучи они много въ великомъ смятеніи, не знали, какъ растолковать имъ такое привидѣніе; чего ради тиранъ просилъ ихъ во дворецъ, гдѣ обѣщалъ объяснить вину свою подробно, и потомъ оборотясь къ Алиму говорилъ: твой народъ, твоя и воля, повелѣвай имъ съ сей минуты до конца твоей жизни; ибо боги сдѣлались къ тебѣ милостивы, и меня отдали въ твои руки. Асклїада возвращена была отъ казни, и съ превеликою честію проводили ее въ покои. Вмѣсто плача сдѣлалась превеликая радость; но на-

родная молва превосходила еще оную. Всякой видѣлъ перемѣну своего Государя, но никто не зналъ тому причины; и такъ объясненіе оной весьма было потребно къ открытію ихъ судьбины.

ГЛАВА XII.

ВЕЧЕРЪ 42.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Алимъ бросился прежде всего успокоить возмущенную Аскліаду, вывесши ее изъ отчаянія, и увѣрить, что во образѣ его неистовой духъ, о которомъ еще и самъ онъ былъ неизвѣстенъ, приключилъ ей всѣ печали и мученія; но онъ нашелъ ее еще безъ памяти, и не надѣялись, чтобы скоро возвратила она потерянныя свои чувствія; чего ради приказалъ всѣмъ придворнымъ врачамъ весьма прилѣжно стараться о ея здоровьѣ, а самъ слѣдовалъ къ Аскалону, и желалъ съ нимъ вмѣстѣ увѣдо-

миться о своей судьбинѣ. Когда онъ вошелъ въ свои покои, то извиняющійся передъ Аскалономъ тиранъ сталъ опять передъ ними на колѣни, и говорилъ слѣдующее: Я волшебникъ, братъ Аропы, твоей любовницы, говорилъ онъ Алиму; она влюбяся въ тебя, приняла на себя образъ богини, и показалась тебѣ во славѣ на колесницѣ, чтобъ тронуть твое сердце сколько красотою, столько и великолѣпіемъ, и еще, что мнѣ ужасно вспомнить, и за что боги сдѣлались къ намъ немилосерды, очаровала она истуканъ Проновъ, которой произносилъ противъ желанія своего голосъ. Я по ея велѣнію принималъ на себя образъ провозвѣстника Перуновыхъ повелѣній, и толковалъ въ рощѣ тебѣ отвѣтъ Проновъ; потомъ ея же наученіемъ царствовалъ годъ на твоемъ престолѣ, и въ твоемъ образѣ притѣснялъ, сколько возможно мнѣ было, Асклїаду, и наконецъ по повелѣнію Аропину хотѣлъ преселить ее въ царство мертвыхъ; и дѣйствительно бы сіе сдѣлалось сего дня, ежели бы боги не подали вамъ руку помощи, а ей избавленіе въ васъ. Сей чудной камень, которой

ты имѣешь, продолжалъ онъ говоря Аскалону, отдѣленъ отъ престола адскаго бога. Въ то время, когда мы принимаемъ власть надъ духами, клянемся передъ адскимъ судіею симъ камнемъ; ибо по преступленіи нашей должности бываемъ мы онымъ мучимы, и въ винахъ нашихъ теряемъ передъ онымъ всю нашу власть и могущество; теперь я въ вашей волѣ, и когда кончилось на мнѣ терпѣніе боговъ, то вы можете со мною сдѣлать все, что вы хотите. Впрочемъ преступленію сему виновна моя сестра, и она обо всемъ увѣдомитъ васъ обстоятельнѣе. Позвольте мнѣ сдѣлать нѣкоторыя заклинанія, по которымъ она весьма скоро явится здѣсь, а вы тѣмъ временемъ старайтесь успокоить Аскліаду, ибо власть наша надъ нею уже кончилась.

Народъ нетерпѣливо желалъ увѣдомиться о семъ приключеніи: ибо видѣлъ онъ Государя своего въ двухъ подобныхъ другъ другу лицахъ; что ради Алимъ за благо разсудилъ появиться оному вмѣстѣ съ волшебникомъ, и публичнымъ его признаніемъ вывести подданныхъ своихъ изъ сомнѣнія. И такъ немедля

возвратившись они на народную площадь, гдѣ волшебникъ при всемъ народѣ признавалъ себя виновнымъ и неправильнымъ похитителемъ какъ престола, такъ и счастія Алимова. Услышавъ сіе всѣ бросились съ великимъ стремленіемъ на волшебника, и хотѣли разрубить его на части; но Алимъ удержалъ ихъ стремленіе, и приказалъ до времени успокоиться. Потомъ проводили волшебника для заклинаній, чтобы онъ призвалъ свою сестру, а Алимъ и Аскалонъ пошли успокоить Аскліаду. Какъ они вошли къ ней, то уже получила она нѣсколько прежней памяти, и была мало предувѣдомлена какъ о своемъ, такъ и о народномъ счастіи. Увидѣвъ Алима, возвела она утомленные отъ слезъ глаза свои на него, и опять обливши слезами, говорила ему такъ: Я стращусь тебя, Государь, и имѣю къ тому справедливую причину, ты мнѣ кажешься ужаснымъ тираномъ, или такимъ чудовищемъ, которое столько яростно, что не щадитъ терзать и самаго себя. Я ненавижу тебя и мысленно презираю; но не знаю, продолжала она вздохнувши весьма прискорбно, для

чего сердце мое не соглашается съ моими мнѣніями. Оно тебя извиняетъ, и совѣтуетъ уменьшить мою ненависть. Что за приключеніе, которое вопреки возмутило смущенныя мои мысли? Какое не слыханное досель приключеніе послѣдовало въ вашемъ городѣ? Начало его я слышала нѣсколько смущенно, но дѣйствительнаго и яснаго доказательства еще не могла узнать ни отъ кого. Скажи мнѣ, Государь, тотъ ли ты Алимъ, которой былъ при вступленіи твоемъ на престолъ, или тотъ неистовой обладатель, которой терзалъ меня до сей минуты, и наконецъ непонятную опредѣлилъ казнить, чѣмъ осрамилъ мое поколѣніе, и обезславилъ всѣхъ владѣтелей моихъ предковъ? Успокойся прекрасная Аскалада, отвѣчалъ ей Алимъ, несчастіе твое продолжалося до сего часа, и боги были къ тебѣ не милостивы столько же, сколько ко мнѣ. Они предпріяли наказать меня; но чтобъ больше усугубить мое мученіе, опредѣлили и тебѣ быть несчастливою. Я бы хотѣлъ во весь мой вѣкъ пребывать заключенъ подъ несносною мнѣ карою, лишь только бы тебя ви-

дѣть благополучною. По сихъ словахъ увѣдомилъ онъ ее обо всѣхъ обстоятельствахъ, и также о всѣхъ приключеніяхъ случившихся ему во время отсутствія. Потомъ сказалъ ей, что царствовалъ вмѣсто его волшебникъ, братъ той неистовой тиранки, которая приключила ему всѣ несчастія. Представилъ также и избавителя своего Аскалона, котораго благодарила Аскіада отъ искренняго сердца и самыми чувствительными словами. Ибо выслушавъ всѣ приключенія, въ одну минуту забыла она всѣ претерпѣнныя ею досады и огорченія, и вмѣсто превеликой ненависти къ Алиму наполнилась она еще больше прежняго къ нему страстію.

Аскалонъ казался иногда въ превеликомъ смущеніи; на лицѣ его написано было неистовое его желаніе. Всѣ бывшіе тутъ примѣчали его движенія; но Алимъ и Аскіада будучи наполнены великою радостію, со всѣмъ не старались предузнавать грозящей имъ новой бѣды еще злѣе прежнихъ. Человѣкъ, имѣющій испорченной нравъ, весьма склоненъ къ поползновенію. Склонности перемѣняются поминутно, и прилѣпля-

ются больше къ худому, нежели къ хорошему: ибо добродѣтель не присутствуетъ въ такомъ сердцѣ, которое наполнено злобою, и разумъ ни мало не совѣтуетъ о истинномъ пути: ибо онъ самъ живетъ въ такомъ человѣкѣ подъ властію пристрастій негодныхъ. Пороки царствуютъ тутъ, откуда удаляется добродѣтель, и на все привести его въ состояніи. Аскалонъ какъ скоро увидѣлъ Аскаѣду, то забывъ не пристойную страсть свою къ сестрѣ, столь сильно влюбился въ Аскаѣду, что желалъ лучше потерять жизнь, нежели не получить удовольствія по-рочному своему желанію. Досадовалъ онъ, и почти выходилъ самъ изъ себя, когда видѣлъ, что Аскаѣда чувствовала къ Алиму неизъяснимую страсть. Глаза его иногда наполнены были яростнымъ огнемъ, и лице покрыто было звѣрскою злостію. Онъ трепеталъ, и казалось, какъ фуріи терзаютъ нестоковое его сердце. Алимъ не преминулъ вскорѣ спросить Бейгама, какъ перваго своего друга; и когда увѣдомили его, что онъ находится въ темницѣ, то приказалъ немедленно освободивъ его

представить предъ себя, и на пути еще увѣдомить его обо всемъ произшедшемъ. Бейгамъ какъ скоро вошелъ, то бросился къ ногамъ законнаго своего обладателя, трепещущими устами цѣловалъ его руку, и отъ не обычайнаго восторга едва могъ произносить слова. Успокойся, любезной мой другъ, говорилъ ему Алимъ, несчастїя наши миновались, и ты долженъ благодарить въ началѣ боговъ, а по нихъ великодушнаго и храбраго чужестранца Аскалона. Бейгамъ отдавъ ему должную честь, благодарилъ его весьма пристойными словами; а Алимъ въ етотъ часъ обѣщалъ поставить статую на площади народной избавителю своему и его подданныхъ изъ-подъ ига мерзостнаго обладателя. Однимъ словомъ естьлибы Аскалонъ потребовалъ престола, то Алимъ имѣвъ добродѣтельное и благодарное сердце, конечно бы не отказалъ ему въ семъ требованїи; ибо согласился бы онъ лучше владѣть одною Асклїадою, нежели всею землею пространныя вселенной. Но Аскалонъ наполнялся тогда совсѣмъ противными сему мыслями. Онъ предпрїялъ лишить

родная молва превосходила еще оную. Всякой видѣлъ перемѣну своего Государя, но никто не зналъ тому причины; и такъ объясненіе оной весьма было потребно къ открытію ихъ судьбины.

ГЛАВА XII.

ВЕЧЕРЪ 42.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Алимъ бросился прежде всего успокоить возмущенную Аскаладу, вывесши ее изъ отчаянія, и увѣрить, что во образѣ его неизвѣстной духъ, о которомъ еще и самъ онъ былъ неизвѣстенъ, приключилъ ей всѣ печали и мученія; но онъ нашелъ ее еще безъ памяти, и не надѣялись, чтобы скоро возвратила она потерянныя свои чувствія; чего ради приказалъ всѣмъ придворнымъ врачамъ весьма прилѣжно стараться о ея здоровьѣ, а самъ слѣдовалъ къ Аскалону, и желалъ съ нимъ вмѣстѣ увѣдо-

миться о своей судьбинѣ. Когда онъ вошелъ въ свои покои, то извиняющійся передъ Аскалономъ тиранъ сталъ опять передъ ними на колѣни, и говорилъ слѣдующее: Я волшебникъ, братъ Аропы, твоей любовницы, говорилъ онъ Алиму; она влюбяся въ тебя, приняла на себя образъ богини, и показалась тебѣ во славѣ на колесницѣ, чтобъ тронуть твое сердце сколько красотою, столько и великолѣпіемъ, и еще, что мнѣ ужасно вспомнить, и за что боги сдѣлались къ намъ немилосерды, очаровала она истуканъ Проновъ, которой произносилъ противъ желанія своего голосъ. Я по ея велѣнію принималъ на себя образъ провозвѣстника Перуновыхъ повелѣній, и толковалъ въ рощѣ тебѣ отвѣтъ Проновъ; потомъ ея же наученіемъ царствовалъ годъ на твоемъ престолѣ, и въ твоемъ образѣ притѣснялъ, сколько возможно мнѣ было, Асклїаду, и наконецъ по повелѣнію Аропину хотѣлъ преселить ее въ царство мертвыхъ; и дѣйствительно бы сіе сдѣлалось сего дня, ежели бы боги не подали вамъ руку помощи, а ей избавленіе въ васъ. Сей чудной камень, которой

родная молва превосходила еще оную. Всякой видѣлъ перемѣну своего Государя, но никто не зналъ тому причины; и такъ объясненіе оной весьма было потребно къ открытію ихъ судьбины.

ГЛАВА XII.

ВЕЧЕРЪ 42.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Алимъ бросился прежде всего успокоить возмущенную Аскѣаду, вывести ее изъ отчаянія, и увѣрить, что во образѣ его неизвѣстной духъ, о которомъ еще и самъ онъ былъ неизвѣщенъ, приключилъ ей всѣ печали и мученія; но онъ нашелъ ее еще безъ памяти, и не надѣялись, чтобы скоро возвратила она потерянныя свои чувствія; чего ради приказалъ всѣмъ придворнымъ врачамъ весьма прилѣжно стараться о ея здоровьѣ, а самъ слѣдовалъ къ Аскалону, и желалъ съ нимъ вмѣстѣ увѣдо-

миться о своей судьбинѣ. Когда онъ вошелъ въ свои покои, то извиняющійся передъ Аскалономъ тиранъ сталъ опять передъ ними на колѣни, и говорилъ слѣдующее: Я волшебникъ, братъ Аропы, твоей любовницы, говорилъ онъ Алиму; она влюбяся въ тебя, приняла на себя образъ богини, и показалась тебѣ во славѣ на колесницѣ, чтобъ тронуть твое сердце сколько красотою, столько и великолѣпіемъ, и еще, что мнѣ ужасно вспомнить, и за что боги сдѣлались къ намъ немилосерды, очаровала она истуканъ Проновъ, которой произносилъ противъ желанія своего голосъ. Я по ея велѣнію принималъ на себя образъ провозвѣстника Перуновыхъ повелѣній, и толковалъ въ рощѣ тебѣ отвѣтъ Проновъ; потомъ ея же наученіемъ царствовалъ годъ на твоемъ престолѣ, и въ твоемъ образѣ притѣснялъ, сколько возможно мнѣ было, Асклїаду, и наконецъ по повелѣнію Аропину хотѣлъ преселить ее въ царство мертвыхъ; и дѣйствительно бы сїе сдѣлалось сего дня, ежели бы боги не подали вамъ руку помощи, а ей избавленїе въ васъ. Сей чудной камень, которой

ты имѣешь, продолжалъ онъ говоря Аскалону, отдѣленъ отъ престола адскаго бога. Въ то время, когда мы принимаемъ власть надъ духами, клянемся передъ адскимъ судіею симъ камнемъ; ибо по преступленіи нашей должности бываемъ мы онымъ мучимы, и въ винахъ нашихъ теряемъ передъ онымъ всю нашу власть и могущество; теперь я въ вашей волѣ, и когда кончилось на мнѣ терпѣніе боговъ, то вы можете со мною сдѣлать все, что вы хотите. Впрочемъ преступленію сему виновна моя сестра, и она обо всемъ увѣдомитъ васъ обстоятельнѣе. Позвольте мнѣ сдѣлать нѣкоторыя заклинанія, по которымъ она весьма скоро явится здѣсь, а вы тѣмъ временемъ старайтесь успокоить Аскліаду, ибо власть наша надъ нею уже кончилась.

Народъ нетерпѣливо желалъ увѣдомиться о семъ приключеніи: ибо видѣлъ онъ Государя своего въ двухъ подобныхъ другъ другу лицахъ; что ради Алимъ за благо разсудилъ появиться оному вмѣстѣ съ волшебникомъ, и публичнымъ его признаніемъ вывести подданныхъ своихъ изъ сомнѣнія. И такъ немедля

возвратились они на народную площадь, гдѣ волшебникъ при всемъ народѣ признавалъ себя виновнымъ и неправильнымъ похитителемъ какъ престола, такъ и счастія Алимова. Услышавъ сіе всѣ бросились съ великимъ стремленіемъ на волшебника, и хотѣли разрубить его на части; но Алимъ удержалъ ихъ стремленіе, и приказалъ до времени успокоишься. Потомъ проводили волшебника для заклинаній, чтобы онъ призвалъ свою сестру, а Алимъ и Аскалонъ пошли успокоить Аскѣяду. Какъ они вошли къ ней, то уже получила она нѣсколько прежней памяти, и была мало предувѣдомлена какъ о своемъ, такъ и о народномъ счастіи. Увидѣвъ Алима, возвела она утомленные отъ слезъ глаза свои на него, и опять обливши слезами, говорила ему такъ: Я стращусь тебя, Государь, и имѣю къ тому справедливую причину, ты мнѣ кажешься ужаснымъ ипраномъ, или такимъ чудовищемъ, которое столько яростно, что не щадишь терзать и самаго себя. Я ненавижу тебя и мысленно презираю; но не знаю, продолжала она вздохнувши весьма прискорбно, для

чего сердце мое не соглашается съ моими мнѣніями. Оно тебя извиняетъ, и совѣтуетъ уменьшить мою ненависть. Что за приключеніе, которое внезапно возмутило смущенныя мои мысли? Какое не слыханное досель приключеніе послѣдовало въ вашемъ городѣ? Начало его я слышала нѣсколько смущенно, но дѣйствительнаго и яснаго доказательства еще не могла узнать ни отъ кого. Скажи мнѣ, Государь, тотъ ли ты Алимъ, которой былъ при вступленіи твоемъ на престолъ, или тотъ неистовой обладатель, которой терзалъ меня до сей минуты, и наконецъ непонятную опредѣлилъ казнить, чѣмъ осрамилъ мое поколѣніе, и обезславилъ всѣхъ владѣтелей моихъ предковъ? Успокойся прекрасная Аскалада, отвѣчалъ ей Алимъ, несчастіе твое продолжалося до сего часа, и боги были къ тебѣ не милостивы столько же, сколько ко мнѣ. Они предпріяли наказать меня; но чтобъ больше усугубить мое мученіе, опредѣлили и тебѣ быть несчастливою. Я бы хотѣлъ во весь мой вѣкъ пребывать заключенъ подъ несносною мнѣ карою, лишь только бы тебя ви-

дѣть благополучною. По сихъ словахъ увѣдомилъ онъ ее обо всѣхъ обстоятельствахъ, и также о всѣхъ приключеніяхъ случившихся ему во время отсутствія. Потомъ сказалъ ей, что царствовалъ вмѣсто его волшебникъ, братъ той неистовой тиранки, которая приключила ему всѣ несчастія. Представилъ также и избавителя своего Аскалона, котораго благодарила Аскаїда отъ искренняго сердца и самыми чувствительными словами. Ибо выслушавъ всѣ приключенія, въ одну минуту забыла она всѣ претерпѣнныя ею досады и огорченія, и вмѣсто превеликой ненависти къ Алиму наполнилась она еще больше прежняго къ нему страстію.

Аскалонъ казался тогда въ превеликомъ смущеніи; на лицѣ его написано было неистовое его желаніе. Всѣ бывшіе тутъ примѣчали его движенія; но Алимъ и Аскаїда будучи наполнены великою радостію, со всѣмъ не старались предузнавать грозящей имъ новой бѣды еще злѣе прежнихъ. Человѣкъ, имѣющій испорченной нравъ, весьма склоненъ къ подлизновенію. Склонности перемѣняются поминутно, и прилѣпля-

ются больше къ худому, нежели къ хорошему: ибо добродѣтель не присутствуетъ въ такомъ сердцѣ, которое наполнено злобою, и разумъ ни мало не совѣтуетъ о истинномъ пути: ибо онъ самъ живетъ въ такомъ человѣкѣ подъ властію пристрастій негодныхъ. Пороки царствуютъ тутъ, откуда удаляется добродѣтель, и на все привести его въ состояніи. Аскалонъ какъ скоро увидѣлъ Аскаѣаду, то забывъ не пристойную страсть свою къ сестрѣ, столь сильно влюбился въ Аскаѣаду, что желалъ лучше потерять жизнь, нежели не получить удовольствія по-рочному своему желанію. Досадовалъ онъ, и почти выходилъ самъ изъ себя, когда видѣлъ, что Аскаѣада чувствовала къ Алиму неизъяснимую страсть. Глаза его иногда наполнены были яростнымъ огнемъ, и лице покрыто было звѣрскою злостію. Онъ трепеталъ, и казалось, какъ фуріи терзаютъ нечистовое его сердце. Алимъ не преминулъ вскорѣ спросить Бейрама, какъ перваго своего друга; и когда увѣдомили его, что онъ находится въ темницѣ, то приказалъ немедленно освободить его

представишь предъ себя, и на пути еще увѣдомить его обо всемъ произшедшемъ. Бейгамъ какъ скоро вошелъ, то бросился къ ногамъ законнаго своего обладателя, трепещущими устами цѣловалъ его руку, и онъ не обычайнаго восторга едва могъ произносить слова. Успокойся, любезной мой другъ, говорилъ ему Алимъ, несчастія наши миновались, и ты долженъ благодарить въ началѣ боговъ, а по нихъ великодушнаго и храбраго чужестранца Аскалона. Бейгамъ отдавъ ему должную честь, благодарилъ его весьма пристойными словами; а Алимъ въ свою часъ обѣщалъ поставить статую на площади народной избавителю своему и его подданныхъ изъ - подъ ига мерзостнаго обладателя. Однимъ словомъ естьлибы Аскалонъ потребовалъ престола, то Алимъ имѣвъ добродѣтельное и благодарное сердце, конечно бы не отказалъ ему въ семъ требованіи; ибо согласился бы онъ лучше владѣть одною Аскалядою, нежели всею землею пространныя вселенной. Но Аскалонъ наполнялся тогда совсѣмъ противными сему мыслями. Онъ предпріялъ лишить

Алима Асклїяды, то есть, отравить его ядомъ; а если ли послѣ не получитъ отъ нее склонности, то опредѣлилъ умертвить и ее своею рукою.

Въ сіе время объявили имъ, что прибыла волшебница. Они немедленно пошли всѣ въ залу, выключая Асклїяды, которая не хотѣла больше видѣть ненавистнаго того тирана, гдѣ увидѣли волшебницу; она была въ черномъ флеровомъ платьѣ и съ обыкновенными своими признаками. Увидѣвъ Алима перемѣнилась въ лицѣ. Стыдъ, отчаяніе и досада изобразилися на ономъ. Ежелибы не была она прекрасна, то конечно показалася бы фуріею извергшною изъ ада. Благополучный Алимъ, говорила она, несчастливая тобою волшебница желаетъ тебѣ отнынѣ всякаго благоденствія, наслаждайся счастіемъ вмѣстѣ съ моею соперницею; она осталась необъясненною, а я подвержена теперь стыду и отчаянію. Когда же я не получила твоей склонности, то не желаю больше и жить на свѣтѣ. Изъ сихъ словъ отдала она брату своему волшебную трость, зодіакъ, которой надѣлся вмѣсто перевязи, и пла-

лизманъ висящій къ ея груди ; сказавъ сіе : Возми мое могущество ; и будь столько силенъ, сколько была я, но не будь такъ несчастливъ. Потомъ вынула она кинжалъ и проколола свою грудь ; сказавъ послѣднія слова къ Алиму : Прости Алимъ, котораго я больше себя любила въ жизни. Алимъ приказалъ вынести ее тѣло, а волшебника заключить въ темницу до дѣйствительнаго опредѣленія, которое возымѣлся онъ сдѣлать по совѣту народному.

ГЛАВА XIII.

ВЕЧЕРЪ 43.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Во время несчастія прошедшіе благополучные дни всегда пребываютъ въ нашей памяти, и съ превеликимъ сожалѣніемъ всякую минуту мы оные воображаемъ ; а по претерпѣніи великихъ бѣдствій, когда вступаемъ мы въ благополучное пребываніе , то всѣ про-

медшія несчастія какъ дымъ исчезаютъ изъ нашего понятія, и никогда уже не возвращаются въ нашу память. Какъ только появилося солнце на Млаконскихъ небесахъ, то началось во градѣ великое торжество, и вездѣ видны были восходящія благодарственныя къ богамъ жертвы. Алимъ, Аскалада и Аскалонъ были въ Перуновомъ храмѣ, и своими руками приносили богу жертву по обыкновенію тѣхъ жителей, гдѣ Алимъ въ присутствіи всего духовенства и знатныхъ своихъ господъ обручился съ Аскладою, и клялись другъ другу вѣчною вѣрностію. Никто не предвѣщалъ тогда никакого больше препятствія симъ двумъ пылающимъ сердцамъ, а всякой думалъ, что по претерпѣніи ими толикихъ бѣдствій будутъ они вести дни жизни своея весьма благополучно, и никакой уже разлуки послѣдовать имъ не можетъ: но несчастія ихъ еще не кончились, и имъ опредѣлено было увидѣть самое свирѣпое злополучіе.

Аскалонъ съ сихъ поръ сдѣлался задумчивъ и безпокоенъ, и вмѣсто дружества къ Алиму за его всегдашнюю

благодарность и за безпримѣрное угощеніе начиналъ чувствовать неописанную ненависть, и злость его тѣмъ больше возрастала, чѣмъ больше видѣлъ онъ Аскалядино ласканіе къ своему сопернику. Неистовое его сердце тотчасъ согласовалось со звѣрскимъ его разумомъ. Какого права человѣкъ, такія и предпріятія бываютъ по его разсужденію. Случился въ то время на островѣ томъ Индѣецъ, Аскалонъ увѣдомившись о семъ, послалъ за нимъ, и приказалъ привесть къ себѣ, обѣщалъ ему множество сокровищей, и тѣмъ склонилъ, чтобы онъ изготовилъ ядъ, какіе выдуманы въ ихъ государствѣ; но чтобы сей состилъ не менѣе, какъ чрезъ недѣлю начялъ дѣйствовать во употребъ. Индѣецъ весьма въ скорое время состилъ его, или можетъ быть имѣлъ уже онъ и готовой, принесъ къ Аскалону, и сказалъ ему такъ: Когда ты будешь сидѣть за столомъ съ тѣмъ, котораго намѣренъ умертвить, то вынявъ сей состилъ, осторожно намажь онымъ одну сторону своего ножа, разрѣзывай имъ пищу, и подавай ему тѣ части, которыя будутъ отъ стороны

намазанной ядомъ. Симъ способомъ безъ всякаго подозрѣнія останешься ты невредимъ, а непріятель твой умретъ злою смертію. Аскалонъ съ превеликою радостію и съ успѣхомъ произвелъ предпріятіе свое въ дѣйство, и во время вечерняго стола кончилъ свое намѣреніе. Съ этихъ поръ сдѣлался онъ веселъ и показывалъ всѣмъ, что весьма охотно обитаетъ въ ихъ городѣ. Всякой день посѣщалъ онъ Аскаладу безъ запрещенія и безъ всякаго подозрѣнія отъ другихъ: начиналъ онъ нѣкоторыми околичностями открывать ей свою страсть; но впрочемъ та не имѣя ни малой къ тому дороги, совсѣмъ не примѣчала неисповѣдимаго его желанія, и почитала его превеликимъ себѣ другомъ.

Бейгамъ имѣя проницательной разумъ, къ превеликому волненію своего сердца предусмотрѣлъ вторичное паденіе своего Государя: ибо поступки и намѣренія Аскалоновы, которыя хотя и были скрыты, ясно оное показывали. Онъ предпріявъ открыть сомнѣніе свое Государю, но не зналъ, какъ приступить къ оному: ибо вѣдалъ, что Алимъ столь много чувствуетъ дружбы и пре-

данности къ Аскалону, что никогда не согласишся тому повѣрить: однако усердїе Бейгамово къ своему Государю преодолѣло сїю невозможность, и онъ въ нѣкоторое удобное къ тому время выговорилъ Алиму сїе: Великїй Государь! сомнѣнїе мое сочти ты лучше заблужденїемъ моего разума, нежели незнаемою мною къ кому нибудь ненавистїю; въ храбромъ Аскалонѣ почитаемъ мы нашего избавителя и воскресителя почти уже умершаго нашего счастїя. Сомнѣнїя въ томъ нѣтъ, чтобъ мы не почитали его великимъ; мы его признаваемъ и жертвуемъ всѣмъ, что только можетъ составить не изъяснимую нашу благодарность. Онъ человѣкъ добродѣтельной и старающїйся всегда о благополучїи человѣческомъ; но любовь не рѣдко колеблетъ добродѣтель и вручаетъ сердца наши и разумъ негодными пристрастїямъ. Всякой великодушной человѣкъ, утопающїй безпредѣльно въ сей страсти, не чувствуетъ, какъ страдаетъ его честь, забываетъ о тѣхъ людяхъ, которымъ онъ долженъ дѣлать благодѣянїя, не радитъ о собственномъ своемъ благополучїи, и бы-

ваетъ наконецъ незнаемъ никому. Тотъ же прелестной предметъ, передъ которымъ онъ безстыдно воздыхаетъ, пожираетъ его добродѣтель, честь, спокойствіе и имѣніе; ибо она всегда имѣетъ въ памяти то, что онъ ее когда нибудь оставитъ; слѣдовательно сожалѣнія объ немъ никакого не имѣетъ. Сіе, Государь, сказалъ я только для того, чтобы объяснить передъ тобою, сколько любовь имѣетъ власти надъ колеблющимся нашимъ разумомъ. Я примѣчаю въ Асколонѣ неизъясненную страсть къ будущей твоей супругѣ. Всѣ его движенія, внѣшнія и внутреннія чувства ясно показываютъ его желанія; и по тому разсуждаю, что естьли бы онъ былъ человѣкъ добродѣтельной, то дѣйствительно не предпріялъ бы сихъ мыслей. Хотя правда, что сія страсть не по волѣ нашей владѣетъ нами; но мы имѣемъ разумъ, довольное средство ко обузданію оной, и сверьхъ того чрезъ такое короткое время не могла была оной усилиться такъ много въ его сердцѣ, ежелибъ не было на то собственнаго его произволенія; и [illegible] Государь, боги къ намъ еще

не сдѣлались милостивы, и во избавителѣ нашемъ увидимъ мы злѣе первыхъ несчастїе, то что тогда начнемъ, когда погибель наша поразитъ насъ не готовыхъ къ тому.

Алимъ слушая сїи слова находился самъ въ себя: образъ его показывалъ тогда великое удивленїе смѣшенное съ невѣроятїемъ; природное свойство въ немъ не умолкало, и сердце предвѣщало сдѣланную уже ему погибель; но врожденная въ немъ добродѣтель затмѣвала его предвѣщанїе. И такъ, чтобъ не огорчить Бейгама и отвратить напрасное его подозрѣнїе на Аскалона, сказалъ онъ Бейгаму, что будетъ стараться усматривать сїе самъ. Время уже приходило, и данной ему ядъ началъ дѣйствовать во утробѣ, весьма скоро измѣнился онъ въ лицѣ, и потерялъ всѣ свои силы. Почувствовавъ дворъ толикое несчастїе, весь возволновался, и сей нечаянной припадокъ своего Государя не знали чему приписать; а о данной ему отравѣ никто не вѣдалъ. Первое приложено было стараніе укрывать отъ народа болѣзнь Алимову, ибо въ ономъ тотчасъ бы начались отчаянные вопли.

Жрецы тайно приносили жертвы о здравіи своего Государя, и старалися умилостивить разгнѣванныхъ на нихъ боговъ. Сіе прошеніе ихъ услышано было вскорѣ; ибо когда врачи дѣлали совѣтъ о болѣзни Алимовой, то нѣкто изъ оныхъ мужъ весьма старый, который ѣздилъ нѣкогда въ Египетъ для окончанія своей науки, усмотрѣлъ, что Государь отравленъ былъ ядомъ, извѣстнымъ щому врачу уже издавна: того ради предложилъ онъ всему собранію своихъ товарищей и такжде Двору, что онъ одинъ будетъ имѣть стараніе о излеченіи Алимовомъ, и съ помощію боговъ надѣется учинить его здравымъ. Вѣдая всѣ великое его искусство въ Медицинѣ, и зная притомъ, что онъ довольно показалъ не вѣроятныхъ въ оной опытовъ, безъ всякаго сомнѣнія отдали Государя въ собственное его пользованіе. Онъ ни мало не мѣшкая составилъ другой ядъ совсѣмъ противной тому, которой данъ былъ Алиму, и склонилъ Государя принять немедленно оной. Какъ скоро Алимъ принялъ, то въ одну минуту увидѣли его мертваго. Члены его оледенѣли, и лице покрылось

мертвою синевою, одно только весьма слабое дыханіе въ немъ осталось. Страхъ и отчаяніе вселилися въ сердца окружающихъ его бояръ, и они не инаковымъ его почитали, какъ съ которымъ должны были проститься на вѣки; но врачь твердымъ голосомъ и спокойнымъ видомъ обнадеживалъ ихъ въ семъ отчаяніи, и уговаривалъ, чтобы они ни мало не страшились. Боги помощники намъ, примолвилъ онъ, въ которыхъ я твердо увѣренъ, что по претерпѣніи нами толикихъ бѣдствій начинаютъ они быть къ намъ милостивы. Цѣлые сутки находился Алимъ на смертномъ одрѣ; наконецъ началъ имѣть движеніе, и вскорѣ получилъ прежнія свои чувства къ неописанной радости его подданныхъ и къ великой славѣ искуснаго врача, которой однако не хотѣлъ никому открыть сего, что Государь ихъ былъ отравленъ ядомъ, и даже, что и самому ему не хотѣлъ открыть онаго, и казалось ему столь сіе страшнымъ, что безъ великаго трепета не можетъ онъ и вообразить онаго.

ГЛАВА XIV.

ВЕЧЕРЪ 44.

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Во все несчастливое къ Алиму время Аскалонъ находился безвыходно у Аскліады; ибо онъ думалъ, что скоро услышитъ о смерти своего соперника, и для того не опасаясь ни мало, начиналъ уже дѣлать ей нѣкоторыя любовныя изъясненія. О болѣзни же Алимовой Аскліада совсѣмъ была неизвѣстна, потому что старалися какъ возможно скрывать онъ нее оную; слѣдовательно она не имѣла причины и печалишься объ оной. Неистовой Аскалонъ радуяся весьма погибели Алимовой и имѣвъ для того весьма спокойныя мысли, предпріялъ употребить всѣ хитрости и лукавства противъ невинной Аскліады. Онъ прежде всего старался узнать всю ея горячность къ Алиму и послѣ искать способовъ ко истребленію въ ней оной страсти. Предпріятіе было весьма не основательное и достойное всякаго презрѣнія; но Аскалонъ положилъ завѣсу на

лице свое и на сердце, которую ни стыдъ, ни благопристойность проникнуть не могли, опредѣлилъ себя неистовству и сраму на жертву. Прекрасная Асклїада! говорилъ онъ ей избравъ къ тому удобное время, сколько благополученъ тотъ человѣкъ, которой обладаетъ твоимъ сердцемъ, и его счастїе мнѣ кажется несравненно ни съ чьимъ на свѣтѣ. Естьли же онъ того достоинъ, то имѣй къ нему сїю горячность, которую ты имѣешь; предпочитай его мнѣ, или лучше, і ему свѣту, полагай въ немъ все твое счастїе, естьли онъ тебя не обманитъ, веселись клятвами его, когда онѣ происходятъ не отъ притворства, до тѣхъ самыхъ поръ, покамѣстъ твоя судьба покажетъ тебѣ весь его обманъ и коварство. Прежде объясненїя всѣхъ его къ тебѣ притворныхъ ласкательствъ объявляю тебѣ прекрасная, что я съ того часа, какъ въ первой разъ тебя увидѣлъ, неизъяснимо тобою страдаю; прелести твои вошли глубоко въ мое сердце, и господствуютъ душею моею и моимъ понятїемъ: но не подумай, чтобы сїя страсть была тому причиною, что я вознамѣ-

рился передъ тобою обнести Алима; онъ мой другъ и останется онымъ вѣчно, естьли перемѣнитъ негодныя свои пристрастія, мое добродѣтельное сердце не можетъ терпѣть ни одного порока и никогда съ нимъ не сообщается; я единственно изъ сожалѣнія къ тебѣ описываю звѣрское его намѣреніе, и объясняю тебѣ, что онъ недостоинъ любви твоей и дружбы. Онъ по дружеству открывался мнѣ нѣкогда, что чувствуетъ великую горячность къ нѣкоторой здѣсь благородной дѣвицѣ; а о тебѣ сказалъ онъ съ усмѣшкою, что и слышать не хочетъ; снизхожденія же дѣлаетъ тебѣ единственно только въ угодность народную, При семъ словѣ вошелъ къ нимъ Алимъ; сколько ни смутился симъ видѣніемъ Аскалонъ, однако умѣлъ скрыть свое неистовство, и показывалъ весьма осторожно, что онъ очень радуется выздоровленію Алимову; но въ самомъ дѣлѣ готовъ былъ тутъ же мертваго положить его передъ собою; а Асклїада осталась въ томъ же удивленіи, въ которомъ она находилась слушая слова Аскалоновы, и для того весьма смутно отвѣчала на извиненія

Алимовы, которыя онъ дѣлалъ въ томъ, что цѣлыя сутки не посѣщалъ ее.

Алимъ находяся въ восхищенїи, что освободился отъ смерти, ни мало не примѣчалъ не стройнаго шеченїя ея мыслей; но прозорливой Бейгамъ не упустилъ безъ изслѣдованїя умомъ сей шайности; чего ради предложилъ Государю о ожидаемомъ ими бракѣ. Алимъ имѣя самъ къ тому нестерпимое желанїе, просилъ на сїе позволенїя у Асклїады, и когда получилъ оное, то приказалъ Бейгаму объявить при Дворѣ и въ городѣ о прїуготовленїи къ тому, а самъ почелъ за должность посовѣтовать съ Аскалономъ и съ другими людьми о томъ, что уготовить приличное къ великому сему торжествованїю, и когда было все уложено, то началось прїуготовленїе въ Ладиномъ храмѣ; при Дворѣ и во всемъ городѣ, всякой услышавъ сїе былъ въ превеликой радости, и старался показать себя великолѣпнымъ. Храмъ украшали фестонами и всякими различными цвѣтами; жертвенникъ тотъ, къ которому должны были приступить сочетающїеся бракомъ, обставливали розами и лилеями:

одинмъ словомъ, весьма въ коротkое время вездѣ и все было изготовлено; ибо пріуготовляли сіе торжество усердіе и любовь къ Государю. Наканунѣ брачнаго дня уготованъ былъ мостъ отъ дворца до храма, которой усланъ былъ зеленымъ бархатомъ съ золотою бахрамою; по сторонамъ онаго поставлены были пѣедесталы обвѣшенные фестонами, а на нихъ золотыя превеличайшія чаши со всякимъ благовоннымъ куреніемъ; въ вечеру подвезли къ крыльцу двѣ колесницы, ибо тамъ было такое обыкновеніе, убранныя разнаго цвѣта каменьями; бахрама и кисти на оныхъ сдѣланы были изъ такихъ же блистательныхъ и мѣлкихъ каменьевъ. Надъ тою, въ которой должно было ѣхать Аскліадѣ, сдѣланъ былъ купидонъ держащій миртовой вѣнокъ, а надъ Алимовою видѣнъ былъ Гименъ со своимъ покрываломъ, также и другія различныя украшенія, принадлежащія къ побѣдѣ и къ брачному сочетанію.

Весь городъ находился въ превеликой радости, и ожидали наступающаго дня съ ужаснымъ нетерпѣніемъ; но неистовой Аскалонъ дышалъ тогда зло-

бою и ненавистїю на невинныхъ любовниковъ, и такъ какъ самой люшой звѣрь искалъ всякую минуту разрушить ихъ счастїе. Онъ зналъ, что завтрешній день долженъ будешъ растаться съ Асклїадою на вѣки, и для того положилъ непремѣнно или исполнить свое неистовое желанїе, или умертвить ее своими руками. Весь вечеръ выдумывалъ способы къ произведенїю намѣренїя своего въ дѣйство, наконецъ призвавъ къ себѣ надзирательницу Асклїадину, склонялъ ее на свою сторону, обѣщавая множество ей за сїе сокровища; но когда увидѣлъ, что была она непоколебима въ своей вѣрности, то взявъ кинжалъ, поставилъ ей противъ грудей, и говорилъ: въ сїю минуту извлеку изъ шебя душу и положу шебя мертвою передъ моими ногами, естьли ты не исполнишь моего намѣренїя, и знай, что ежели и обѣщавши измѣнишь, то и тогда отъ ярости моей не укроешься: ты вѣдаешь, что я имѣю средство обратить все ваше государство въ камень, а шебя послать на вѣчное мученїе; знаешь и то, что волшебники, волшебницы и всѣ адскїе духи мнѣ под-

власшны, и исполняютъ повелѣнїя мои со трепешомъ ; поди, продолжалъ онъ, въ спальню къ Асклїадѣ, выпли всѣхъ, которыя тамъ находящся, а сама оставшись съ нею одна, не запирай дверей, и ожидай вскорѣ моего шуда прихода. Устрашенная надзирательница все по сго приказу исполнила, и онъ наполнившись яросшїю и отчаянїемъ немедлѣнно пришелъ въ спальню къ Асклїадѣ, которая уже шогда опочивала, бросился на колѣни передъ кровашью, взявъ за руку и разбудивъ ее, говорилъ сїе : прекрасная Асклїада, шы видишь передъ собою страспнаго любовника, которой желаетъ въ сей часъ ко всему удобной или насышпиться швоими прелесшями или умереть передъ шобою, и я никакъ нь могу снесши разлуки моей съ шобою. Смущенная и устрашенная Асклїада кликала своихъ прислужницъ ; но какъ услышала, что никшо не отдаешъ ей голоса, шо начала кричашь весьма громко ; Аскалонъ спарался ее уговоришь, наконецъ узналъ, что спараній его напрасны , и что онъ будешъ обруганъ всѣми; чего ради выхвапилъ въ яросши кинжалъ, которымъ ударилъ въ прекрас-

ную грудь невинную Аскліаду, чѣмъ прервалъ голосъ ея и дыханіе, и такъ скончалася сія невинная дѣвица отъ руки безбожнаго тирана и ненасытимаго варвара, которой весьма поспѣшно утелъ отъ нее въ свои покои, гдѣ препроводилъ всю ночь въ злыхъ и неистовыхъ воображеніяхъ.

Мрачная ночь опускалася уже въ море, и потопляла вмѣстѣ съ собою счастіе и торжество Млаконское. Плачевной день восходилъ на небо, и вмѣсто радостей выносилъ плачь и рыданіе гражданамъ, но никто сего еще не предвидѣлъ. Алимъ вставши съ постели ни о чемъ больше не помышлялъ, какъ о начинающемся торжествѣ и о платьѣ къ оному приличномъ. Жрецы при всходѣ солнечномъ принесли великую жертву Свѣтовиду, такъ какъ Богу свѣта, чтобъ сей радостной день былъ къ нимъ благосклоненъ, послѣ наполняли Ладинъ храмъ различными куреніями, и одѣвали всѣ кумиры багряными епанчами, какъ обыкновенно бывало у нихъ во время браковъ. Знатные господа помышляли о поставленіи по дорогѣ

войска и другихъ къ тому потребныхъ людей; простые граждане украшали себя богатыми одеждами, наполнялись великою радостію, и готовились увидѣть великое торжествованіе. Поворъ наполнился весь дворъ различными и великолѣпными колесницами, а княжескіе покои знатными боярами обоего пола, которые имѣли почтеніе и усердіе къ своему Государю, и чтобы показать, что имъ торжество сіе весьма пріятно, пріѣхали ранѣе обыкновеннаго времени.

ГЛАВА. XI.

ВЕЧЕРЪ 45

Продолженіе повѣсти объ Аскалонѣ.

Алимъ хотѣлъ уже выйти въ собраніе, какъ вдругъ Бейгамъ взбѣжалъ къ нему весьма поспѣшно, облившись слезами палъ предъ нимъ на колѣни, и отъ превеликой горести едва могъ про-

изнести сїи слова: Великїй государь! не стало твоей пречестной супруги, а нашей Государыни. Алимъ услышавъ сїи слова покашился со стула, и потерялъ всѣ чувства. Сдѣлалось отъ сего ужасное смятенїе при Дворѣ, и хотя старалися скрыть сїе отъ народа, но въ одну минуту и тотъ извѣстился объ ономъ, и какое произошло тогда волненїе, то никто описать сего подробно не можетъ; раззоренїе града, или плѣненїе цѣлаго народа столько бы слезъ и рыданїя произвести не могло, всякой въ отчаянїи хотѣлъ отмщевать, но не вѣдали кому, бѣгали всѣ, искали убїйцу, но онъ сокрытъ былъ отъ нашего понятїя. Врачи и нѣкоторые еще остались помогать безчувственному Алиму, а другїе пошли смотрѣть плачевнаго позорища. Асклїада лежала на постели размѣтавши руки, и въ груди ея вонзенный кинжалъ оросенъ былъ весь ея кровїю, какого еще плачевнѣе сего позорища всякому ожидать было должно. Служащїя ей, которыя не смѣли объявить Государю прежде Бейгама, били себя въ груди, рвали на себѣ волосы, и столь отчаянно были, что я думаю,

привелибъ въ сожалѣнїе и неистоваго того варвара, которой умертвилъ ее такъ безчеловѣчно, но его тутъ не было, и онъ притворился, будто бы былъ въ превеликой отъ того болѣзни. Всякой возвращался домой, и вмѣсто свѣтлой одежды надѣвалъ черную, которую оплакавъ довольно прїѣзжалъ во дворецъ; торжественныя колесницы покрывши чернымъ сукномъ повезли къ Ладину храму, которой уже затворили жрецы и не хотѣли приносить ей жертвы; ибо думали, что въ сей несчастной день опровержено будетъ все ихъ владѣнїе, опустошатся храмы и разорятся всѣ освященныя мѣста.

Наконецъ всѣ опредѣлили какъ возможно стараться не пускать Алима смотрѣть мертвое тѣло Асклїады, чтобъ тѣмъ не лишиться имъ и своего Государя. Предпрїятїе сїе удалося имъ съ успѣхомъ исполнить, и они употребляя всякїе обманы, цѣлые два дни не допускали Алима къ Асклїадиному тѣлу, которое въ то время оплакивали граждане всякаго состоянїя, а особливо усердныя женщины. На третїй день вру-

чено было Бейгаму письмо слѣдующаго содержанія:

„Заключенной и забытой всѣми „волшебникъ добродѣтельному Бейгаму „желаетъ здравія.

„Я извѣстенъ обо всемъ смятеніи „произшедшемъ въ вашемъ государствѣ, „и весьма много о томъ сожалѣю; впро„чемъ ты знаешь силу мою и власть; „но получивъ еще оной отъ сестры мо„ей, усугубилось мое могущество; ве„ли освободить меня и представить „передъ себя; я дамъ тебѣ совѣты, „которыми ты можешъ быть облег„чить печаль твоего Государя.

Бейгамъ прочитавъ оное ни мало не медля велѣлъ освободить его и почелъ дѣйствительно за нужное попросить его совѣта въ семъ отчаяніи народномъ. Волшебникъ пришедъ передъ него, говорилъ ему слѣдующее: Естьли ты обѣщаешься мнѣ похитить волшебной камень у Аскалона, и вручить его мнѣ, не къ поврежденію смертнаго рода; а я отнесу его въ наше собраніе и положу въ то мѣсто, гдѣ оные хранятся, а именно: на престолѣ Чернобоговомъ; въ чемъ кленусь тебѣ симъ

богомъ, волшебнымъ камнемъ и всемъ адомъ, что я сїе конечно исполню; печаль вашу и великое сїе отчаянїе премѣню я въ радость такого же великаго рода, каковы болѣзнь ваша и сѣтованїе. Бейгамъ передъ домашними богами велѣлъ ему учинить вторично данную имъ клятву; и обѣщался прозбу его исполнить. Не медля пошелъ къ Аскалону, и нашелъ его въ превеликомъ безпорядкѣ; можетъ быть дѣйствовали въ немъ стыдъ, раскаянїе и сожалѣнїе; сїи страсти вкореняются иногда и въ варварскїя сердца. Бейгамъ нашелъ тализманъ его на столѣ и къ нему присоединенной камень, которой онъ весьма осторожно отвязалъ и имѣлъ уже при себѣ, постаравшись нѣсколько воздержать его отъ печали, которую онъ по видимому нѣсколько чувствовалъ, растался съ нимъ, и унесъ неоцѣненную для себя добычу, прїѣхавши домой вручилъ оную волшебнику, которой взявъ камень простился съ нимъ на нѣсколько времени; ибо онъ говорилъ, что ни одной минуты не можетъ удержать у себя божественнаго того залога; и сверьхъ того, сказалъ онъ, что надобно ему

запастись нѣкоторыми вещами, которыми онъ будетъ служить Алиму и всѣмъ его подданнымъ.

Бейгамъ распавшися съ нимъ, и будучи еще не весьма много обнадеженъ, пошелъ немедлѣнно къ Государю, и со всѣми тамъ бывшими старался весьма прилѣжно какъ о исцѣленіи его печали, такъ о здравіи и о порядочномъ теченіи его мыслей; ничто не могло возвратить потерянныя его чувства, и облегчить хотя на минуту его печаль: ибо Асклїада не отступно обитала въ его воображеніяхъ; представлялися ему весьма живо всѣ тѣ пріятности, которыя она въ себѣ имѣла. Любовь не давала ему покоя, и разрывала страстное его сердце на части, и онъ бы конечно въ скоромъ времени сошелъ за нею во гробъ, ежели бы не то средство, которое употребилъ волшебникъ къ его избавленію, и оно было такое, что никто ни предвѣщать, ни видѣть, ниже вообразить не могъ. Какъ скоро появился онъ въ домѣ Бейгама, то приказалъ тотчасъ призвать его изъ дворца, и пришедшему говорилъ слѣдующее: Боги къ вамъ милостивы, и вы хотя и не-

годовали на ихъ опредѣленїе, но они совершили все въ вашу пользу; по чему узнаете, что судьбы ихъ неисповѣдимы. Изъ чаши сей, которую онъ держалъ въ рукахъ и показывалъ Бейгаму, наполненной горестию и ядомъ, завтра при восхожденїи солнечномъ вкусите вы сладость, которую боги по особливой своей благосклонности изливаютъ народу: она дана мнѣ изъ рукъ великаго Чернобога, и я нынѣ посланъ отъ него избавителемъ, и во мнѣ увидите вы неизъяснимое ваше благополучїе. Поди къ Алиму, продолжалъ онъ, и увѣдомивъ его обо всемъ, вели сдѣлать приказъ, чтобъ завтра поутру съѣзжалися ко Двору всѣ господа обоего пола въ свѣтлыхъ и торжественныхъ одеждахъ; также, чтобъ и простой народъ онымъ слѣдуя собирался къ Княжескому двору; чтобъ жрецы отворили всѣ храмы, и готовы были приносить благодарственныя и великїя милостивымъ къ вамъ богамъ жертвы, чтобъ воинство собравшись ожидало повелѣнїя къ радостнымъ восклицанїямъ; а меня оставь до утра въ уединенїи, и не дерзай войти ко мнѣ, а больше всего усумнишься въ

моихъ повелѣніяхъ, естьли не хочешь быть подверженъ жестокому гнѣву боговъ; и такъ разстался онъ съ Бейгамомъ, которой весьма усумнясь слѣдовалъ къ Государю; но сердце его трепешало отъ нѣкоторой совсѣмъ невообразимой имъ радости; пришедъ къ Алиму объяснилъ онъ ему все. Государь услышавъ сіе, какъ будто бы отъ крѣпкаго сна возбудился; ибо человѣкъ провождая плачевной вѣкъ, и изъ отчаянія надежду извлекаетъ, или можетъ быть произволеніе боговъ дѣйствовало въ то время страдающимъ его сердцемъ. Въ одну минуту приказалъ онъ вездѣ разгласить повелѣніе волшебниково, и быть всѣмъ завтра къ Двору въ торжественныхъ одеждахъ. По полученіи сего приказа народъ весьма усумнѣлся, и не зналъ какъ растолковать такой поступокъ своего Государя; всякой съ нетерпѣніемъ ожидалъ утра, или лучше не извѣстныя и не ожидаемыя никѣмъ такой судьбины, которой въ естествѣ никогда сбыться не случалось.

Многіе граждане и можетъ быть весь городъ препроводили ночь безъ

различныя воображенїя не давали имъ успокоить своихъ мыслей. Наконецъ насталъ не извѣстныя судьбины день; всѣ княжескїе покои и весь его дворъ наполнилися народомъ; всякой стоялъ имѣя смущенныя мысли, и ожидалъ неизвѣстнаго; потомъ вышелъ въ собранїе и Алимъ, какъ было приказано отъ волшебника въ свѣтлой одеждѣ и со всѣми знаками приличными Государю.

Сей вечеръ кончилъ я такимъ образомъ; ибо наступило уже время, въ которое должны мы были успокоиться. По утру товарищъ мой употребилъ вторичную прозьбу къ Аленонѣ, чтобы позволила она ему опять оказать свое краснорѣчїе нѣсколько вечеровъ, а мнѣ бы тѣмъ временемъ успокоиться, и собравъ новыя воображенїя важнѣе кончить Алимовы похожденїя. Впрочемъ я симъ доволенъ не былъ, что онъ перерывалъ у меня всегда на важныхъ мѣстахъ исторїи: и такъ Аленона, чтобъ успокоить меня, сказала, когда я кончу Силославово похожденїе, то тогда безперерывно будутъ слушать у меня всякую исторїю. Въ слѣдующїй же вечеръ начался товарищъ мой разсказывать такимъ образомъ:

ГЛАВА XVI.

ВЕЧЕРЪ 46.

Сказка о рожденіи тавтяной мушки.

Я весьма негодую на всѣхъ ученыхъ людей, и иногда дохожу до того, что почитаю ихъ неучтивыми прошивъ нѣжнаго женскаго пола; они писали о началѣ свѣта, писали о началѣ людей и языковъ, о произхожденіи имперій и царствъ; но я бы спросилъ ихъ, для чего они упражнялись въ толь не нужномъ для щегольскаго общества дѣлѣ, и не писали того, въ чемъ нынѣ почти всѣмъ намъ превеликая нужда. Надобно ли напримѣръ щеголихѣ знать, что Массагетяне и Скивы убивали своихъ отцовъ, и сваривъ ихъ ѣли съ великимъ пированіемъ; она не только что не пожелаетъ имѣть о томъ свѣденія; но и одно воображеніе толь варварскаго обыкновенія приключитъ ей обморокъ, отъ котораго никакой врачь исцѣлить ее не можетъ. И такъ по етому видно, что господа разумные люди напрасно

гами былъ гораздо не богатъ. Природа награждаетъ людей разными талантами; однимъ кладетъ она въ сундуки множество денегъ, а въ то мѣсто, гдѣ долженъ лежать разумъ, Арабскую цыфру о; другимъ кладетъ въ голову множество разума, а въ карманъ денегъ ни копѣйки. И такъ Неохъ былъ изъ того числа людей, у которыхъ карманы всякой день бываютъ пусты; онъ часто хаживалъ въ гости, и во всякую бесѣду приходилъ всегда первой, а къ себѣ никого не зывалъ для того, что потчивать ему было нѣчемъ; не застѣнчивые люди много разъ ему за то выговаривали, однако онъ всегда извинялся шутками приличными студенской ошватѣ.

Въ такомъ худомъ и безденежномъ состояніи препроводилъ онъ цѣлые двадцать три года, и въ это время научился довольно исправно. Наукамъ его ни роскошь, ни любовь препятствія не дѣлали, которыя не рѣдко или насъ много научаютъ, или и послѣднее понятіе отнимаютъ; а онъ не видалъ ни того, ни другаго: слѣдовательно одна только Пенія присутствовала въ его сердцѣ, лучшая изъ всѣхъ пріятельница Ми-

нервѣ. На двадцать четвертомъ году его возраста, не знаю, какое то проворное божество шепнуло въ ухо Неоховой тешкѣ, которая жила въ другомъ городѣ, чтобъ ссудила она племянника своего нѣкоторою суммою денегъ, что она и исполнила. Когда принесли къ Неоху деньги и стали ему отдавать, то онъ чуть не упалъ въ обморокъ, насилу могъ опомниться съ радости и не много не получилъ горячки; такъ то деньги милы тому, кто отъ роду не имѣлъ ихъ въ своемъ карманѣ. Сдѣлавшись полнымъ надъ ними господиномъ, хотѣлъ онъ употребить ихъ въ свою пользу, и предпріялъ узнать, сколько изо всего Университета сыщется ему пріятелей, а о друзьяхъ уже онъ и не думалъ: ибо въ нынѣшнемъ вѣкѣ дружелюбное мастерство давно крапивой заросло. Желая же предпріятіе свое расположить по своему соизволенію, нанялъ онъ нарочно для того домъ и трактирщика, чтобъ довольствовать его и пріятелей его цѣлыя сутки.

Всякъ вѣдалъ, что Неохъ знаменитъ былъ бѣдностію въ городѣ, не уступалъ въ томъ самому послѣднему гражданину,

гами былъ гораздо не богатъ. Природа награждаетъ людей разными талантами; однимъ кладетъ она въ сундуки множество денегъ, а въ то мѣсто, гдѣ долженъ лежать разумъ, Арабскую цыфру о; другимъ кладетъ въ голову множество разума, а въ карманъ денегъ ни копѣйки. И такъ Неохъ былъ изъ того числа людей, у которыхъ карманы всякой день бываютъ пусты; онъ часто хаживалъ въ гости, и во всякую бесѣду приходилъ всегда первой, а къ себѣ никого не зывалъ для того, что потчивать ему было нѣчемъ; не заспѣничивые люди много разъ ему за то выговаривали, однако онъ всегда извинялся шутками приличными студенской братіи.

Въ такомъ худомъ и безденежномъ состояніи препроводилъ онъ цѣлые двадцать три года, и въ это время научился довольно исправно. Наукамъ его ни роскошь, ни любовь препятствія не дѣлали, которыя не рѣдко или насъ много научаютъ, или и послѣднее понятіе отнимаютъ; а онъ не видалъ ни того, ни другаго: слѣдовательно одна только Пенія присутствовала въ его сердцѣ, лучшая изъ всѣхъ пріятельница Ми-

нервѣ. На двадцать четвертомъ году его возраста, не знаю, какое то проворное божество шепнуло въ ухо Неоховой тещѣ, которая жила въ другомъ городѣ, чтобъ ссудила она племянника своего нѣкоторою суммою денегъ, что она и исполнила. Когда принесли къ Неоху деньги и стали ему отдавать, то онъ чуть не упалъ въ обморокъ, насилу могъ опомниться съ радости и не много не получилъ горячки; такъ то деньги милы тому, кто отъ роду не имѣлъ ихъ въ своемъ карманѣ. Сдѣлавшись полнымъ надъ ними господиномъ, хотѣлъ онъ употребить ихъ въ свою пользу, и предпріялъ узнать, сколько изо всего Университета сыщется ему пріятелей, а о друзьяхъ уже онъ и не думалъ: ибо въ нынѣшнемъ вѣкѣ дружелюбное мастерство давно крапивой заросло. Желая же предпріятіе свое расположить по своему соизволенію, нанялъ онъ нарочно для того домъ и трактирщика, чтобъ довольствовать его и пріятелей его цѣлыя сутки.

Всякъ вѣдалъ, что Неохъ знаменитъ былъ бѣдностію въ городѣ, не уступалъ въ томъ самому послѣднему гражданину,

и могъ назваться правильно пресвѣдущій герой съ котомкою, и для того, какъ онъ думалъ, не пойдетъ ни одинъ человѣкъ къ нему въ гости. Онъ написалъ реестръ, въ которомъ не менѣе, какъ двацать пять человѣкъ начилъ помянно; и такъ съ такою родословною пошелъ къ первому и просилъ его завтрешній день къ себѣ откушать, притомъ показалъ тотъ реестръ, и сказывалъ, что всѣхъ этихъ людей намѣренъ онъ пригласить къ своему столу, чтобъ возблагодарить ихъ за старую хлѣбъ соль. Званой имъ гость захохоталъ, и снявши колпакъ кланялся Неоху, благодаря за его одолженіе, и притомъ просилъ, что не изволитъ ли Неохъ завтрешній день у него откушать, хотя у меня и не будетъ такого великолѣпія, говорилъ онъ смѣяся, какъ за вашимъ столомъ; однако я думаю, что вы за ето не потиваетесь, мое дѣло не богатое, такъ надобно жить на свѣтѣ сколько нибудь поскромнѣе; и такъ посмѣявшись надъ нимъ и надъ его столомъ отпустилъ его отъ себя съ честію и съ любвію. Неохъ оставивъ его домъ пошелъ къ

другому, и идучи разсуждалъ самъ въ себѣ, что удобнѣе на днѣ рѣки погруженному желѣзу всплыть на верьхъ воды, нежели бѣдному человѣку сдѣлаться вдругъ богатымъ. Званой имъ гостъ можетъ быть подумалъ, что Неохъ дѣлаетъ надъ нимъ какую нибудь шутку, которыхъ уже много они онъ него видали; и такъ въ уплату прежняго Неохова одолженія посмѣялся онъ и надъ нимъ нѣсколько: „Каково кликнется, „таково и откликнется. Пришедши къ другому, почь вночь такой же получилъ отказъ; и такъ далѣе изъ дваццати пяти человѣкъ обѣщали поспѣшить его домъ только четверо, и то такіе, которые были одного шисненія съ Неохомъ, и жили съ нимъ побрашски; ночью были всѣ раздѣпы, а днемъ всѣ пятеро одѣвались въ два поношеные кафшана, которые служили имъ по жеребью.

Пришедши домой не углубился онъ въ философію, и не спалъ разсуждать о ложныхъ пріятеляхъ, а впустился въ горячее вино, и напянулся его столь исправно, что едва едва узналъ свою постелю, легъ на нее и съ превеликимъ удовольствіемъ заснулъ. Что грезится

ему во снѣ, того я не вѣдаю, а только это знаю, что онъ уснулъ столько сладко, что проспитъ до самыхъ шѣхъ поръ, покамѣстъ начну я разсказывать второй вечеръ веселаго его похожденія; а теперь въ угодность моему Герою отправимся и мы на свои посшели, чтобъ не разбудить и не потревожить его нашими разсказами.

ГЛАВА XVII.

ВЕЧЕРЪ 47.

Продолженіе сказки о рожденіи тавтяной мушки.

Тогда уже разсвѣло, когда Неохъ проснулся. Онъ призвалъ къ себѣ трактирщика, и приказалъ готовить ему вечерній столъ, ибо вознамѣрился гостей своихъ потчивать совсѣмъ новымъ манеромъ: приказалъ пригласить музыкантовъ, и также другихъ людей къ тому принадлежащихъ, и словомъ, все что, что надобно ему дѣлать. Потомъ обвязалъ голову свою платками и на-

дѣлъ сверьху теплой колпакъ, надѣлъ тулубъ и епанчу, которое все купилъ на присланныя отъ шешки денги, легъ въ постелю и дожидался въ оной гостей по обыкновенїю приказныхъ служишелей, которые не рѣдко принимаютъ такъ челобитчиковъ. Дѣло уже подходило къ обѣду, Неохъ увидѣлъ у себя въ комнатѣ пять человѣкъ, которые были не послѣдняго званїя въ городѣ. Онъ съ великимъ восхищенїемъ поворачиваясь на постелѣ, просилъ ихъ, чтобы они сѣли; вскорѣ потомъ и съ излишкомъ наполнилась его комната; вчера обѣщали только четверо, а теперь человѣкъ и до пятнацати уже набралось. Нѣкоторые изъ нихъ пришли прямо пообѣдать, по тому что желудки ихъ были опорожнены; а въ другомъ мѣстѣ можетъ быть нужды не имѣли запастись столовою провизїею; а другїе пожаловали согласясь посмѣяться надъ хозяиномъ; знали они, что онъ бѣденъ, слѣдовательно думали, что ему нѣчемъ ихъ попотчивать; а о присланныхъ отъ шки деньгахъ были не извѣстны.

Неохъ вопервыхъ началъ передъ ними извинашься, что въ вечеру сдѣлался

ему жестокой припадокъ, и такъ принималъ онъ по утру лекарство, которое привело его въ превеликую слабость и не позволяетъ встать съ постели; просилъ онъ, чтобъ гости его сѣли, и когда находились уже всѣ по мѣстамъ, то вмѣсто того, чтобъ приказать поднесши имъ по чаркѣ водки, какъ обыкновенно бываетъ передъ обѣдомъ, надулъ онъ философическіе органы, и началъ предлагать имъ новую систему о свѣтѣ. Все голодное собраніе не заспѣвчивымъ образомъ докладывало ему, что такія безконечныя задачи предлагаются послѣ обѣда, и что когда желудокъ въ хорошемъ здоровьѣ, иногда и разумъ бываетъ понятнѣе. Неохъ вздохнулъ чрезвычайно немоглымъ образомъ, и говорилъ имъ такъ: Государи мои, видя меня въ такой слабости и почти уже при послѣднемъ издыханіи, удовольствуйте нѣсколько мое желаніе; вы мнѣ всѣ пріятели, а у пріятелей легко все выпросить можно; помните ли, одинъ премудрый человѣкъ сказалъ, что вино помрачаетъ разумъ, а у меня за столомъ его будетъ весьма довольно, и такъ набравшись его, не такъ уже бу-

дете вы здраво разсуждать о свѣтѣ. Гости хотя и голодны были такъ какъ волки, однако захотѣли быть учтивы. Чтобъ не потревожить больнаго, слушали мнѣніе его часа съ три, только увидѣли изъ его разсужденій, что система его и до завтрешняго дня не умолкнетъ; и такъ большая половина вставши и поблагодаря хозяина за хлѣбъ и за соль, пошли искать обѣда гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, только не въ такомъ, гдѣ вмѣсто онаго предлагаютъ о свѣтѣ.

Ето былъ четвертой часъ по полудни, Неохъ оставшимся у него гостямъ приказалъ подносить по чаркѣ водки съ нѣкоторою весьма малаго рода закускою, которая, чтобы не уполяла ихъ голодъ, но больше бы приводила оной въ совершенство, и началъ съ новыми силами продолжать мнѣніе свое о свѣтѣ. Ето правда, онъ говорилъ очень красно и замысловато, и когдабъ гости его покушали, то не поскучали бы слушать и цѣлые три дни. Солнце уже прищурилось и уснуло, мрачная ночь покрыла небо черною своею епанчею, можетъ быть сытые и роскошные граждане по-

лѣ ужины начинали уже и дремать, а гости Неоховы еще и не обѣдали; однако онъ не переставалъ разказывать, а обѣдъ продолжалъ скрываться; дурная тутъ надежда покушать, гдѣ во всемъ домѣ ни одного куска хлѣба не видишь. И такъ еще нѣсколько человѣкъ положивъ шляпы подъ мышки, встав со стульевъ и поблагодаря учтивымъ образомъ хозяина за его угощеніе, пошли не обѣдавъ искать ужины. Тутъ остались только четверо тѣ, которые обѣщались пришти къ нему обѣдать; они говорили Неоху, такъ ты братъ, столько же богатъ, какъ былъ и прежде и потчиваешь гостей своихъ по старому своему обыкновенію? Однако что жъ дѣлать, мы не винимъ тебя твоею бѣдностію, но крайней мѣрѣ вели намъ дать хоть хлѣба съ водою: новая твоя система о свѣтѣ насыщаетъ нашъ разумъ, а желудокъ безъ пищи не соглашается больше слушать твои изъясненія.

Неохъ спрыгнулъ тотчасъ съ постели, сбросилъ въ одну минуту съ себя все больное платье, и надѣлъ здоровое, которое стоило хорошихъ денегъ. Смотрите на меня, говорилъ онъ своимъ гостямъ,

ятелямъ, и узнайте теперь, въ какомъ я состоянїи; потомъ отворилъ боковыя двери, гости увидѣли въ другомъ покоѣ накрытой столъ, совсѣмъ не приличной бѣдному человѣку. Неохъ сдѣлавшись хозяиномъ, просилъ ихъ весьма учтиво за столъ. Какъ скоро сѣли они за оной, то столько же числомъ вышло къ нимъ напудренныхъ госпожъ, которыя тотчасъ обошлись съ ними ласково, и также сѣли вмѣстѣ. Сдѣлалось за этимъ пріятельскимъ столомъ людей мужескаго и женскаго пола дважды по пяти, и такъ десять особъ. Всѣ онѣ веселились другъ передъ другомъ лучше и задачнѣе. Неохъ потчивалъ гостей весьма усердно, однако себя приномъ больше всѣхъ. Онъ зналъ очень хорошо Гуское обыкновенїе, что хозяину прежде всѣхъ надлежитъ быть пьяному, а безъ того и гости веселы быть не могутъ. Дурныя нынѣшнїя обыкновенїя, тутъ не мѣшались, гдѣ присутствовалъ пьяной Бахусъ и зардѣвшаяся Венера; изрядное вино усладило мужеской полъ, ибо они его черезчуръ усердно подтягивали, и принуждало уже нѣкоторыхъ и дремать, а въ женскомъ мозгу произ-

вело охоту танцовать; тотчасъ заревѣла не складно настроенная музыка, и пошли всѣ правильно ходить по комнатѣ; женщины ступали важно и замысловато, дѣлали пріятные виды и ужимки, а мущины ходили на реяхъ, и не рѣдко пошалкивали лбами на стулья своихъ красавицъ, что однако не истребило въ нихъ охоты къ плясанію. Онѣ предложили пьянымъ кавалерамъ, чтобъ начать прыгать голубца: тотчасъ всѣ согласились и начали подымать ноги. Очень скоро въ одномъ углу что то стукнуло; а сто одинъ весельй вспрыгнулъ не кстатѣ высоко, и ударился затылкомъ объ стѣну; потомъ въ другомъ углу двое какъ то нечаянно столкнулися лбами и раскроили себѣ головы: однимъ словомъ, вездѣ подялось головное сраженіе, и всякой чувствовалъ себя пораненымъ. Трактирщикъ и нѣсколько другихъ людей сжалившись надъ ихъ неспройнымъ веселіемъ, зачали растаскивать ихъ по постелямъ. Когда уже сжалился надъ ними такой человѣкъ, съ которымъ честь и совѣсть никогда не встрѣчаются, то мнѣ человѣку не торговому и подавно надлежитъ

оказать мое сожалѣнїе, и перестать описывать дурное и пьяное ихъ состоянїе, и ежели еще скажу я хоть словъ пятьдесятъ въ сей вечеръ, то дожидаяся ономаго перебьются они всѣ до смерти. И такъ окончимъ сїе ихъ веселїе и оставимъ ихъ въ покоѣ, дадимъ окончить то Венерѣ, что началъ Бахусъ; потомъ услышимъ, что, заговорятъ они на другой день, въ то время, какъ начну я разсказывать третей вечеръ Неохова приключенїя.

ГЛАВА XVIII.

ВЕЧЕРЪ 48.

Продолженїе сказки о рожденїи тафтяной мушки.

Гости и хозяинъ оставивъ постели охнули раза по три, иной о поверьхности, а другой о внутренности головной, для того что головы ихъ какъ отъ вина, такъ и отъ сраженїя изрядно были потревожены; однако остатками отъ вчерашней пирушки напудрили они

въ полпьяна ихъ и нынѣ: и такъ расставшись съ Грацїями, пошли всѣ куда каждаго должность позывала. Неохъ какъ скоро появился въ Университетъ, то приняли его шамъ всѣ какъ осьмое чудо; вчерашніе его гости хохотали глядя на него; иной хвалилъ его вино, которое онъ пилъ за столомъ, другой кушанье, и такъ далѣе. А какъ бывшіе у него увѣрили сихъ, что они почтиваны были вправду весьма вели..олѣпно, то перемѣнили они смѣшную рѣчь на учтивую, и начали привѣтствовать Неоха единственно только для того, чтобы онъ позвалъ и ихъ къ себѣ въ гости. Неохъ понявши сїю загадку, не преминулъ просить ихъ завтрешній день къ себѣ откушать; всѣ были ради и готовились съ превеликимъ восхищеніемъ. Какъ только настало обѣднее время, то всякой спѣшилъ, чтобы притти ему первому и захватить онъ Неоха большую почесть; наконецъ всѣ собрались, и за великолѣпнымъ столомъ столь подвеселились, что имѣли много случаевъ къ хорошей между собою дракѣ; ибо диспутовались они на Латинскомъ языкѣ о многихъ трудныхъ вещахъ. По

окончанїи стола Неохъ всталъ прежде всѣхъ, взялъ шляпу, и вынувъ половину золотой гривны далъ хозяину, говоря притомъ, что онъ очень хорошо довольствуетъ всякаго за деньги; поблагодаривъ его, пошелъ потомъ домой. Пьяные гости имѣли полную власть толковать Неохову поступку съ хозяиномъ къ своему избавленїю; а какъ они встали и хотѣли итти вонъ, то хозяинъ докладывалъ имъ, чтобы они заплатили каждой за себя за кушанье: иные безъ отговорки заплатили, узнавъ каково покупать прошивъ воли у Неоха, а другїе спорили и платить не хотѣли; но шарлатирщиковы отважные къ кулачнымъ поединкамъ слуги уговорили ихъ къ томъ разнаго рода оплеушинами. Пирушка эта кончилась печально, и для того въ городѣ смѣялись столько, сколько кому за благо разсудилось: извѣстно, что слезы бываютъ причиною смѣха, а смѣхъ нередко бываетъ причиною плача.

Я бы могъ говорить и еще о нѣкоторыхъ приключенїяхъ, которыя Неохъ учинилъ памятными въ своей жизни; однако знаю, что какъ бы дѣла велики

ни были, да ежели произведены онѣ малымъ человѣкомъ, то онъ большаго числа высокихъ людей принимаются съ презрѣнїемъ. И такъ, чтобъ такимъ низкимъ повѣствованїемъ не причинить скуки важному уху, оставляю я другїя приключенїя; ибо довольно знаю, что наши молодые граждане охотнѣе читаютъ романы, нежели сказки. Сверьхъ того уже время приступить мнѣ къ настоящему дѣлу, и показать то, въ чемъ есть необходимая нужда касающаяся до сей самой сказки.

На двацать четвертомъ году Неохова возраста упрямое его счастїе, которое всегда отъ него убѣгало, и даже до сихъ поръ никогда съ нимъ не встрѣчалось, появилося ему въ полной силѣ, и вознесло имя его и его самаго на высокую степень. Я знаю, какимъ образомъ, да и вы легко увѣдомитесь, примолвилъ онъ, ежели не поскучите слушать далѣе.

Когда угомонится солнце, и граждане начнутъ называть время это вечеромъ, Неохъ имѣлъ обыкновенїе прохаживаться по городу или для того, чтобъ принять хорошаго воздуха, или

для той причины, что въ безденежномъ состоянїи сидѣть дома очень скучно. Въ нѣкоторое пріятное вечернее время шелъ онъ по улицѣ, которая знаменита была изо всего города, вдругъ остановилъ его по голосу человѣкъ, а по платью пылкое животное, наслѣдникъ покойнаго Меркурїя, а именно, скороходъ, которой подавъ ему письмо съ превеликою поспѣшностїю ушелъ изъ его глазъ, не сказавъ ему ни слова. Неохъ не смотря на письмо увидѣлъ, что оно подписано на его имя, ничего о томъ не думая распечаталъ его и началъ читать; оно было слѣдующаго содержанїя:

„Неохъ, завтра послѣ полудни въ „восьмомъ часу долженъ ты быть за „городомъ подлѣ дуба Ратана, (*) и „дожидаться того, что я тебѣ назначу.

покор. слуга твой незнакомец.

Естьли бы Неохъ былъ волокита, то бы конечно прочитавъ сїе письмо

(*) Сей дубъ имѣлъ отъ города разстоянїя на одну версту, и тутъ обыкновенно прощались съ тѣмъ человѣкомъ, которой выѣзжалъ изъ города: короче сказать, были тутъ разставанї, такъ можетъ быть онъ сего дубъ получилъ сїе имя.

испугался, и подумалъ, что пишетъ сіе къ нему какой нибудь соперникъ, и назначиваетъ мѣсто, на которомъ бы пощекотить его нѣсколько шпагою; однако Неохъ былъ весьма далекъ отъ шайки нарцизовъ, и не зналъ еще совсѣмъ ни любви, ни волокиты; сверьхъ же того въ Новѣгородѣ не слышно было тогда о поединкахъ. И такъ онъ дивился только тому необычайному и нечаянному случаю, и предпріялъ ожидать назначеннаго ему времени съ нетерпѣливостію. Онъ же не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые бѣгаютъ по дворамъ высуня языкъ отъ нетерпѣливости, и разсказываютъ всѣмъ людямъ то, что имъ сказано отъ другаго за тайну. Пришедши въ Университетъ не сказалъ онъ никому о своемъ приключеніи, а предчувствовалъ, что съ сей минуты будетъ онъ дѣйствующимъ лицемъ въ томъ романѣ, которой сочинителю писать за благо разсудилось. Неохъ теперь въ полной его власти, и онъ будетъ повелѣвать имъ такъ, какъ своимъ невольникомъ, можетъ одѣть его въ странную одежду, надѣнетъ на него золотой кирасъ съ

желтою епанчею, на голову дастъ ему бѣлую чалму съ желтыми полосами, лице покроетъ чернью и вздѣнетъ въ уши ему вмѣсто серегъ по крупной жемчужинѣ, вручитъ ему лукъ, а за плеча колчанъ со стрѣлами, подпояшетъ его екваторомъ, и обошьетъ платье зодїякомъ вмѣсто позумента, и такъ покажетъ его людямъ собранїемъ четырехъ частей свѣта, или еще и больше. Ежели соизволитъ, дастъ ему скипетръ и посадитъ на престолъ, свергнувши съ онаго заключитъ въ темницу, дастъ ему любовницу и опять отъиметъ оную, сдѣлаетъ изъ него превращенїе, и пошлетъ выше облаковъ къ солнцу; а ежели сойдетъ съ ума по общему обыкновенїю писателей романовъ, то повернетъ землю вверхъ дномъ, и сдѣлаетъ его какимъ нибудь баснословнымъ богомъ; ибо отъ романиста все невозможное статься можетъ; а я, продолжалъ раскащикъ, какъ сказываю сказку, то безъ всякихъ пышныхъ украшенїй буду продолжать мое повѣствованїе съ начала. На другой день, когда настало Неоху назначенное время, то онъ прибрался нѣсколько порядочнѣе обык-

новеннаго, и пошелъ на то мѣсто, гдѣ долженъ былъ ожидать неизвѣстнаго. Препроводивъ съ полчаса на ономъ времени, увидѣлъ, что шершавые вѣтры подняли великую пыль въ полѣ, потомъ изъ густыхъ земныхъ облаковъ означились шесть животныхъ четвероногихъ, которыя тащили за собой не весьма дурную карету. Сидящій на козлахъ кучеръ съ гордыми усами и съ важнымъ видомъ понелялъ остановиться лошадямъ тутъ, гдѣ Неохъ дожидался; потомъ вчерашній скороходъ подошедъ къ нему говорилъ слѣдующее: Государь мой, мнѣ приказано просить тебя, чтобы ты поѣхалъ въ сшой каретѣ, а куда, объ этомъ мнѣ сказывать не велѣно; согласенъ ли ты на то, примолвилъ онъ: со всею охотою, отвѣчалъ ему Неохъ. Очень хорошо, продолжалъ знатной, должно вамъ теперь завязать глаза, а мнѣ сидѣть съ вами въ каретѣ, и смотрѣть, чтобы вы ихъ не развязывали. Неохъ при семъ словѣ разсмѣялся; онъ никогда не сочинялъ ни сказокъ, ни романовъ, и такъ подумалъ, что въ самой вещи начинается съ нимъ какая нибудь ве-

селая повѣсть, или забавное приключенїе. Нѣтъ на свѣтѣ твари отважнѣе Студента во всякомъ не извѣстномъ случаѣ; а какъ Неохъ изъ такихъ людей былъ не выродокъ, то тотчасъ и согласился. Скороходъ не только одни глаза, но всю голову опутялъ ему полотномъ, которое онъ съ собою привезъ; по чему видно, что рачительно приказанїе исполнялъ того, кому это надобно было. Когда Неохъ помѣстился со скороходомъ въ каретѣ, то еще романической, или по просту, дурацкой маскерадъ ѣздилъ часа съ два по неизвѣстнымъ Неоху мѣстамъ, которое время все прохохоталъ незрячій Студентъ. Онъ воображалъ себѣ, что сдѣлался героемъ глупой сказки, или вздорнаго приключенїя, по тому что начало неизвѣстнаго случая казалося ему смѣшнымъ и не обыкновеннымъ. Ежели надобно тому, къ кому меня везутъ, думалъ онъ, незрячаго, такъ въ нашемъ городѣ довольно найдется слѣпыхъ; можно бы одного изъ нихъ въ это употребить, а то я, размышлялъ онъ, которой вижу обѣими глазами, долженъ заступить безъ нужды мѣсто слѣпаго.

Наконецъ размышляя долго попалъ онъ на истинной путь разума, и узналъ, что писатель романовъ желая привесши читателей въ восхищенїе, получитъ громкую славу, присвоитъ себѣ Пегаса, и получитъ Парнасской лавръ, не только это, но и на воздухѣ палаты построить можетъ, ежели только захочетъ.

Карета остановилась, Неоха изъ оной приняли, и повели по лѣстницамъ на высокое крыльцо. Онъ шелъ поддерживанъ двумя человѣками, которые сказывали, какъ должно ему подымать ноги по мѣрѣ сдѣланныхъ ступенекъ. Сїе отважное живопное помиралъ со смѣху въ то время, и жалѣлъ о томъ, что ногъ своихъ не выучилъ ходить по потамъ, а что бы слушая голосъ проводниковъ и по тому ихъ произношенїю поднималъ ноги иногда выше, а иногда опускалъ, или бы двигалъ оныя равно, смотря на восклицанїя провожатыхъ. Ведя очень долго, наконецъ остановили его и развязали ему глаза; онъ увидѣлъ себя въ маленькомъ покоѣ, въ которомъ не было ни одного окошка, и весь освѣщенъ былъ бѣлыми свѣчами, стояла въ немъ великолѣпная кровать, столъ 5

нѣсколько самыхъ мягкихъ и покойныхъ креселъ, также стѣнные часы удивительной и рѣдкой работы, на стѣнахъ были зеркалы и картины, а полъ покрытъ былъ зеленымъ сукномъ. Сіе описываю я для того, что сочинитель романовъ долженъ быть непремѣнно историкъ, и не упускать ничего, что принадлежитъ до врания и басенъ; а ежели онаго мы, хотя я и не въ числѣ оныхъ, романисты употреблять не будемъ, то скоро всѣ люди потеряютъ къ намъ должную честь, и трудами нашими будутъ обвертывать купцы товары, а цирюльники завивать волосы. Скороходъ просилъ Неоха, чтобы онъ сѣлъ и подождалъ хозяина, о которомъ увѣрялъ, что приттти на замедлитъ. Неохъ безъ всякаго труда угадать могъ, что это дѣло важно и требуетъ великой осторожности: того ради не хотѣлъ и спросить объ имени хозяина, и остался тутъ одинъ только, безъ всякаго страха. Что же онъ думалъ объ этомъ, я не вѣдаю, хотябы и должно было мнѣ описать его смущеніе и движеніе сердца; но сочинители романовъ, ежели видятъ гдѣ непонятное ихъ уму, то всег-

да оставляютъ то безъ описанія, чтобъ не такъ много невѣжество ихъ открывалося передъ тѣми, которые почитаютъ ихъ разумными и учеными.

ГЛАВА XIX.

ВЕЧЕРЪ 49.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Очень скоро вошла къ нем женщина въ черномъ платьѣ и въ маскѣ. Она имѣла благородную осанку и очень хорошее положеніе тѣла, только видно было это, что она уже была не любовница, и оказала сіе названіе другимъ, которыя ее нѣсколько помоложе. Неохъ какъ скоро увидѣлъ на ней черное платье и маску, то подумалъ, что дѣлается съ нимъ Овидіево превращеніе; а въ доказательство того ожидалъ, какъ она заговоритъ, стихами, или прозою; и ежелибы она хотя одну рифму сказала, то бы онъ конечно подумалъ, что старинная неодушевленная мифологія

хочетъ воскреснуть теперь передъ его глазами. Она вошедши привѣтствовала его самымъ чувствительнымъ образомъ, или такъ какъ всякая женщина принимаетъ весьма надобнаго ей мущину, то есть, такого, которой вознамѣрился обожать красоту ея и разумъ. По учиненіи съ обѣихъ сторонъ обыкновенныхъ учтивостей сѣла она въ креслы, не позабыла также просить о томъ и Студента. Ты, господинъ Неохъ, говорила она, вчерашній день получилъ письмо, и думаю, что не мало удивился его слогу, также не меньше я думаю, дивишься и твоему сюда пріѣзду; дѣло это важно, и требуетъ весьма великой осторожности; и ежели бы ты зналъ, въ какомъ ты теперь домѣ, то бы конечно сказалъ, что мы еще недовольно осторожно его предпринимаемъ. Писала къ тебѣ женщина; она дѣлаетъ тебѣ свою предложность и препоручаетъ себя къ твоимъ услугамъ; а какъ ты человѣкъ довольно знающій свѣтскія обыкновенія, то, думаю, коротkое мое описаніе объяснило твоему понятію все наше требованіе. Я понялъ, сударыня, что значатъ твои слова, отвѣтствовалъ

да оставляютъ то безъ описанія, чтобъ не такъ много невѣжество ихъ открывалося передъ тѣми, которые почитаютъ ихъ разумными и учеными.

ГЛАВА XIX.

ВЕЧЕРЪ 49.

Продолжніе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Очень скоро вошла къ нему женщина въ черномъ платьѣ и въ маскѣ. Она имѣла благородную осанку и очень хорошее положеніе тѣла, только видно было это, что она уже была не любовница, и описказала сіе названіе другимъ, которыя ее нѣсколько помоложе. Неохъ какъ скоро увидѣлъ на ней черное платье и маску, то подумалъ, что дѣлается съ нимъ Овидіево превращеніе; а въ доказательство того ожидалъ, какъ она заговоритъ, стихами, или прозою; и ежелибы она хотя одну рифму сказала, то бы онъ конечно подумалъ, что старинная неодушевленная мелологія

хочетъ воскреснуть теперь передъ его глазами. Она вошедши привѣтствовала его самымъ чувствительнымъ образомъ, или такъ какъ всякая женщина принимаетъ весьма надобнаго ей мущину, то есть, такого, которой вознамѣрился обожать красоту ея и разумъ. По учиненіи съ обѣихъ сторонъ обыкновенныхъ учтивостей сѣла она въ креслы, не позабыла также просить о томъ и Студента. Ты, господинъ Неохъ, говорила она, вчерашній день получилъ письмо, и думаю, что не мало удивился его слогу, также не меньше я думаю, дивишься и твоему сюда пріѣзду; дѣло это важно, и требуетъ весьма великой осторожности; и ежели бы ты зналъ, въ какомъ ты теперь домѣ, то бы конечно сказалъ, что мы еще не довольно осторожно его предпринимаемъ. Писала къ тебѣ женщина; она дѣлаетъ тебѣ свою предложность и препоручаетъ себя къ твоимъ услугамъ; а какъ ты человѣкъ довольно знающій свѣтскія обыкновенія, то, думаю, коротное мое описаніе объяснило твоему понятію все наше требованіе. Я понялъ, сударыня, что значатъ твои слова, отвѣтствова-

валъ ей съ поспѣшностїю Неохъ; понимаю и то, продолжалъ онъ, что съ вашимъ предпрїятїемъ начинается мое благополучїе; я человѣкъ такой, изъ котораго вы все сдѣлать можете, что только похотите; я могу быть самой нѣжной Адонидъ, проворной Меркурїй и искусный стряпчей; буду за вашими дѣлами ходить съ такимъ усердїемъ, какъ будто бы за моими собственными изволите только выговорить, что вамъ отъ меня надобно. Послѣ сихъ словъ женщина усмѣхнувшись говорила Неоху: ты очень проворенъ на языкъ, только таковъ ли въ самомъ дѣлѣ. Клянусь тебѣ пламеннымъ Чернобогомъ и всѣми адскими богами, что я надѣлаю еще больше, нежели ты думаешь. Потомъ женщина подала ему золотую табакерку, наполненную золотыми деньгами: вотъ тебѣ, сказала она, начало нашего снизхожденїя; да это еще не что иное, кккъ только предверїе къ тому благополучїю, которое для тебя назначено. У насъ есть рѣка, которая течетъ золотомъ; и ты можешь всегда изъ нее черпать, когда только захочешь, только будь проворенъ и не застѣнчивъ.

Неохъ былъ внѣ себя, когда трепещущими руками принималъ подарокъ, и восторгъ, произшедшій въ немъ отъ золота, помѣшалъ порядочно возблагодарить свою благодѣтельницу. Етому вы удивляться не должны, продолжалъ сказывальщикъ, ибо деньги имѣютъ великую силу надъ нашимъ сердцемъ, а писатель романовъ еще большую. Послѣ сего разговаривали они очень долго; хитрая эта женщина старалася имѣмъ узнать Неоховъ разумъ, его скромности и проворство, которыя всѣ потребны были въ предпріятомъ ими дѣлѣ; однако напала она не совсѣмъ на простяка. Онъ съ своей стороны старался примѣтить свою судьбину, и вывѣдывалъ изъ ея отвѣтовъ, въ какую должность назначенъ онъ будетъ. Женщина какъ бы хитра ни была, но въ нужныхъ случаяхъ показываетъ свою слабость, и противъ воли открываетъ тѣ тайны, которыя одной только ей вѣдать бы надлежало. Сверьхъ же того Неохъ имѣлъ очень хорошее лице, станъ преизрядной, разума съ лишкомъ и вольные поступки; противъ такого предмета и Пенелопино постоянство вѣрно

бы поколебалось. Онъ между учтивыми рѣчьми спрашивалъ у нее, кто она такова, чей этотъ домъ, и кто его просилъ съ себѣ для свиданія, однако не получилъ на то никакого отвѣта. И такъ поговоря о пользѣ любовнаго приращенія, о движеніи любовныхъ планетъ во внутренности страстныхъ людей, о Купидоновой сферѣ и о другихъ прочихъ явленіяхъ на Венериномъ небѣ, позже нежели въ полночь распалились. Неоха опять отвезли такимъ же образомъ, какимъ и привезли, и приказали въ наступающій день въ томъ же часу и на томъ же мѣстѣ явиться, напоминая притомъ ему о скромности, какъ о такой вещи, безъ которой ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ прожить не можетъ, ниже самъ сочинитель романовъ.

Неохъ вступалъ въ Университетъ богатымъ, не смотря на то, что часовъ съ пять тому назадъ вышелъ изъ него бѣднымъ. Счастіе вселяется и въ ослиную голову, да иногда еще и скорѣе; такъ ето не удивительно, что оно встрѣтилось съ Неохомъ, да удивительно то, что съ разумнымъ человѣкомъ; такого достоинства люди, мнѣ

кажется, при рожденіи получаютъ это право, чтобъ весь свой вѣкъ называться бѣдными и не имѣть участія въ рѣдкихъ и блестящихъ металлахъ. Какъ скоро пришелъ онъ домой, то высыпалъ на столъ деньги и поставилъ шкатбакерку, призвалъ своихъ товарищей, и говорилъ имъ: Друзья мои! Я теперь богатъ, когда прохаживался по городу, то встрѣтился со мною богъ богатствъ и подарилъ мнѣ это сокровище; всѣ начали его поздравлять, и казалось, какъ будто бы предприяли уже его и почитать; чего деньги не сдѣлаютъ. Неохъ изволилъ шутъ обмануться, и наполнился великою радостію, того ради послалъ за хорошимъ виномъ; въ одну минуту комната его наполнилась бутылками, а не много погодя всѣ Студенты и ученики наполнились хмѣлемъ; шутъ ничего больше не слышно было, какъ только: другъ и пріятель. Препроводили они всю ночь въ семъ веселомъ упражненіи; сонъ позабылъ совсѣмъ эту веселую компанію, и не входилъ къ нимъ въ комнату. Во время всего празднества деньги и табакерка лежали на столѣ; иной правдивой и

постоянной человѣкъ подходилъ къ нимъ и бралъ ихъ, почитая Неоха должникомъ своимъ прежде; другіе брали ихъ на собственныя свои нужды, обѣщаясь послѣ возвратить; а нѣкоторые, имѣвъ къ тому время и мѣсто, пробовали себя, могутъ ли они искуснымъ образомъ украсть; и такъ къ утру не осталось ни одной копѣйки. Золотая табакерка во все сіе время переходила изъ рукъ въ руки; иной хвалилъ ее самое, другой выхвалялъ искусство мастера, третій благодарилъ того, кто ее подарилъ Неоху, и такъ далѣе. Наконецъ замѣшалась она во множествѣ пальцовъ и ошъ пошныхъ рукъ такъ много потускла, что послѣ ее уже и увидѣть было не возможно. Такимъ образомъ скончала она пребываніе свое у Неоха.

По утру, когда просмулся торопватой Студентъ, то увидѣлъ, что онъ столько же богатъ, какъ былъ и прежде; слѣдовательно не имѣлъ и того, чѣмъ бы утолить пары, которые подымались въ его головѣ отъ вчерашней пирушки. Спрасить скупыхъ людей и соболѣзнованіе о деньгахъ въ одну ми-

нуту родились въ его сердцѣ; онъ проклиналъ себя, укорялъ безумïемъ и неосторожностïю; однако угомонившись нѣсколько, ибо онъ еще не совсѣмъ былъ изъ числа неторопливыхъ, предпрïялъ поступать впередъ повоздержнѣе; но со всѣмъ тѣмъ препроводилъ весь день въ превеликомъ сѣтованïи, такъ какъ самой неправной мотъ, или страстной картежной игрокъ. Когда же настало ему назначенное время, то поспѣшилъ онъ на то мѣсто съ нетерпѣливымъ желанïемъ; по счастïю его тамъ уже его дожидались, и съ такимъ же обрядомъ, какъ и прежде привезли въ тотъ домъ.

Съ четверть часа сидѣлъ онъ одинъ въ той комнатѣ, и безпокоился весьма много какъ воображенïями, такъ и головою, которыя дѣлали его совсѣмъ неспособнымъ къ изъясненïю мыслей. Вошла наконецъ къ нему женщина въ маскѣ, однако это была не вчерашняя его благодѣтельница; прелести ея проникали и сквозь безобразное прикрытïе. Она была столь складна станомъ, что Неохъ не видалъ во всемъ городѣ такъ прекраснаго положенïя тѣла. Руки, ко-

торыя онъ могъ безпрепятственно видѣть, довольно удобны были и однѣ тронуть еще не страстное Неохово сердце; платье на ней было превзрядное, да и такое, какъ будто бы сама любовь старалася оное украсить, и сами Граціи шили его своими руками, и представилась она ему не иначовой, какъ всѣ нѣжности и пріятности служили сей земной богинѣ. Похмельной Студентъ какъ скоро ее увидѣлъ, что не ожидавъ такого предмета остолбенѣлъ, и помѣшался нѣсколько въ разумѣ; онъ самъ не чувствовалъ, что глаза его прикованы къ красавицѣ, а онъ къ тому стулу, на которомъ сидѣлъ. Сія прелестница должна была ему напомнить, что бы онъ сдѣлалъ ей учтивость. Неохъ услышавъ сіе, какъ будто бы отъ крѣпкаго сна пробудился, въ одну минуту пропало его смущеніе и безпокойство; онъ пришелъ въ нѣкоторую стыдливую робость, принялся за учтивыя слова и за модные поклоны, искалъ оправдаться острыми выдумками и щеборными сочиненіями рѣчей: и словомъ, старался всѣмъ, чтобы исправить свою непростительную погрѣшность;

а складно ли онъ говоритъ, то услышите вы въ началѣ пятаго вечера сей книги, ежели я не поскучу сказывать, а сочинитель соизволитъ продолжать сію книгу; ибо онъ еще не скучитъ, и чѣмъ больше пишетъ, тѣмъ больше родится въ немъ охота продолжать сіи сказки.

ГЛАВА XX.

ВЕЧЕРЪ 50.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Государыня моя! такой худой поступокъ мой ни чѣмъ инымъ извиненъ быть не можетъ, какъ врожденнымъ снизхожденіемъ вашему полу: я не сомнѣваюсь, что сколько вы прелестны, то столько сердце ваше нѣжно и снизходительно; прикажите его, сударыня, моему удивленію, а не незнаемой мною неучтивости. Я какъ скоро васъ увидѣлъ, то сдѣлался неподвиженъ; ежели бы вы не столько были прелестны,

что первое сіе свиданіе не сдѣлало бы такъ великой во мнѣ перемѣны. Признаюсь вамъ, что красоты ваши и мое удивленіе сдѣлали меня безсловесным.

Извѣстно, что такія привѣтствія женщины принимаютъ съ превеликимъ удовольствіемъ и радостію, и что онѣ для нихъ пріятнѣе, нежели что, которой ихъ выговоривъ. Кто въ нынѣшнемъ вѣкѣ имѣетъ еще дѣло, чтобъ угодить модисй щеголихѣ, тому безъ сомнѣнія отворены всѣ безчисленныя двери Венерина храма, и онъ всякое въ свѣтѣ благополучіе получить можетъ, чему ясное доказательство увидимъ мы и въ Неоховомъ похожденіи. Владимира, такъ называлась пришедшая госпожа, слушая его слова позабыла совсѣмъ маленькое неудовольствіе оказанное ей Неокомъ, и при семъ первомъ случаѣ оказала ему столь великую благосклонность, которая ни съ чемъ сравниться не можетъ. Въ чемъ же она состояла, что сіе вѣдаю я одинъ, да сочинитель, и не только всѣмъ, но и вамъ того не откроетъ, ибо его дѣло не богатое: такъ живучи въ свѣтѣ,

надобно быть сколько нибудь поскромнѣе. Чтожъ Владимира поступила такъ рѣшливо въ любовныхъ упражненіяхъ, то еще произошло отъ того, что она была дѣвушка свѣтская и знала больше, нежели бы ей надобно было; читала романы, и изъ нихъ научилась презирать людей, и передо всѣми гордишься: узнала почитать за бездѣлицу нужныя вещи, и пользоваться тѣмъ, что запрещаетъ стыдъ и благопристойность; уразумѣла, какъ пересмѣхать своихъ сестеръ, да только тѣхъ, которыя ее умнѣе; поняла, какимъ образомъ презирать свою вѣру и отечество, а любить чужестранныхъ обманщиковъ: и словомъ, все то, что принадлежитъ до развратной щеголихи. Сверьхъ же того Неохъ былъ какъ разумомъ, такъ и лицемъ не дуренъ, а противъ такого предмета нынѣшняя женская добродѣтель какъ малая тростъ противъ вѣтра шатается. Много бы мы теряли, ежели бы всѣ дѣвушки и женщины были такъ засидѣнчивы, какъ бывали онѣ въ старину. Стыдъ и благопристойность, сіи два не сносные варвара, хотя не всѣми, однако многи

ми совсѣмъ уже истреблены; и мы уже нынѣ рѣдко имѣемъ ето несчастїе, чтобъ увидѣть у дѣвушки въ лицѣ краску въ то время, когда мущина изъявляетъ ей свое желанїе. Кажется мнѣ, что природа по временамъ перемѣняется, ето тягостное бремя ложится на насъ по тому, что мы начинаемъ быть стыдливѣе женщинъ. Знакомство у рѣшивой къ любви дѣвушки съ отважнымъ Студентомъ въ одну минуту взошло на высокую степень, и начали они столь дружно другъ друга осязать, какъ будто бы старинной супругъ съ древнею сожительницею; а нынѣшнїе люди, которые обязуются бракомъ совсѣмъ не съ тѣми мыслями, гораздо къ тому неспособны, и для того примѣромъ я ихъ здѣсь не поставилъ. Чтожъ они въ сїе время говорили, того поставить здѣсь не разсудилось мнѣ за благо: ето бы одно составило ужасной величины книгу, которую бы за огромностїю я чаю никто читать не сталъ. Сверьхъ же того любовницы въ такомъ случаѣ говорятъ коротко, но прїятно; смутно, но чувствительно; тихо, но голосъ сихъ Сиренъ

проходитъ во внутренность нашу и касается сердца; не понятно, но разумъ нашъ скорѣе всего понимаетъ ихъ загадки; онѣ рѣчей не начинаютъ, и о концѣ оныхъ никогда не думаютъ, а мы догадываемся, начинаемъ и оканчиваемъ, и съ такимъ успѣхомъ, что всегда попадаемъ на ихъ мысли, чему въ доказательство служитъ ето, что между множества наукъ не видимъ мы науки любовныхъ дѣлъ, но въ оныхъ учитель нашъ сама природа; разумъ переводчикъ сердца нашего, а глаза истолкователи нашего желанія. Слѣдовательно описаніе ихъ разговора мало бы принесло увеселенія, а можетъ быть подало бы случай къ соблазну, чего весьма опасаясь, оставляю оное безъ всякаго изъясненія.

Потомъ вошла къ нимъ Навѣра, надзирательница Владимирина, и сказала ей, что отецъ ея спитъ уже въ свою волю. Ну, такъ мы теперь безопасны, говорила Владимира, и можемъ цѣлую ночь наслаждаться пріятностями безъ всякаго помѣшательства. Время уже намъ увѣдомить Неоха, продолжала она, потомъ оборотившись къ не-

му говорила: Я дочь первосвященника Чернобогова, и это его домъ, въ которомъ ты находишься теперь. Сїе говорила она уже безъ маски; а когда ее скинула, того я не видалъ, ибо не все въ свѣтѣ усмотрѣть можно; Неохъ услышавъ ея слова задрожалъ, сердце его окаменѣло, кровь застыла, и онъ не зналъ, что и отвѣчать, ибо первосвященникъ былъ въ то время страшнѣе и самаго ужаснаго тирана; и ежели не льстя жрецамъ, выговорить самую правду, то они такъ и поступали съ народомъ для того, что правленіе онымъ было въ рукахъ первосвященника, которой всегда казался благополучнымъ и набожнымъ; однако проливалъ столько человѣческой крови, сколько Волховъ приноситъ прибыли въ то мѣсто, въ которое онъ впадаетъ, и можно было примолвить тутъ пословицу. „Въ „тихомъ омутѣ больше черти ведутся.„ Владимира примѣтивъ не обычайную перемѣну въ Неохѣ, узнала тотчасъ, сколько отецъ ея милъ и пріятенъ народу, и для того старалася какъ возможно ободрить унылаго любовника. Она изъявляла то знаками,

что сердечное чувствовала отвращеніе къ своему отцу, и желала, чтобъ освободишься отъ него какимъ нибудь легкимъ и не подозрительнымъ случаемъ. Она уже начинала презирать его и искала всегда своей воли; а чтобъ сдѣлаться госпожею надъ своими поступками, то готова была на все согласишься; ибо нѣтъ ничего пріятнѣе женщинѣ, какъ господствовать надъ другими, а самой ни отъ кого не зависѣть: и отъ сего произошло, „ что у бабы волосъ „ дологъ, да умъ коротокъ„. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ не рѣдко видимъ мы такіе примѣры, и такъ вы слушатели должны освободишься отъ удивленія, ежели вы до него охотники. Неохъ уразумѣвъ ея желаніе, въ пущее пришелъ отъ того помѣшательство, такое усердіе къ родителю вселило въ него совсѣмъ противныя прежнимъ мысли; а Владимира подумала, что сіе его смущеніе значитъ согласіе, обрадовалась весьма тому, и предлагала всѣ свои сокровища ко услугамъ своего заблужденія; а какъ дѣло пришло къ тому, чтобъ принимать ему довольно оныхъ изъ рукъ Владимировыхъ, тогда уже находился

онъ въ полномъ и совершенномъ разумѣ, чему въ доказательство служитъ это, что онъ не ошибся, и положилъ ихъ въ тотъ карманъ, которой свободенъ былъ отъ книгъ и отъ бумаги. Первое сїе свиданїе имѣло у нихъ двойной успѣхъ: возвысили они свою любовь до такого градуса, что застѣнчивые и робкїе любовники не могли бы и въ три года сего исполнить. Другое, что сдѣлали нѣкоторой изрядной заговоръ, о которомъ я умолчу, чтобъ не осрамить жаднаго къ деньгамъ Студента и малоумную красавицу. Въ семъ согласїи надзирательница была главною особою, и она давала всѣ потребныя къ тому наставленїя двумъ нашимъ глупымъ любовникамъ, и все сїе предпрїятїе дѣлося по ея наученїю. Наконецъ началъ уже показываться день, и прекратилъ ихъ увеселенїе и согласїе. Время перестало плакать надъ сими неистовыми воздыхателями, и Неоха отвезли домой по обыкновенїю, а Владимира и Навѣра заплатили то утру, чѣмъ должны были онѣ ночи.

Заглянемъ теперь въ Университетъ, что дѣлаетъ нашъ новомодной любов-

никъ; онъ опять впустился опорожнивать бутылки: по этому видно, что его никакая мораль удержать отъ вина не можетъ. Его окружаютъ всѣ тѣ же пріятели, которые и первому его подарку оказали честь съ почтеніемъ. Онъ, какъ надобно думать, изъ того числа людей, которые вмѣсто Сомна и Морфея употребляютъ Бахуса; ибо онъ одинъ увеселяетъ лучше наши мысли, нежели тѣ двое: Студентъ не спалъ во всю ночь, только и утро не принудило его успокоить свою природу; онъ жертвовалъ равно какъ Аѳродитѣ, такъ и Минервѣ; однако всѣ сіи божества собравшись вмѣстѣ, успокоили наконецъ усерднаго Бахуса въ объятіяхъ сладкаго и крѣпкаго сна.

ГЛАВА XXI.

ВЕЧЕРЪ 51.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

На другой день Навѣра не умедлила ранѣе проснуться; она не только

что была надзирательницею надъ Владимиромъ, но управляла сверхъ того всѣмъ домомъ; и такъ, чтобъ не потерять о себѣ хорошихъ мыслей, должна она была противъ воли бодрствовать и казаться, что ей ничто спать не мѣшало. Женщина сія имѣла видъ набожной и добродѣтельной старухи; казалася всегда важна и постоянна, кротость и смиреніе написаны были на ея лицѣ; но всѣ наружныя свойства не согласовались съ ея сердцемъ, которое было къ зависти склонно, коварно и готово было все непристойное предпріять, только бы вышелъ изъ того какой нибудь прибытокъ. Тѣ люди весьма счастливы, которые изряднымъ наружнымъ видомъ могутъ прикрывать всѣ свои внутреннія безделъствія, и въ нихъ самой разумной и прозорливой человѣкъ обманушься можетъ, ибо лица насъ часто обманываютъ. Первосвященникъ хотя и всегда разсматривалъ внутренности жертвеннаго скота, и узнавалъ по онымъ произволенія боговъ; но во внутренности сего коварнаго скота не могъ онъ усмотрѣть того яду, которой готовило ему сіе злобное сердце.

Онъ столько былъ увѣренъ въ сей старухѣ, что никогда не сомнѣвался, чтобъ дочь его могла потерять честь и благопристойность подъ смотрѣніемъ сей ехидной Горгоны. Воспитаніе и частое обхожденіе съ людьми весьма много дѣлаютъ перемѣны въ нашихъ нравахъ, а особливо когда мы еще не въ совершенныхъ лѣтахъ: каковъ предводитель, таковы бываютъ и тѣ, которые слѣдуютъ его примѣру. Владимира заняла отъ Навѣры всѣ тѣ дурныя качества, которыя ее еще въ молодыхъ лѣтахъ уже испортили. Какъ скоро она проснулась, то надзирательница начала выхвалять ея любовника съ превеликимъ восторгомъ. Она описывала его такими красками, чтобы всякая добродѣтельная женщина согласилась на время оставить честь и благопристойность. Такія усердныя надсмотрщицы великую власть имѣютъ надъ дѣвушками, и своими совѣтами на все привести ихъ могутъ. Ето правда сударыня, говорила она Владимирѣ, что ты не ошиблась въ своемъ выборѣ, што то человѣкъ, какъ статенъ, хорошъ, уменъ, и мнѣ кажется, что часъ отъ часу я больше

нахожу въ немъ пріятности; а что довольно-похвалить въ немъ не можно, такъ это то, что онъ въ угодность женщинѣ все въ состояніи сдѣлать: подлинно сокровище ты получила; я говорю чистосердечно, что я старухою будучи, конечно бы все въ его удовольствіе сдѣлала. Владимира слушая сіи слова была въ превеликомъ восторгѣ и благодарила Навѣру, что она помощію ея сдѣлалась благополучною.

Что говорили онѣ о первосвященникѣ, то я къ стыду и посрамленію старой надзирательницы и малоумной красавицы того не изъясняю; ибо знаю, что подверженные равному съ ними пороку, которые еще до исполненія своихъ предпріятій почитаются людьми изрядными, не съ большей охотою оное слушать будутъ, и такъ желая освободиться отъ нареканія, умалчиваю о всѣхъ ихъ неистовствахъ, а буду говорить только о томъ, что можно безъ большой къ нимъ ненависти внести въ сію книгу. Когда уже опредѣлили онѣ себя во всегдашнія любовныя упражненія, то не бывали никогда розно съ Неохомъ, которому хотя и говорила час-

шо совѣсть, но свѣтлая монета дѣлала всегда ей затмѣніе; когда же умолкли въ немъ честь и добродѣтель, тогда и онъ согласился на женстовое предпріятіе; все уже было къ тому готово, только недоставало одного, что рокъ не приближался къ тому, чьей искали они смерти.

Первосвященникъ имѣлъ обыкновеніе каждой вечеръ прохаживаться въ своемъ саду. Навѣра согласилася съ Неохомъ такъ, что она спрячетъ его въ удобное и знаемое ей мѣсто; когда же ночь будетъ въ полной силѣ и всѣ успокоются, то она удержавъ долѣе обыкновеннаго въ саду старика, подведетъ къ Неоху, и чтобы онъ тотчасъ его застрѣлилъ. Пьяной и отважной студентъ не долго размышлялъ на сіе согласиться, и начали всѣ ожидать съ радостію вечера. Сбираясь на такое храброе и похвальное дѣло, Неохъ не позабылъ хорошенько запастись Бахусовыми припасами; ибо въ нихъ только въ одинхъ и полагалъ онъ всю свою надежду и отвагу. Когда насталъ вечеръ, то надзирательница потаеннымъ проходомъ провела Неоха въ садъ, и тамъ его спря-

шала, сама пошла подзывать первосвященника прогуливаться; а госпожа Владимира осталась въ своихъ покояхъ въ превеликомъ смущеніи, и просила боговъ, чтобъ они смягчили праведной свой гнѣвъ, и не жестоко бы наказали ее за ея беззаконіе.

Первосвященникъ съ надзирательницею прогуливались въ саду довольно долго; и когда настало время къ исполненію ихъ намѣренія, тогда Навѣра подвела его къ тому мѣсту, въ которомъ Неохъ находился. Тотъ, какъ скоро услышалъ шумъ подходящихъ къ нему людей; то такъ испугался, что бы готовъ былъ и самъ въ туже минуту застрѣлиться; однако подхватилъ ружье и выстрѣлилъ изъ него тотчасъ; хмель, страхъ и противящаяся судьба отвратили пулю отъ первосвященника, и наградили ею госпожу надзирательницу въ лобъ; она перемѣнила старика, и вмѣсто его сошла въ Плутоново владѣніе и поселилась тамъ на вѣки. Сіе значитъ: Не копай для друга ямы, самъ попадешь въ нее прежде. Первосвященникъ испужался и упалъ на землю не чувствительнѣе, и такъ дозволилъ Неоху

убрашься изъ саду благополучно, которой идучи думалъ, что безъ сомнѣнія переселилъ его душу въ царство мертвыхъ. Страху и смущенія тогда уже съ нимъ не было, и онъ готовъ былъ хотя десятокъ такихъ похвальныхъ дѣлъ надѣлать: того ради съ превеликою радостію прибѣжалъ ко Владимиркѣ, и объявилъ ей кончину ея отца. Владимира залилась тогда слезами и бросилась въ постелю, и казалась такою дочерью, которая бы никогда не согласилась на отнятіе жизни у своего родителя. Женщины такъ искусно притворяться умѣютъ, что правды и неправды никогда изъ нихъ не выведаешь. Можетъ быть и въ нынѣшнемъ вѣкѣ есть такія, которыя не откажутся послѣдовать Владимиркѣ, но я дѣйствительно знаю, что онѣ возненавидятъ меня за сіе описаніе; однако и то мнѣ извѣстно, что всѣми никогда любиму быть не можно. Я живу подъ покровительствомъ судьбины, слѣдовательно она мой защитникъ. Наружная Владимирина печаль ни мало не согласовалась съ сердцемъ, и такъ въ одну минуту кончилось ея стенаніе; а когда

вообразилися ей всѣ тѣ увеселенія, которыми она теперь безпрепятственно наслаждаться можетъ, то какъ будто бы по неволѣ взглядывая на Неоха, начинала она съ пріятностію улыбаться. Догадливой любовникъ видя ее въ маленькомъ смущеніи, принялся тотчасъ за Философическія морали, и началъ извинять свой и ея поступокъ сильными доказательствами. Онъ говорилъ, что врожденное въ насъ человѣколюбіе требуетъ иногда того, чтобъ отнять жизнь у ближняго въ то время, когда онъ становится несносенъ свѣту, утѣсняетъ людей, и ведетъ весьма порочную жизнь. Словомъ, онъ наговорилъ ей столько, что она почла то добродѣтелью, что достойно всякаго наказанія. Такъ мы уже теперь счастливы, говорила она съ нѣкоторымъ робкимъ восхищеніемъ Неоху, и намъ уже ничто помѣшать не можетъ въ нашихъ увеселеніяхъ. Признаюсь тебѣ, что я до сихъ поръ жила такъ, какъ въ темницѣ, и была невольницею богатства моего и природы. Нравливой мой отецъ никогда не хотѣлъ, чтобы я показалась свѣту, и всегда старался скрыть ме-

ия отъ всѣхъ людей самымъ тиранскимъ образомъ ; а теперь я чувствую всѣ удовольствія, какія только выдумать можно; къ подтвержденію того столько имѣю богатства, что могу построить три Египетскія пирамиды, ежели только вздумаю; и дѣйствительно опредѣлили было они на Волховскомъ берегу поставить три большія пирамиды ; но слѣдующія приключенія воспрепятствовали ихъ предпріятію, и такъ Россія до сихъ поръ осталась безъ того украшенія.

Теперь надобно намъ, сударыня, обойти всѣ покои, говорилъ Неохъ и осмотрѣть, что въ нихъ есть ; надобно все перепечатать, чтобъ не распродало ; Навѣра я чаю уже тамъ, и намъ должно быть съ нею вмѣстѣ. Жадность наслѣдниковъ къ полученію богатства столько велика, что никакое перо описать ее не можетъ ; и ежели бы они захотѣли признаться, то бы мы увидѣли всѣ тѣ худыя слѣдствія, которыя могутъ испортить и самаго добродѣтельнаго человѣка. Когда вошли они въ кабинетъ первосвященниковъ, то Неохъ съ жадностью восторгомъ смо-

прѣлъ на всѣ тѣ вещи, которыя ему попадались, у чѣмъ которая стоила дороже, тѣмъ больше приводила его въ неистовое восхищеніе. Онъ почиталъ уже ихъ своими собственными, и вноенлъ для памяти въ записную книжку, также не позабылъ внести нѣкоторыя и въ карманы для запасу на первой случай. Ибо человѣкъ при полученіи множества богатства всякое порочное нахальство сдѣлать въ состояніи. Честь бѣдныхъ людей не столько щверда, сколько людей богатыхъ; ешо я разсуждаю какъ такой человѣкъ, которой желаетъ угодить свѣту, и ежели мнѣ прикажутъ, то я въ угодность моихъ знакомыхъ сдѣлаю предисловіе къ ешой книгѣ въ двацать четыре тома, и вшимъ докажу, что я на все согласенъ.

Неохъ не переставалъ осматривать мнѣніемъ свое имѣніе, помышлялъ его въ карманы, какъ возможно усерднѣе, а Владимира старалася прибрать важныя записки покойнаго родителя; и когда находились они въ семъ расположеніи, то два служителя ввели подъ руки принедшаго въ чувство старика. Какъ скоро взглянули они другъ на

друга всѣ трое, то всѣ равно остолбенѣли и сдѣлались безсловесны; первосвященникова должность была опамятоваться прежде всѣхъ, онъ такъ и сдѣлалъ; спрашивалъ Неоха, какъ не званаго гостя, какимъ образомъ зашелъ онъ въ его кабинетъ, и какую имѣлъ къ тому нужду? Студентъ принимался много разъ отвѣчать на его вопросъ; но не могъ ни поворотить языка, ни собрать своихъ мыслей; ибо страхъ и отчаянїе владѣли имъ больше, нежели краснорѣчїе и моральная Философїя. Первосвященникъ изъ такого большаго его смущенїя могъ заключить, что онъ былъ участникомъ въ исканїи его смерти, въ чемъ и не погрѣшилъ противъ чести и добродѣтели.

ГЛАВА XXII.

ВЕЧЕРЪ 52.

Продолженїе сказки о рожденїи тафтяной мушки.

Къ великой прискорбности такого отца, которой любилъ дочь свою

чрезвычайно, долженъ былъ онъ признать и ее участницею изготовленной ему погибели. Старикъ проливая горькія слезы спрашивалъ у Владиміры, что понудило ее возсмѣть прогнѣвъ отца, и забывъ страхъ Божій, искать его смерти? Владиміра не могла ничего отвѣчать ему на сіе, и была въ ужасномъ изступленіи; она смотрѣла на отца отчаянными глазами, и казалася, какъ будто бы совсѣмъ лишалась употребленія разума. Первосвященникъ велѣлъ ее проводить въ ея покои, и какъ возможно стараться о приведеніи въ чувство; а Исоха, какъ такого гостя, которой безъ зову посѣтилъ его кабинетъ, приказалъ онъ опорожнивъ его карманы проводить къ дверямъ въ показанную, и тамъ весьма за крѣпкимъ карауломъ содержать до разобранія дѣла, и чтобы никого къ нему не допускать, какого бы званія кто ни былъ. Служители первосвященниковы не весьма учтиво провожали Исоха до храма Чернобогова, и уговаривали его самымъ не политичнымъ образомъ, то есть, пощечинами и оплеушинами. Солнце тому свидѣтель, что они расколотили

ли ему всю голову, и весь воздухъ тогда наполненъ былъ жалостнымъ воплемъ. Они уже были въ оградѣ храма Чернобогова, какъ встрѣтился съ ними нашъ жрецъ, которому должно было заключить Неоха въ темницу и принудить его къ покаянію, что жрецъ тотъ немедленно и учинилъ. Неохъ идучи въ преисподнюю, укорялъ свою судьбину, и говорилъ такъ: Льстивое и несправедливое счастіе, ты мнѣ показалося на часъ или для того, что бы омерзѣть передо мною, или для той причины, чтобы поругаться мною. Я зналъ и прежде, что знаки твоего снизхожденія лживы и не долговѣчны; они показываются людямъ не имѣвъ начала, слѣдовательно бѣдственное окончаніе всегда готово; нѣтъ въ свѣтѣ перемѣнчивѣе тебя и вѣтреннѣе; кто желаетъ получить твою благосклонность, тотъ не зная и не чувствительно ищетъ своей погибели и падаетъ съ тобою на дно злоключеній; можешь ли ты быть хорошимъ проводникомъ, когда ты слѣпо; можешь ли быть воздержаніемъ, когда ты не умѣренно; можешь ли быть спасеніемъ, когда ты завистливо такъ,

какъ Гарпія? Однако при всемъ етомъ ты намъ милѣе всего на свѣтѣ. Сіе нравоученіе поставлено тутъ не кстатѣ; но ешо самое и красота книги, стихи украшаетъ рифма, а романы или сказки украшаются нравоученіемъ поставленнымъ не кстатѣ, и еще больше, какъ занятымъ изъ какого нибудь хорошаго сочиненія.

По правиламъ сочиненія романовъ или сказокъ въ семъ мѣстѣ должно описывать разлуку любовниковъ, какъ они проклинаютъ свою жизнь, желаютъ всякой часъ смерти, ищутъ чемъ заколоться, но въ отчаяніи не находятъ, желаютъ прекратить оную ядомъ, но ядъ не скоро уморитъ, и такъ ощдумываютъ, теряютъ наконецъ всѣ свои чувства, и вмѣсто обморока засыпаютъ и спятъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ теряютъ желаніе къ смерти, и вздумаютъ начинать жить снова хотя и безъ любовника. Но я послѣдую лучше здравому разсужденію и буду сказывать то, что больше съ разумомъ и съ природою сходно. Смерти не такъ весело ожидать, какъ свадьбы; и для того Неохъ не спѣшилъ увѣнчаться земляною дѣ-

димою; сверьхъ же того зналъ онъ и ещо, что онъ мнѣ весьма надобенъ для продолженія моей сказки, а сочинителю для продолженія книги; я же человѣкъ не прихотной, слѣдовательно есть во мнѣ сожалѣніе, и причиною его смерти быть мнѣ не должно. Могъ бы я послѣдовать нѣмъ сочинителямъ, которые желая украсить свое изданіе какими нибудь важными случаями, глошаютъ по цѣлой арміи въ сушки; но я не желаю запречь Адониса въ Марсову колесницу, и Венеру никогда не отдамъ въ солдаты, какъ многіе ещо дѣлаютъ подъ разными видами; знаю, что безъ разума удивлять людей, знакъ подлой души и несноснаго пустомели.

Отчаянной человѣкъ подобенъ тому, которой тонетъ въ морѣ, и что ему ни кинь, онъ за все хватается, и во всемъ полагаетъ свою надежду и спасеніе: равно и Неохъ находился въ заключеніи выдумывалъ всякіе способы къ своему избавленію, но всѣ оные казалися ему слабы; наконецъ совѣтуя самъ съ собою очень долго, нашелъ одинъ случай, которымъ безъ сомнѣнія надѣялся освободишься изъ шемницы.

Тотъ жрецъ, которой его заключилъ въ оную, былъ не изъяснимо скупъ; и упражнялся больше въ собираніи богатства, нежели въ церковныхъ с рядахъ; чинъ его не мѣшалъ ему утѣснять людей, отнимать ихъ имѣніе и проливать слезы. Онъ часто вступалъ въ приказныя дѣла, и смиреннымъ образомъ отнималъ насильно у другаго имѣніе совсѣмъ ему не принадлежащее, часто доносилъ на многихъ духовныхъ особъ не правильно, и тѣмъ получалъ себѣ половину ихъ имѣнія. Впрочемъ часто поучалъ на каѳедрѣ народъ, и больше, чтобъ имѣли любовь къ ближнему, такъ какъ сами къ себѣ, и изъяснялъ сіи слова съ такою кротостію, какъ будто бы онъ самъ никакому пороку подверженъ не былъ. Много было такихъ людей, которые держали его сторону, и ни подъ какимъ видомъ согласиться не хотѣли, чтобы онъ имѣлъ какое нибудь свѣтское пристрастіе. Неохъ дѣйствительно былъ увѣренъ въ себѣ, что онъ всякаго человѣка склонить можетъ на свою сторону, а особливо ежели узнаетъ его пристрастія. И такъ позвалъ къ себѣ темничнаго приспав-

ника, и велѣлъ доложить жрецу, что онъ имѣетъ до него прекрайнюю нужду, и что нужда сія времени не терпитъ; Нилай, такъ назывался жрецъ, услышавъ сіе отъ приставника, приказалъ привести передъ себя Неоха, котораго принялъ грубымъ видомъ и суровыми словами, потомъ выславъ всѣхъ вонъ, ожидалъ отъ невольника извѣщенія. Неохъ ставши передъ нимъ на колѣни и приявъ на себя смиренный и отчаянный видъ, говорилъ ему такъ: Великій священникъ Чернобоговъ, я вижу, что я прогнѣвенъ богами, и жизнь моя въ скоромъ времени скончается, то должно мнѣ покаяться во всѣхъ сдѣланныхъ мною согрѣшеніяхъ и просишь тебя, чтобы ты молитвами твоими предстательствовалъ о мнѣ великому Чернобогу. Во время вчерашняго жертвоприношенія во храмъ отошелъ я на другую сторону капницы, гдѣ увидѣлъ прекрасную дѣвушку, которая умоляла великаго Чернобога со слезами, чтобы не давно умершему ея брату облегчилъ [illegible]ль наказаніе во адѣ. Я вслушавшись въ ея слова дерзнулъ на непростительной грѣхъ, вошелъ

весьма осторожно въ капличку, прикрытъ будучи завѣсами оныя говорилъ божескимъ голосомъ, что я намѣренъ посѣтить ее нынѣшнюю ночь, и показать ей все мое снизхожденіе. Услышавъ мои слова пришла она въ великое замѣшательство, а наконецъ пришедъ въ радость обѣщала принести мнѣ золотую жертву у себя въ домѣ. Но мнѣ уже теперь никакое сокровище не надобно, и я желалъ бы только, чтобъ грѣхъ сей мнѣ былъ отпущенъ. Имай при семъ словѣ усмѣхнулся; и вмѣсто строгаго нападенія на Неоха, хвалилъ его изрядную выдумку. Правда, говорилъ онъ съ веселымъ видомъ, что такое дерзкое предпріятіе достойно всякаго наказанія; но такому молодому человѣку, какъ ты, нѣсколько простительно; я бы хотѣлъ посмотрѣть ету весьма суевѣрную дѣвушку, не для обѣщанной тебѣ корысти, но единственно только для того, чтобы вывесть ее изъ заблужденія. Неохъ уразумѣвъ его загадку, говорилъ ему: отецъ Имай, ежели изволишь, я тебя провожу къ оной, долгъ твой того требуетъ, чтобы ты исправлялъ людей впадающихъ

въ прегрѣшенїя. Жрецъ съ превеликою радостїю на сїе согласился, и начали они приготовляться.

Неохъ выпросилъ у Имая жреческое платье, надѣлъ его на себя, чтобъ удобнѣе и безъ подозрѣнїя изъ монастыря могъ выйти. Имай прибрался нѣсколько попорядочнѣе; ибо въ немъ не одна страсть къ прибытку дѣйствовала, но вселилось нѣчто и другое, и такъ выступили они за ограду Чернобогова храма. Неохъ привелъ жреца къ нѣкоторому большому двору, и просилъ, его, чтобы онъ нѣсколько подождалъ, а онъ пойдетъ и увѣдомитъ хозяина о пришествїи къ нимъ в лицаго Чернобога во плоти. Онъ зналъ, что дворъ етотъ былъ проходной, и такъ убрался благополучно, а жрецу оставилъ надежду и питалъ самаго изряднаго дурака. Въ городѣ остаться ему ни какъ было не возможно, и такъ не дожидая свѣта поручилъ себя произволенїю судьбины, и сдѣлался въ первой разъ путешественникомъ въ свѣтѣ; можетъ быть сдѣлалъ онъ сїе по необходимости, а можетъ и въ угодность сочинителя; все статься можетъ. Имай

дожидался съ превеликимъ нетерпѣнїемъ и готовился оказать свое краснорѣчїе, чтобъ имъ больше походить безсмертнаго. Въ семъ его веселомъ воображенїи прошла уже вся ночь, онъ увидѣлъ свѣтъ, и съ нимъ узрѣлъ вмѣстѣ, что онъ обманутъ, и что всего ему было досаднѣе, такъ то, что въ такомъ почтенномъ чину и въ глубокой старости весьма искусно одураченъ. По чему видно, что старость и высокїе чины не дѣлаютъ насъ разумными; они производятъ только къ намъ въ другихъ почтенїе, а дурачества нашего у насъ они отнять не могутъ. Онъ столько озлился на незнаемаго имъ Неоха, что въ тужъ минуту готовъ былъ позабыть все свое смиренїе и растерзать его на части; и дѣйствительно бы сїе сбылось, ежелибы Неохъ ему попался въ руки: ибо со жрческою злостїю и ехидна сравниться не можетъ. Они не такъ, какъ мы просполюдины, злятся до тѣхъ поръ, покамѣстъ положатъ его во гробъ, и засыплютъ землею; но другїе говорятъ, что они и во адѣ не забываютъ своего свирѣпства. Однако какъ бы то ни было, а Имай принужденъ былъ воз-

вратиться домой, и принести въ оной вмѣсто золотой жертвы превеликую досаду и огорченїе. Онъ предпрїялъ сказать, что невольникъ разломалъ двери и ушелъ изъ-подъ караула; ибо другаго не вздумалъ ничего къ своему оправданїю.

ГЛАВА XXIII.

ВЕЧЕРЪ 53.

Продолженїе сказки о рожденїи тафтяной мушки.

Солнце съ востоку сыскало дорогу на небо, а Неохъ изъ города не могъ найти оной до Ильменя озера; но языкъ до Кіева доводитъ. Онъ находился въ пути два дни, и обшедъ на другую сторону озера, присталъ къ жрецамъ Ладина храма. Сїи роскошныя животныя усмотря въ немъ отмѣнную отъ прочихъ добродѣтель; ибо онъ весьма способенъ былъ ко всякимъ острымъ выдумкамъ и разнымъ удивительнымъ хитростямъ, приняли его въ свое со-

общество, и удостоили получить ему равную съ ними часть отъ жертвы. Посвящать его было не надобно, ибо онъ и безъ того имѣлъ на себѣ жреческое платье; и такъ сказалъ имъ о себѣ, что онъ жрецъ и перемѣнилъ имя. Съ этихъ поръ будетъ онъ именоваться Випдолшаромъ до времени. Жрецы когда уже удостоили его быть своимъ товарищемъ, то не были они ни въ чемъ сокровенны, и объявляли ему все безъ всякой застѣнчивости. Въ нѣкоторой день послѣ келейной трапезы, которая изрядно подкрѣпила ихъ чувства, начали они открываться отцу Випдолшару другъ передъ другомъ усерднѣе; одинъ говорилъ, что онъ содержитъ на своемъ иждивеніи прекрасную дѣвушку, которая въ угодность его живетъ очень не далеко отъ ихъ храма, и которую посѣщаетъ онъ ночью; другой разсказывалъ, что получаетъ великую благосклонность отъ одной управительской жены, и всегда бываетъ у нее въ то время, когда мужъ выѣзжаетъ изъ дому; третій хвалился, что онъ весьма счастливъ въ нѣкоторой знатной госпожѣ, у которой по посламъ отправляетъ до-

мовую службу; иной говорилъ, что онъ влюбленъ въ молодую Секретарскую же ну, и за большую ея благосклонность намѣренъ выпросить мужу ея Ассессор ской чинъ, что уже ему и обѣщано еще нѣкоторой говорилъ, что будто онъ управилъ одного приказнаго служи теля въ ссылку за то, что тотъ пре пятствовалъ ему имѣть свиданіе съ его женою; словомъ, они наговорили Вни долгару столько много, что ежелибы описать все подробно, то сіе сочиненіе составило бы Арабскую библіотеку, ко торой, какъ сказываютъ, нѣкоторой своенравной владѣлецъ шесть мѣсяцовъ топилъ свои комнаты. Но настоящель какъ чиномъ, такъ и любовными дѣла ми превосходилъ всѣхъ прочихъ; онъ сказывалъ, что монастырскіе доходы дѣлитъ на три части, одну употреб ляетъ на храмъ, другую беретъ себѣ на собственныя свои нужды, а третью тратитъ на содержаніе нѣкотораго числа благородныхъ дѣвицъ, а именно: толь ко на двухъ. Онѣ живутъ великолѣпно, говорилъ онъ, имѣютъ множество слугъ, довольно каретъ и лошадей; въ домѣ ихъ бываетъ собраніе старухъ, женщинъ

и дѣвушекъ набожныхъ: тутъ ни о чемъ больше не говорятъ, какъ о богословіи; всякой день толкуютъ библію, и хотятъ переложить ее на стихи. Важныя и замысловатыя женщины дѣлаютъ нравоученія мущинамъ, и сочиняютъ великую книгу о постоянствѣ въ противности всѣмъ свѣтскимъ Авторамъ; а чтобъ книга сія имѣла отличность отъ другихъ, то первой томъ хотятъ онѣ напечатать розовыми чернилами, другой зеленымъ, а третій, которой будетъ не столько важенъ, какъ первый, небеснаго цвѣта краскою. Мнѣ кажется, что сіи женщины, продолжалъ раскащикъ, нѣсколько замѣшались въ разумѣ, и не худо, ежели бы онѣ спросились о напечатаніи своей книги у нѣкоторыхъ здѣшнихъ еще новомодныхъ сочинителей, изъ которыхъ одинъ видѣлъ Аполлона въ Валдаяхъ, и хочетъ на сей случай сочинить героическую поему, въ началѣ которой думаетъ скинуть съ Гомера сандаліи и обуть его въ лапти. Другой дѣлаетъ комедію стихами подъ именемъ „ преселеніе боговъ „ изъ Фессаліи на Волгу „. Въ первомъ вступленіи оной посадитъ рабошники

землю, кладутъ ее въ кучу, и тѣмъ стараются сдѣлать Олимпъ; все первое дѣйствіе продолжается въ сей работѣ; ибо складывать большую гору весьма много надобно времени; сверьхъ же того обѣдаютъ, ужинаютъ, ложатся спать, и во снѣ бредятъ работники стихами; въ концѣ же сего дѣйствія поютъ они Рускія пѣсни вмѣсто Итальянскихъ арій, которыя сочинитель сдѣлалъ съ Итальянскаго и Французскаго манера на Русской ладъ весьма не складно.

Во второмъ, по окончаніи горы платятъ имъ за работу, и которому дано меньше, тотъ съ превеликою пассіею говоритъ большей монологъ, и укоряетъ въ ономъ человѣческое беззаконіе; а тѣ, которые довольны, что заплачено за труды ихъ безъ всякаго извѣщія, пляшутъ на театрѣ, изъ чего составляется нѣкоторое подобіе балѣта: и тѣмъ кончится второе дѣйствіе. Въ третьемъ, приходятъ боги въ разныхъ и смѣшныхъ одеждахъ, которое украшеніе означаетъ сочинителевъ разумъ; жалуются чрезвычайно на безпокойство, которое они претерпѣли

и дѣвушекъ набожныхъ: тутъ ни о чемъ больше не говорятъ, какъ о богословіи; всякой день толкуютъ библію, и хотятъ переложить ее на стихи. Важныя и замысловатыя женщины дѣлаютъ нравоученія мущинамъ, и сочиняютъ великую книгу о постоянствѣ въ противности всѣмъ свѣтскимъ Авторамъ; а чтобъ книга сія имѣла отличность отъ другихъ, то первой томъ хотятъ онѣ напечатать розовыми чернилами, другой зеленымъ, а третій, которой будетъ не столько важенъ, какъ первый, небеснаго цвѣта краскою. Мнѣ кажется, что сіи женщины, продолжалъ раскащикъ, нѣсколько замѣшались въ разумѣ, и не худо, ежели бы онѣ спросились о напечатаніи своей книги у нѣкоторыхъ здѣшнихъ еще новомодныхъ сочинителей, изъ которыхъ одинъ видѣлъ Аполлона въ Валдаяхъ, и хочетъ на сей случай сочинить героическую поему, въ началѣ которой думаетъ скинуть съ Гомера сандаліи и обуть его въ лапти. Другой дѣлаетъ комедію стихами подъ именемъ „ переселеніе боговъ „ изъ Фессаліи на Волгу „. Въ первомъ вступленіи оной посятъ рабошники

землю, кладутъ ее въ кучу, и тѣмъ стараются сдѣлать Олимпъ; все первое дѣйствіе продолжается въ сей работѣ; ибо складывать большую гору весьма много надобно времени; сверьхъ же того обѣдаютъ, ужинаютъ, ложатся спать, и во снѣ бредятъ работники стихами; въ концѣ же сего дѣйствія поютъ они Рускія пѣсни вмѣсто Италіанскихъ арій, которыя сочинитель сдѣлалъ съ Италіанскаго и Французскаго манера на Русской ладъ весьма не складно.

Во второмъ, по окончаніи горы платятъ имъ за работу, и которому дано меньше, тотъ съ превеликою пассіею говоритъ большей монологъ, и укоряетъ въ ономъ человѣческое беззаконіе; а тѣ, которые довольны, что заплачено за труды ихъ безъ всякаго изъявленія, пляшутъ на театрѣ, изъ чего составляется нѣкоторое подобіе балета: и тѣмъ кончится второе дѣйствіе. Въ третьемъ, приходятъ боги въ разныхъ и смѣшныхъ одеждахъ, которое украшеніе означаетъ сочинителевъ разумъ; жалуются чрезвычайно на безпокойство, которое они претерпѣли

въ дорогѣ; иной говоритъ, что стеръ онъ больно ногу, и хочетъ сдѣлаться больнымъ; другой говоритъ, что онъ уже и такъ боленъ: ибо весьма много гростудился, и не въ состоянїи сидѣть на деревенскомъ Олимпѣ. Во всемъ семъ дѣйствїи слышно стенанїе и вопль; тутъ поютъ печальныя арїи, которыя сочинитель взялъ изъ песенъ и изъ другихъ сочиненїй разумныхъ Авторовъ; ибо по правиламъ комедїи третїе дѣйствїе должно быть печально и украшено крадеными стихами и мыслями. Въ четвертомъ, Авторъ желая показать все театральное великолѣпїе, выпускаетъ богинь, которыя вмѣсто старинныхъ колесницъ выѣзжаютъ на театръ на купеческихъ четвероколесныхъ дрогахъ и на претощихъ деревенскихъ лошадяхъ, которое все досталось сочинителю по наслѣдству. Въѣздъ ихъ приключится при огромной музыкѣ, которая составляется изъ волынокъ, рожковъ, балалаекъ и рылей; потомъ сходятъ онѣ съ колесницъ, осматриваютъ новое мѣсто, чрезвычайно имъ любуются, рвутъ болотные цвѣты, и сдѣлавъ изъ оныхъ вѣнки, надѣваютъ

себѣ на головы, и вмѣсто зеркаловъ смо
трятся въ непрозрачную болошную воду.
Деревенскїе жишели весьма радуяся ихъ
пришествїю, пошчиваютъ съ превели-
кимъ усердїемъ просшымъ виномъ и пи-
вомъ, боги ошговариваются и пишь шог-
не хошятъ: и сїе-што сосшавляетъ само-
лучшее вступленїе въ комедїи, и можно
сказашь, чшо оно коронуетъ сочинишеля. Въ пяшомъ дѣйсшвїи самъ Авшоръ
являешся между боговъ на шеашрѣ, у
вѣнчанный словыми вѣшьвями; ибо въ
деревняхъ о лаврѣ не знаютъ, да онъ
же шого и не досшоинъ. Сколько вели
ко его пониманїе и высокїй замыселъ
сшолько онъ малъ росломъ, и походитъ
на самое не нужное самодвигалище; шра
гическимъ образомъ и правильными сти-
хами, которые онъ въ случаѣ нужды
дѣлашь умѣешъ, просишъ боговъ, чшо-
бы они позволили и ему жишь съ ними
на Олимпѣ. Услыша сїе боги и богини
начнушъ между собою великой споръ,
въ которомъ съ позволенїемъ сочинишеля
кричашъ весьма громко, изъ чего сосша-
вляе я дуешъ, шрїо и квартешъ, и сїе
вступленїе походишъ нѣсколько на опе-
комикъ. Послѣ угомонившись совѣшу-

тъ между собою безъ всякаго крику, гдѣ
ке не слышно и музыки; наконецъ
Юпитеръ опредѣляетъ ему жить на
лимпѣ, выговаривая притомъ сїи сло-
: ежелибы онъ дерзнулъ проситься
а Фессалїйской Олимпъ, то за такую
го смѣлость превратили бы его боги
ъ квадратную черепаху, а на семъ
лимпѣ можетъ онъ жить безъ всякаго
репятствїя; ибо тутъ большая по-
овина навозу, и для чего нынѣ поезїя
го течетъ изъ навозной Ипокрены. И
акъ Авторъ всходитъ на вершину го-
ы, гдѣ кленется въ прозѣ передъ всѣ-
и богами, что надѣлаетъ онъ пре-
ножество оперъ, а особливо важныхъ,
выправитъ совсѣмъ Руской языкъ.
Все сїе драмматическое сочиненїе кон-
ится сочинителевою пантомимою; ибо
нъ съ Олимпа протянетъ къ зрителямъ
уку, и сдѣлаетъ видъ весьма при-
скорбный, чемъ изъявляетъ, чтобы за-
платили ему за работу.

Къ сему сочиненїю сдѣлано у Ав-
тора предисловїе, въ которомъ онъ опи-
салъ поколѣнїе свое такимъ образомъ:
родился въ небольшемъ Россїйскомъ
родкѣ, стоящемъ на берегу рѣки Вол-

ги ; дѣдъ мой былъ столпъ старинаго правовѣрїя и Кавалеръ алаго козыря которой носятъ страдальцы на запылкѣ ; кафтанъ носилъ геометрической изъ коричневаго сукна въ знакъ смиренномудрїя ; на рукѣ имѣлъ всегда перстень , которой не уступалъ древностїю Кремлю городу, и въ которомъ задѣлана была весьма искусно часть ногтя съ указательнаго перста протопопъ Аввакума ; борода его состояла изъ сорока осьми волосовъ, и была она осьмиугольная ; и онъ утверждалъ , что въ такой бородѣ обитаетъ душа человѣческая и всякой волосъ необходимой членъ въ нашей жизни; усы имѣлъ изъ двацати шести волосовъ, и такъ все было на немъ пропорцїонально. Что же до разума его принадлежитъ , то онъ былъ весьма несравненной мужъ въ знанїи , и всѣ стихи , которые напечатаны позади азбуки; зналъ наизустъ , и училъ оными другихъ; узнавалъ людей по шапкѣ, кому одесную, и кому ошуюю стоятти ; вѣдалъ , въ какой шапкѣ сидитъ сатана , и какой боится. На Макарьевской ярманкѣ разсуждалъ весьма разумно о бородѣ и о усахъ , отъ чего

накопилъ довольно имѣнія, которымъ пользуется теперь и сочинитель; и словомъ, бывалъ тотъ мужъ вездѣ, выключая церквей, куда не ходить имѣлъ онъ свои причины. Кто нюхалъ табакъ, то тѣхъ людей отсылалъ онъ безъ допросу во адъ. И такъ Авторъ сей приводитъ, что премудрость досталась ему по наслѣдству, и пишетъ онъ стихи по вдохновенію дѣдову, съ котораго въ Брынскихъ лѣсахъ списанъ портретъ, и хранится весьма рачительно.

ГЛАВА XXIV.

ВЕЧЕРЪ 54.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Въ скоромъ времени пріѣхалъ изъ Новагорода присланной отъ первосвященника, которой объявилъ отцу намѣстнику, что присланъ онъ требовать отъ него проповѣдника. Пашъ, говорилъ онъ, волею боговъ заболѣлъ, и не въ состояніи увѣщевать народъ для того, что больной врачь не можетъ пользовать

немоглыхъ. Приказано было готовиться отцу Внидолшару, и вступить въ должность народнаго учителя; отъ чего нѣсколько было онъ усумнѣлся, однако представивъ себѣ то, что первосвященникъ видѣлъ его одинъ только разъ, и то мелькомъ, разсудилъ, что тотъ его не узнаетъ; а когда же пришла ему сія надежда въ голову, то онъ съ превеликою радостію хотѣлъ отправиться, и отправился. Въ дорогѣ ничего съ нимъ важнаго не случилось, ибо онъ не былъ изъ числа тѣхъ храбрыхъ людей, которые находящся въ дорогѣ, обижаютъ крестьянъ по деревнямъ, отымаютъ у нихъ насильно лошадей, берутъ съѣстные припасы и за нихъ не платятъ, не имѣя къ тому ни малѣйшаго права, и послѣ ласкатели называютъ ихъ людьми добродѣтельными.

Внидолшаръ пріѣхавъ въ Новгородъ, позванъ былъ къ первосвященнику, которой сначивая его очень долго, похвалилъ его разумъ и знаніе: и такъ приказано было ему готовиться къ проповѣди приличной къ тому торжественному дню, которой въ скоромъ времени имѣетъ наступить. Новой про-

повѣдникъ не столько старался о поученіи, сколько о новомъ и порочномъ своемъ предпріятіи; ибо онъ опять взялся умертвить первосвященника; а что его любовница еще здравствовала, о томъ увѣдомиться стоило ему не великаго труда. Онъ призвалъ къ себѣ жреца, которой отрекшись мѵра, не отрекся онъ денегъ, и любилъ ихъ столько, что погибель ближнему сдѣлать за деньги никогда не раздумывалъ; съ нимъ они согласились, какимъ образомъ, и что изъ того послѣдовало, извольте слушать, примолвилъ сказывальщикъ, я буду разсказывать.

Слышали вы въ повѣсти о Сколославѣ, что истуканъ Чернобогова былъ пустой, и когда надобно было давать отвѣты, то первосвященникъ входилъ въ оной, и тамъ запирался, и говорилъ устами Чернобога; а послѣ, какъ онъ изъ него выходилъ весьма осторожно то наполняли истуканъ нарочно приготовленнымъ къ тому подъ престоломъ пламенемъ весьма въ скорое время по выходѣ жреческомъ, чтобъ тѣмъ доказать, будто бы никого въ истуканѣ не

было. Когда насталъ тотъ торжественной день, и начали люди собираться въ храмъ, тогда Виндолшаръ возшедъ на возвышенное мѣсто, поучалъ народъ весьма съ превеликимъ успѣхомъ при похвалѣ народной, и не только не знающїе его люди, но и сами его прїятели въ немъ обманулись. По сошествїи съ каѳедры бросился онъ подъ престолъ Чернобоговъ, и тамъ изготовился совсѣмъ къ своему предпрїятїю. Первосвященникъ находился уже въ истуканѣ, и готовъ былъ давать отвѣты приступившему къ нему духовенству и всему народу; но въ самое это время отецъ Виндолшаръ запалилъ изготовленныя подъ престоломъ горючїя матерїи, и началъ жарить великаго жреца въ истуканѣ. Идолъ варевѣлъ не по божески, а такъ, какъ простолюдимъ подъ батогами. Первосвященникъ какъ въ немъ ни вертѣлся, однако принужденъ былъ вариться безъ всякаго разумнаго отвѣта. Весь народъ пришелъ отъ того въ превеликое помѣшательство, великой страхъ и блѣдность изобразилися на ихъ лицахъ, всякой хотѣлъ подать скорую помощь истукану; но вся —

й и трепеталъ приступить къ оному; бо какъ человѣческая сила можетъ пособить помощь небесному жителю. Въ которомъ времени идолъ полетѣлъ съ пьедестола на полъ. Жрецы, чтобъ прервать свое невѣжество, бросились весьма поспѣшно ухватить оной; но руки ихъ приварило къ раскаленной мѣди, и они закричали не складнѣе своего бога. Все сіе великое шорженство опорпилось, и походило больше на собраніе бѣшеныхъ людей, нежели на празднующихъ. Виндолинъ сочинивъ такую потѣху, радовался, что произвелъ намѣреніе свое съ превеликимъ успѣхомъ, сія радость была причиною его погибели. Сколько онъ былъ ни хитръ, однако позволилъ признать другимъ жрецамъ, что приключеніе сіе не миновало рукъ его и желанія. Въ одну минуту безъ всякой худой размолвки взяли его, и посадили въ самую страшную шюрьму, которая находилась подъ городскою стѣною, и куда обыкновенно заключали плѣнниковъ. Тамъ онъ былъ свободенъ придумывать различные способы къ своему избавленію, и ничто ему не мѣшало

вышши изъ оныя, только препятствовала одна невозможность.

Тотъ жрецъ, которой согласился со Внидолшаромъ, не меньше боялся, сколько и Внидолшаръ; дѣло сдѣлано было вмѣстѣ, слѣдовательно и наказаніемъ наградили бы ихъ не розно. Онъ былъ въ числѣ того совѣта, которой дѣлалъ приговоръ убійцѣ, и въ которомъ опредѣлено было смертію его казнить. Жрецъ совѣтовалъ имъ, чтобъ скрыть сіе отъ народа, что послать его въ заточеніе на Валдайскія горы, и тамъ уморить голодомъ. Все собраніе на сіе согласилось, и отправили преступника на назначенное имъ мѣсто съ четырьмя телохранителями покойнаго первосвященника; ибо первой жрецъ означалъ тогда и духовную и владѣтелеву особу. Не отъѣхали они еще отъ города и десяти верстъ, какъ увидѣли, что поспѣшаетъ за ними гонецъ, которой отведши Внидолшара на сторону, вручилъ ему тихимъ образомъ пятьдесятъ золотыхъ гривенъ, и сказалъ притомъ, что жрецъ тотъ, которой имѣлъ съ нимъ заговоръ, прислалъ ему сіи деньги на избавленіе, и чтобы [illegible]

долшаръ употребилъ ихъ въ свою пользу такимъ образомъ, какимъ за благо разсудитъ, и такъ простившись съ ними возвратился гонецъ въ городъ.

Виндолшаръ получивъ толикое сокровище, ни мало не умедливъ употребить его въ свою пользу, и въ первой деревнѣ, гдѣ они ночевали, условился онъ съ проворнымъ мужикомъ, чтобъ произвести дѣло хорошимъ порядкомъ и избавиться ему отъ неволи. Дѣйствїе же сїе происходило такимъ образомъ: когда встали они по утру и поѣхали въ путь, тогда согласившїйся со Виндолшаромъ мужикъ запрягъ хорошихъ трехъ лошадей, и положивъ на возъ сороковую бочку вина, поѣхалъ въ слѣдъ за ними. Достигши ихъ началъ онъ весьма больно бить лошадей которыя бѣжали очень скоро, и такъ мужикъ будтобы упавъ съ воза выдернулъ гвоздь у бочки, и остался на дорогѣ, а лошади, какъ стали обгонять неволника съ воинами, то были удержаны. Солдаты увидя, что вино течетъ безполезно на землю, подставили шеломы, и нацѣдивъ въ оныя, оказали себя въ семъ случаѣ, что они вина испить умѣли

довольно изрядно, и такъ насосдавшись неправно носы, не могли больше продолжать своего пути, легли почти безчувствия на травѣ. Солнце согрѣвало ихъ наружность, а вино горячило внутренность; сонъ усыпилъ ихъ члены, а хмель угомонилъ бодрость и всякое бдѣніе, и такъ уснули они крѣпко, что никакой страхъ, ниже предстоящая имъ бѣда разбудить ихъ были не въ силахъ.

ГЛАВА XXV.

ВЕЧЕРЪ 55.

Продолженіе сказки о рожденіи тафтяной мушки.

Крестьянинъ и отецъ Внидолшаръ находился тогда трезвыми, слѣдовательно избавились онъ всякой неволи; ибо трезвой у пьянаго, такъ какъ разумной у дурака, подъ смотрѣніемъ быть не можетъ. Внидолшаръ хотѣлъ очень скоро оставить сихъ безчувственныхъ воиновъ; а мужикъ уходомъ отъ оныхъ доволенъ быть не разсудилъ

за благо. Онъ вынялъ изъ пазухи мыло и бритву, нацѣдилъ въ шишакъ вина, и началъ мылить солдатамъ головы и брить ихъ до гола, отъ чего и нынѣ ходитъ между простымъ народомъ бѣсия подъ именемъ„ Деревня плешивыхъ; и когда начали лоснитися прошивъ солнца воинскія головы, то Виндолшаръ и крестьянинъ оставили ихъ опочивать покойно. Мужикъ идучи, сказалъ Виндолшару, что онъ отмстилъ солдатамъ бритьемъ за то, что они ѣздя по деревнямъ обижаютъ весьма много крестьянъ.

Какъ скоро перешли они то поле, на которомъ оставили упившихся воиновъ, то увидѣли на другомъ дубинное сраженіе, которое происходило между мужиками за землю. Въ ихъ глазахъ одинъ отважной съ глупостью крестьянинъ ударилъ другаго въ самое темя оглоблею, не сказавъ ему, чтобы онъ посторонился, такъ неосторожно, что мужикъ тотъ въ одну минуту переселился на тотъ свѣтъ, и здѣлалъ изъ своей особы лишняго покойника въ мірѣ. Когда же кончилась сія мужицкая брань, и все деревенское воинство разо-

шлося по домамъ, то осталея мертвой крестьянинъ на ратномъ полѣ, въ знакъ побѣды и завоеванія сельскаго. Внидолтаръ предложилъ своему товарищу, чтобъ нарядить мертваго мужика въ жреческое платье и положить въ кибитку къ солдатамъ, а ему одѣться въ крестьянское, чтобъ тѣмъ укрыть свой побѣгъ, и отвратить и дозрѣніе; какъ согласенось, такъ и сдѣлано. Въ сіе время отецъ Внидолтаръ отдалъ жреческое платье, и скинулъ съ себя духовное имя, которое долго время прикрывало всѣ его дурные ошъ отважности происходящіе пороки. Мертвой крестьянинъ въ жреческомъ платьѣ отнесенъ былъ къ спящимъ воинамъ; ратное поле очищено, Внидолтаръ превращенъ въ Неоха, а солдаты оставлены выспаться въ покоѣ. Неохъ и мужикъ поблагодаря другъ друга, одинъ за одолженіе, а другой, что заплачено ему за оное весьма изрядно, разстались. Куда пошелъ крестьянинъ, объ этомъ я не извѣстенъ; а что касается до Неоха, що хотя я не шелъ за нимъ слѣдомъ, однако знаю всѣ его намѣренія, и что впередъ съ нимъ случишься можетъ.

Слова сіи хотя и не означаютъ загадки, однако нѣчто такое, чего я и самъ, правду выговорить, не понимаю.

Неоху ни коимъ образомъ не можно было возвратишься въ Новгородъ, и для того отправился онъ въ Винешу, гдѣ нашелъ для себя изрядное мѣсто, а именно сдѣлался онъ у одного знатнаго господина Секретаремъ такихъ дѣлъ, которыя отправлялися у его Высокопревосходительства въ спальнѣ. Начало вступленія Неохова въ сію должности весьма было изрядно, но конецъ несравненно сдѣлался лучшимъ; ибо отъ сего началось прямое его счастіе, лучшее продолженіе исторіи, веселыя приключенія, въ которыхъ начнетъ показываться Неохъ героемъ сей повѣсти, разумнымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ, великимъ Министромъ, которымъ чиномъ награжденъ онъ будетъ вскорѣ, страстнымъ любовникомъ и изобрѣтателемъ великія вещи, а именно: тафтяной мушки, которая скрывалася до сего въ модномъ Лавиринѣ, въ коемъ хранятся всѣ сіи рѣдкости.

Когда солдаты возвратившись въ городъ объявили жрецамъ о смерти мнимаго отца Видолшира, тогда сіи велѣли разгласить по всему городу его преступленіе. Народъ услышавъ сіе просилъ его тѣла, чтобъ сдѣлать достойное ему поруганіе: чего ради жрецы ни мало не медля, опредѣлили зжечь его всенародно. Въ назначенное къ тому время всѣ жители великаго Новагорода собрались на то поле, на которомъ должно было истребить виновнаго, выключая одной только Владимиры, а можетъ быть и многихъ, чего я утверждать не смѣю, хотя весьма ошвакенъ въ моихъ предпріятіяхъ и храбръ довольно. Храбрость же мою оказываю я временемъ; въ горницѣ иногда сражаюся съ мухами; а когда бываю въ лѣсу, то воюю съ комарами, или со всякою такою шварью, которая меня боится; впрочемъ, часто разказываю о баталіяхъ, о раззореніи городовъ, о убійствѣ великаго числа солдатъ, о смерти во время войны многихъ Полководцевъ безъ всякаго страху, и утверждаю, что ежели бы я былъ тамо, то бы надѣлалъ великія чудеса, и удивилъ храбростію

моею цѣлую половину свѣта; но въ самой вещи не токмо военной службы, ни и одной военной одежды боюся: что не ложь, что правда, а что неправда, что новая истинна, богиня приказныхъ служителей тѣхъ, которые охотники до взяшковъ, или тѣхъ людей, кои подобны мнѣ въ храбрости, хотя и находятся въ военной службѣ, но трусятъ войны больше, нежели я, которой лгу самъ на себя, будто боюся умереть; знаю, что тѣ скорѣе въ гробъ ложатся, которые всего боятся.

Въ глазахъ всего народа пострадалъ невинной мужикъ за беззаконнаго студента; тѣло его было сожжено и прахъ развѣянъ по вѣтру, которой расшаскали Орифіины дѣти, такъ какъ молву и смятеніе народное. Владимира жалѣла ли объ отцѣ, объ етомъ я не извѣщенъ; ибо она мнѣ сего не сказывала, а лжи писать я не намѣренъ; хотя совѣстно вы говорить, что и сама правда безъ краснаго слова не казиста; однако надобно знать время и распорядить часы, когда лгать и говорить правду, чтобъ не совсѣмъ прожиться совѣстью для того, что суть у насъ два рода лю-

дей: одни чрезвычайно любятъ безсе
вѣстныхъ и льстецовъ, а добродѣтель
ныхъ ненавидятъ; а другіе жалуютъ лю
дей правдивыхъ и совѣстныхъ, напро
тивъ того льстецовъ и обманщиковъ
терпѣть не могутъ: чего ради должны
мы стараться быть и то и другое, еже
ли хотимъ получить счастіе въ людяхъ
Что жъ касается до Неока, то госпожа
Владимира не выпускала его никогда
изъ своихъ мыслей; ибо она въ него
влюбилась; а чтобъ влюбиться,
то на сіе не много надобно времени,
довольно одной минуты. Время поку-
пается весьма дорого, не смотря на то,
что мы на бездѣлицы его тратимъ; а
это происходитъ отъ того, что мы
сами себя не понимаемъ. Всѣ дни пре-
проводила она въ великомъ сѣтованіи
Полученная свобода и оставшееся ей
послѣ родителя имѣніе не приносили ни-
какого облегченія въ печали; ибо она
думала, что дѣйствительно созженъ
былъ Неохъ подъ именемъ Внидолта-
ровымъ; о жречествѣ его была она из-
вѣстна, и обо всемъ, что происходило
до посланія Неохова въ заключеніе. Воз-
ненавидѣла она сама себя, и готова бы-

ла пресѣчь дни своея жизни трагическимъ образомъ, то есть, заколоться кинжаломъ, или выпить ядъ, чтобъ преселиться ей въ царство мертвыхъ; и тамъ соединившись съ любовникомъ начинать жить снова. Когда же находилась она въ семъ ожиданіи, то чрезъ нарочно посланнаго получила письмо отъ Неоха слѣдующаго содержанія:

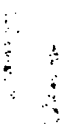
ГОСУДАРЫНЯ МОЯ!

„Человѣкъ, преселившійся на тотъ „свѣтъ, ни читать, ни писать уже не „умѣетъ, а особливо любовныхъ писемъ; я „писалъ сіе письмо своею рукою: слѣдо„вательно я живъ; а должность живаго „Неоха желать тебѣ всякаго благополучія, „любить тебя чрезвычайно и быть вѣр„нымъ до гроба. Я нахожусь теперь въ „Винетѣ во всякомъ благополучіи; а какъ „чрезъ меня къ тебѣ пріѣхать въ Новгородъ, то „про ту тебя и увѣдать въ Винету, въ „которомъ ты найдешь вѣрнаго и почи„тающаго тебя Неоха, естьли онъ тебѣ „надобенъ. Ожидая отвѣта, и не желая ни„когда съ тобою разлучиться, остаюсь „охотный твой слуга,

Неохъ.

Сей вечеръ и третья часть сказокъ кончены такимъ образомъ: сказывальщикъ пересталъ продолжать Неоховы приключенія, а сочинитель и по неволѣ замолчать долженъ, ибо говорилъ онъ чужими устами. И такъ предпріялъ стараться объ окончаніи сей сказки, которая начата имъ подъ именемъ: „Рожденіе тафтяной мушки. Окончавъ же сію часть, имѣетъ онъ въ мысляхъ сію пословицу: „ конецъ вѣнчаетъ „дѣло.

БОЛЬШЕ НИЧЕГО.



PQ
3311
.C5.P4
1789
v.3

[redacted]
3 6105 001 341 390

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

SEP 21 2002
SEP 2 1 2002